

**Коми отделение
Академии военно-исторических наук**

**Институт языка, литературы и истории
Коми научного центра Уральского отделения РАН**

**Вологодский региональный
научно-исследовательский центр краеведения
и локальной истории «Северная Русь»**

**ТРУДЫ КОМИ ОТДЕЛЕНИЯ
АКАДЕМИИ
ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК**

Выпуск 8

*Юбилею Отечественной войны 1812 года
посвящается*

Сыктывкар–Вологда 2012

УДК 94:355:930 "1812"

ТРУДЫ КОМИ ОТДЕЛЕНИЯ АКАДЕМИИ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК. Сыктывкар; Вологда, 2012. Вып. 8. 180 с.

Очередной выпуск «Трудов Коми отделения Академии военно-исторических наук» приурочен к проведению в России Года российской истории и юбилейных мероприятий, посвященных победе русского оружия в Отечественной войне 1812 г.

Сборник содержит новейшие исследования, отражающие историографическую традицию эпохи 1812 г.

Книга адресована научным сотрудникам, специалистам в области музейного, архивного и библиотечного дела, а также широкой читательской аудитории.

Редакционная коллегия

д.и.н., академик АВИН **И.Л. Жеребцов** (председатель), к.и.н., член-корр. АВИН **И.О. Васкул** (зам. председателя), к.э.н., член-корр. АВИН **Е.Н. Рожкин** (отв. секретарь), к.и.н., член-корр. АВИН **А.Д. Напалков**, д.и.н., академик АВИН **А.А. Попов**, к.и.н., член-корр. АВИН **М.В. Таскаев**, д.и.н., академик АВИН **В.И. Чупров**

Ответственные редакторы и составители выпуска:

*д.и.н. **И.Л. Жеребцов, С.А. Тихомиров***

*Рецензент: д.и.н. **М.А. Мацук***

Сборник подготовлен при поддержке Программы фундаментальных исследований Уральского отделения РАН, проект № 12-У-6-1001.

ISBN 978-5-89606-482-4

- © Коллектив авторов, 2012
- © Коми отделение Академии военно-исторических наук, 2012
- © Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, 2012
- © Вологодский региональный научно-исследовательский центр краеведения и локальной истории «Северная Русь», 2012
- © Жеребцов И. Л., Тихомиров С. А., сост., науч. ред., 2012

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1812 ГОДА

И.А. Шенин*

ИСТОРИЯ НАШЕСТВИЯ НАПОЛЕОНА В РОССИЮ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ**

Отечественная историография Двенадцатого года зародилась непосредственно в период войны и прошла в своем развитии несколько этапов.

Дореволюционный период

С 1812 г. по первую половину 50-х гг. XIX в. – этап оформления официально-патриотической концепции Отечественной войны 1812 г.

Ее основные положения опирались на опубликованные Манифесты, декларации и правительственные сообщения официально-патриотического характера. Наиболее оперативно на события войны реагировала периодическая печать. Статьи на злобу дня публиковали почти двадцать газет и журналов. В столице информацию из действующей армии публиковали, главным образом, в «Прибавлениях» к «Санкт-Петербургским ведомостям» и «Северной почте». Тематика публицистики, кроме того, была представлена исторической ретроспективой, патриотическими размышлениями, заметками, а также всевозможными рассказами («анекдотами») об отдельных эпизодах войны.

Одной из форм информирования населения о текущих военных событиях стали листовки. Наибольшего распространения они получили в Москве благодаря усилиям столичного военного губернатора и Главнокомандующего Ф.В. Ростопчина. В последующей историографии московские листовки известны под названием «Ростопчинских афиш». Генерал-губернатор объяснял появление «афиш» необходимостью «держать город в курсе событий и военных действий», влиять на умы народа, «возбуждать в нем негодование и готовить его ко всем жертвам для спасения

* **Шенин Игорь Александрович** (Москва) – доктор исторических наук, профессор кафедры истории Военного университета.

** В статье автор изучает историографическую традицию Отечественной войны 1812 г., начавшую складываться сразу после окончания заграничного похода русской армии в Париже, и доходит до новейшей историографии наполеоновского нашествия, исключая, правда, по этическим соображениям, исследования и публикации последнего десятилетия.

Отечества». По подсчетам П.А. Картавова, в период войны было выпущено пятьдесят семь таких информационных листов. Содержание двадцати трех из них составлял лично Ф.В. Ростопчин [1].

В войсках листовки выпускались походной типографией Главного штаба. Редакционно-издательскую деятельность этой типографии организовали А. Кайсаров и Ф. Рамбах.

В это же время большое распространение получили публицистические брошюры [2]. В 1812 г. только в Москве и Петербурге их вышло около полусотни. Всего в 1812–1815 гг. по поводу наполеоновской агрессии опубликовано более полутора сотни отдельных изданий.

Авторы публикаций военного времени еще не ставили перед собой задачи научного исследования войны и зачастую даже не пытались восстановить хронологию событий. Печатная продукция выполняла мобилизующую и информативную роли. Как правило, она представляла собой эмоциональные отклики современников по поводу вражеской агрессии. Первый историограф темы А.И. Михайловский-Данилевский не относил такой «недостаток хладнокровия» к серьезным изъянам публицистики военного лихолетья, считая что «ниродно русскому сохранять равнодушие, видя пламенеющую Москву и бедствия Отечества».

Уже во время заграничных походов в 1813–1814 гг. в атмосфере всеобщего национального подъема в обществе осознаются величие и историческая значимость свершившихся в России событий, необходимость запечатлеть историю борьбы с Наполеоном для потомков. Этот стимул подтолкнул к написанию первых обобщающих трудов. Подобные попытки начались с января–февраля 1813 г., когда в печати появились различного рода «Обозрения» и «Описания» кампании 1812 г. [3].

В качестве важнейшей особенности послевоенной историографии, можно отметить ее официальную, проправительственную направленность. Авторы первых военно-политических обзоров стремились показать закономерность крушения замыслов императора Наполеона, основанных на «ложном просвещении». Победа России трактовалась ими как проявление «Божиего промысла», а царь Александр Первый провозглашался «Спасителем Отечества». В то же время уже в первых сочинениях предпринимались попытки военно-теоретического анализа, были поставлены вопросы, в дальнейшем вызывавшие острые дискуссии среди историков.

По характеру привлечения документальных источников и по методам научного поиска такие труды были еще весьма несовершенны. Тем не менее именно они заложили фундамент научных исследований и наметили контур военно-исторической концепции для поздних, более основательных работ.

С конца 1816 г. идея создания фундаментального труда о нашествии Наполеона в Россию была окончательно осознана в правительственных кругах. По указанию Императора Александра Первого для его подготовки был приглашен популярный французский военный историк и теоретик А. Жомини, «известные таланты» которого давали «надежду, что он подарит... историю превосходно написанную». Исследователя обеспечили всем необходимым для работы, получив «все возможные средства и способы» и «важную сумму денег». В качестве научных сотрудников к нему прикомандировали адъютанта начальника Главного штаба Д.П. Бутурлина и офицера квартирмейстерской службы, в последующем известного декабриста Н.М. Муравьева.

Параллельно в генерал-квартирмейстерской части Главного штаба велась активная работа по созданию «Военной истории кампании 1812 года». Сбором документов и описанием военных действий руководил генерал-лейтенант К.Ф. Толь. По указанию начальника Главного штаба П.М. Волконского эти материалы были переданы группе А. Жомини. Однако в связи с отъездом летом 1817 г. французского историка на родину начатый труд не был доведен до конца. По всей видимости, эти исследования продолжил К.Ф. Толь самостоятельно и в общих чертах завершил их к 1823 г. Но отдельного издания по не установленной до настоящего времени причине не последовало. Нет сведений и о дальнейшей участи полной рукописи работы, которая считается утраченной.

Первый обобщающий научно-популярный труд по истории Отечественной войны 1812 г. издал Д.И. Ахшарумов [4]. Оформлению официальной концепции войны также способствовало исследование Д. П. Бутурлина «История нашествия императора Наполеона на Россию в 1812 году» [5]. В 1829 г. в Париже вышла на французском языке книга Н.А. Окунева «Рассуждение о больших военных действиях, битвах и сражениях, происходивших при вторжении в Россию в 1812 году» [6].

Наиболее авторитетным трудом официального направления стало «Описание Отечественной войны в 1812 году» бывшего адъютанта М.И. Кутузова А.И. Михайловского-Данилевского, написанное по повелению Императора Николая Первого, который предоставил автору доступ в архивы и сам был цензором книги [7]. Труд А.И. Михайловского-Данилевского отличался большей, чем у его предшественников, источниковой базой, однако он был преисполнен героическим пафосом, преувеличивал заслуги Императора Александра Первого и ряда военачальников (например, графа А. И. Чернышева), достигших к моменту выхода книги высоких постов.

Последующее двадцатилетие характеризовалось определенным спадом в проведении капитальных научно-исследовательских работ по исто-

рии Отечественной войны 1812 г. Такое положение отчасти объясняется тем, что предшествующими трудами проблема на время оказалась как бы исчерпанной. При отсутствии фундаментальных разработок темы в ее историографии все же наметились новые явления. Основные положения сложившейся исторической концепции войны 1812 г. вошли в справочно-энциклопедические издания. В первой отечественной военной энциклопедии тема борьбы с нашествием Наполеона в Россию заняла видное место и была представлена более чем пятью десятками статей и заметок [8].

Активный количественный рост биографических сочинений о политических деятелях, полководцах и героях Отечественной войны составил другую особенность историографии 40-х – первой половины 50-х гг. XIX в. Отчасти эта тема отразилась в особом виде справочной литературы, посвященной выдающимся русским полководцам [9]. Целый ряд отдельных изданий освещал жизненный путь персоналий «второго» плана, заметных в истории Отечественной войны [10]. В какой-то мере эти работы восполнили образовавшийся в историографии темы пробел.

Абсолютно новым в издательской деятельности 40-х гг. XIX в. стали книги, ориентированные на массового читателя [11]. В этот же исторический период тема Отечественной войны 1812 г. нашла отражение в учебной литературе для военно-учебных заведений [12].

Отечественная историография нашествия Наполеона в Россию развивалась параллельно с западноевропейской исторической наукой. Тема находила свое отражение в издании многочисленных сочинений французских, немецких, английских историков. Публикация собственных записок Наполеона, многотомных исследований наполеоновской эпохи В. Скотта, А. Жомини, А. Тьера и некоторых других отозвались в России 40-х гг. XIX в. переводными сочинениями этих авторов. В последующем критический анализ произведений иностранных авторов составил важнейшее направление в отечественной историографии войны 1812 г. [13].

Начиная с середины 50-х гг. XIX в. в военной публицистике все чаще стали появляться статьи критико-библиографического свойства, представлявшие собой рецензии с критическими разборами новых изданий. Неудовлетворенность достигнутыми результатами в изучении истории Двенадцатого года ярко проявилась в активной критико-публицистической деятельности И. П. Липранди [14]. Новое направление свидетельствовало о стремлении исследователей более объективно осмыслить и описать события прошедшей войны. В 40–50-х гг. XIX в. зародилась тенденция к пересмотру ряда важнейших положений официальной истории, которая наиболее сильно проявилась в канун столетнего юбилея Отечественной войны 1812 г.

Со второй половины 50-х гг. XIX в. – до начала XX столетия (1907–1909 гг.) историография темы прошла этап критического осмысления официальной концепции войны.

Метод критического анализа в исторических исследованиях, получивший широкое распространение в зарубежной историографии, к середине 50-х гг. XIX в. начал активно использоваться и отечественными военными историками. На такую методологию ориентировалось новое исследование истории наполеоновского нашествия на Россию профессора Академии Генерального штаба генерал-лейтенанта М.И. Богдановича, который свою главную задачу видел в том, чтобы «доказать... истину на основании несомненных фактов». Его «История Отечественной войны 1812 года», написанная по повелению Императора Александра Освободителя, стала вершиной официальной истории Отечественной войны 1812 г. и одновременно воплотила в себе последние на тот период научные достижения в изучении данной проблемы [15].

Особое место в литературе об Отечественной войне 1812 г. середины XIX в. занял IV том исторической эпопеи Л.Н. Толстого «Война и мир». Как мастер художественного слова писатель оказался выше всякой критики. Однако исторические воззрения и научные подходы литератора вызвали возражения у специалистов [16]. Характер описания исторических событий в знаменитом романе являлся предметом критического разбора и в дальнейшем [17].

Последующий за появлением монографии М.И. Богдановича тридцатилетний период не был ознаменован появлением новых фундаментальных трудов по истории нашествия Наполеона в Россию. Однако именно в 70–90-е гг. XIX в. в научных исследованиях продолжали активно развиваться критические подходы в освещении темы.

Новая исследовательская методика ярко проявилась в трудах А.Н. Попова, который расширил тематику исследования за пределы собственно военных действий. Историк с опорой на новые и уже публиковавшиеся документы более всесторонне рассмотрел социально-политическую обстановку в стране накануне и в ходе войны [18].

Критический анализ характерен также для работ Г.А. Леера, В.И. Харкевича, А.П. Скугаревского и др. [19].

Новый взгляд на историю похода Наполеона в Россию стал возможен благодаря значительно расширившейся источниковой базе исследования. Своеобразный прорыв в этом вопросе наступил в 70-х гг. XIX столетия, когда началось массовое издание новых, ранее неизвестных, первоисточников. Большое количество документов, преимущественно из частных коллекций, публиковалось в исторической периодике. Только один популярный

журнал «Русская Старина» за период с 1870 по 1900 г. поместил на своих страницах 349 документальных публикаций, относящихся к эпохе наполеоновских войн. Большинство из них представляло собой ранее неизвестные воспоминания, записки, письма участников и очевидцев событий и т. п.

Переписка государственных и военных деятелей, частные письма заняли большое место в «Бумагах, относящихся до Отечественной войны 1812 года», собранных и изданных на свои средства меценатом-купцом П.И. Щукиным [20]. Эпистолярное наследие войны публиковалось также в сборниках, подготовленных известным военным источниковедом, ординарным академиком Академии наук генерал-лейтенантом Н.Ф. Дубровиным [21].

К концу XIX в. постепенно начали открываться фонды некоторых государственных архивов. Большое значение для изучения истории Отечественной войны 1812 г. имела публикация материалов из Собственной Его Императорского Величества канцелярии. Их основное содержание составили указы, рескрипты и Высочайшие Повеления Александра Первого. Документы, относящиеся к Отечественной войне 1812 г., вошли в I, II, X, XI, XII и XIV выпуски этого издания [22].

Между тем основная оперативная армейская документация и служебная штабная переписка еще оставались недоступными для широкого круга исследователей. К началу XX столетия основной массив документов о военных действиях в 1812 г. оказался сосредоточенным в Военно-ученом архиве Главного штаба в Петербурге и Московском отделении Общего архива Главного Штаба (Лефортовском архиве). Только в начале XX в. материалы Военно-ученого архива о войне 1812 г. стали публиковаться в печати [23].

Одновременно с 1900 г. стали проводиться масштабные работы по созданию научно-справочного аппарата Лефортовского архива, дела которого не были систематизированы.

На рубеже XIX–XX столетий история нашествия Наполеона в Россию нашла свое отражение в огромном количестве литературы. По сведениям К.А. Военского, русский отдел крупнейшей частной библиотеки по наполеоновской эпохе минского помещика И.Х. Колодеева насчитывал более двух тысяч одних только книг. В общем, с учетом иностранных изданий собрание насчитывало полтора десятка тысяч томов.

Несмотря на привлечение новых, в том числе архивных материалов, большинство историков в объяснении социально-политических вопросов войны оставалось на официально-правительственных позициях, лишь отчасти изменяя утвердившиеся в 40–60-е гг. XIX в. воззрения на причины войны и роль в ней российского Императора.

Интерес историков к частным вопросам историографии 1812 г., с одной стороны, свидетельствовал о дальнейшем расширении сферы приложения научного интереса в изучении этой темы. С другой стороны, конечные выводы, подкрепленные вновь выявленными первоисточниками и, в первую очередь, по ряду военных аспектов, отличались от официальных установок. В конечном итоге накопленные знания были признаны неудовлетворительными не только учеными, но и официальными кругами. По этой причине по инициативе Великого Князя Сергея Александровича с 1902 г. в военном ведомстве разрабатывалась программа создания нового обобщающего научного труда по истории 1812 г. В мае 1906 г. приказом по военному ведомству программа была доведена до войск. Новый научный труд предполагалось создать на конкурсной основе. Для возможно большего привлечения историков к исследовательской работе устанавливался принцип материального стимулирования. За лучшие книги было назначено три премии – 1-й, 2-й и 3-й степени – суммой в 15, 6 и 3 тысячи каждая. Однако попытка Военного министерства создать новую официальную историю о нашествии Наполеона в Россию не увенчалась успехом.

С 1910 по 1917 г. – тема Отечественной войны 1812 г. прошла этап кардинального пересмотра официальной концепции. Новый мощный импульс историография получила под воздействием масштабов и содержания организационной работы, направленной на подготовку к столетию Отечественной войны 1812 г. Повышенный общественный интерес к предстоящему юбилею способствовал выпуску всевозможных изданий, количество которых превысило шестьсот книг и брошюр. Юбилейную историографию отличало многообразие точек зрения на социально-политические аспекты войны. В ее развитии наметились две тенденции.

С одной стороны, усилилось стремление части научных кругов с критических позиций более глубоко и всесторонне проанализировать причины, ход и последствия войны и на этой основе создать ее новую историю. Наиболее ярко эта тенденция пролеживалась в трудах представителей революционных и либеральных слоев. Особое место в литературе заняли взгляды близкого к большевистским кругам М.Н. Покровского, который наиболее полно выразил марксистскую точку зрения на проблему. После прихода к власти партии большевиков осенью 1917 г. идеи М.Н. Покровского стали доминировать в советской исторической науке.

Призывы «совлечь одежду со старых идолов» раздавались и в либеральных академических кругах. В них популяризировалась мысль о том, что объективная оценка истории Отечественной войны возможна лишь с материалистических позиций в тесном рассмотрении и с учетом особенностей развития западноевропейской цивилизации. На этом основании война

трактовалась не просто как вооруженное столкновение двух крупнейших государств, но, прежде всего, как противоборство различных социально-политических систем: передовой революционной Франции с реакционной монархической Европой. В данном контексте также переосмысливались место, роль и политические цели различных социальных групп в войне.

С таких методологических позиций освещал историю 1812 г. заведующий Архивом Министерства народного просвещения К.А. Военский [24]. Подобным образом интерпретировал события Отечественной войны 1812 г. В.И. Пичета, который исходил из признания доминанты экономического фактора в причинах войны [25]. Материалистическое понимание войны 1812 г. проявил профессор Е.В. Тарле, изучавший в 1910–1912 гг. влияние континентальной блокады на экономику европейских стран. Итоги этой работы воплотились в капитальной монографии «Континентальная блокада», вышедшей в свет в 1913 г. Тенденция к кардинальному пересмотру социально-политических вопросов войны 1812 г. проявлялась и в других работах. Среди них видное место заняла статья О. Корниловича, в которой подвергся сомнению ключевой тезис правительственной концепции войны о массовом патриотизме и единении народа с престолом в период наполеоновского нашествия [26]. В утверждении новых взглядов на историю 1812 г. большое значение имели книги Великого Князя Николая Михайловича, хотя он и не проявил себя как последовательный радикал в пересмотре основных концептуальных положений [27].

Новые подходы к освещению истории Отечественной войны 1812 г. нашли свое развитие в фундаментальном многотомном труде «Отечественная война и русское общество» [28]. Многие ранее считавшиеся бесспорными положения в этом роскошно оформленном издании были пересмотрены, а нетрадиционные суждения получили научное обоснование. Здесь противоборство между Россией и Францией представлено сложным, многогранным, не только военным, но и общественно-политическим явлением.

С другой стороны, в юбилейной литературе отчетливо прослеживалось стремление сторонников официально-патриотической концепции нашествия Наполеона в Россию к сохранению господствовавших в исторической науке и обществе взглядов. Новая трактовка войны, основанная на критическом анализе событий и фактов, способствовала принижению легендарно-патриотических начал в ее истории. Ясно, что она не могла не встретить сопротивления со стороны консервативно настроенной части научных кругов. Сложившееся противостояние проявилось в массовом выпуске литературы, написанной в духе самодержавно-охранительных традиций. Так, накануне праздничных торжеств Совет Императорского Русского военно-исторического общества одобрил к массовому изданию

работу П.М. Андриановна «1812 год» [29]. Она имела целевое предназначение, связанное с популяризацией официально-правительственной точки зрения истории войны среди различных слоев общества. Брошюру бесплатно распространяли среди учащейся молодежи и в войсках.

Официально-правительственные воззрения поддерживались и другими авторами. Великодержавными настроениями были проникнуты выступления, произносимые на торжественных заседаниях исторических обществ. Например, в докладе заслуженного ординарного профессора Московского университета В. И. Герье оспаривалась мысль о том, что «героическая легенда 12-го года» мешала «строгому научному исследованию причин, вызвавших Отечественную войну». В противовес новым взглядам историк традиционно отстаивал идею единения всех сословий «с царем в одной воле» для борьбы с иноземными захватчиками, когда «всякая тень разногласия и неудовольствия ... исчезла» [30].

В преддверии столетней годовщины дальнейшее развитие получила военная историография 1812 г. Новые документальные источники позволили военным историкам детализировать ход отдельных боев и сражений, дать более критическую оценку действиям русского командования в войне. Большое научное значение имели труды генерал-майора А.К. Баиова, генерал-майора А.Н. Витмера, полковника А.В. Геруа, полковника Н.П. Поликарпова, генерал-лейтенанта Б.М. Колюбакина, генерала от инфантерии Н.П. Михневича, генерала от инфантерии А.П. Скугаревского. Большинство из них традиционно, в духе официально-патриотической концепции, оценивали социально-политический характер войны. Тем не менее в изучении военных действий, с учетом расширившейся источниковой базы, военные историки добились новых существенных результатов [31].

После празднования столетнего юбилея Отечественной войны 1812 г. в исторической науке отмечалось резкое снижение интереса к этой проблеме. Первая мировая война 1914–1918 гг. приковала к себе основное внимание общественности и научных кругов. Новое широкомасштабное военное столкновение выступило на первый план и почти полностью заслонило собой Двенадцатый год. В военный период новых сочинений на тему наполеоновского нашествия в Россию почти не писалось. Имевшаяся литература пополнялась преимущественно переработанными и переизданными работами [32]. Однако при подготовке старых трудов к новому изданию историки пытались учитывать своеобразие политического момента. А.К. Дживелегов, например, перед публикацией сборника своих статей, ранее «разбросанных в различных периодических и непериодических изданиях», отмечал, что «в разгар европейской войны ... историк не может удержаться от некоторых сопоставлений».

В целом, содержание публикаций накануне Февральской 1917 г. революции в России свидетельствовало о том, что новая концепция, объяснявшая с материалистических и научно-критических позиций причины, ход и последствия Отечественной войны 1812 г., прочно утвердилась в историографии этой темы.

Советские и современные историки о нашествии Наполеона в Россию

После прихода к власти партии большевиков в октябре 1917 г. в развитии отечественной исторической науки начался новый период. В первые десятилетия существования Советской власти, в 20-х – первой половине 30-х гг. XX в., историография темы переживала этап стагнации. История нашествия Наполеона в Россию в это время освещалась в контексте общей исторической концепции М.Н. Покровского.

В литературе стали утверждаться марксистско-ленинские подходы к пониманию исторического процесса. В этой связи особое значение при изучении Отечественной войны 1812 г. стали придавать высказываниям К. Маркса, Ф. Энгельса и В.И. Ленина по истории наполеоновских войн.

В 20-х – начале 30-х гг. специальные комплексные исследования по теме не проводились, хотя она полностью не исключалась из сферы научных интересов советских историков. Господствующее положение в историографии заняли воззрения М.Н. Покровского, который особо подчеркивал агрессивность российского самодержавия на международной арене в начале XIX в. и в связи с этим всю ответственность за военное столкновение России и Франции возлагал на царское правительство [33]. В контексте такого понимания причин войны 1812 г. из ее характеристики стали исключать термин «Отечественная». Идеи М.Н. Покровского нашли широкое отражение в научно-популярной и учебной литературе [34].

Новый подъем историографии Отечественной войны 1812 г. начался со второй половины 30-х гг. До первой половины 50-х гг. XX в. ее развитие осуществлялось с учетом мнений и замечаний И.В. Сталина.

Перспективы изучения истории нашествия Наполеона в Россию во второй половине 30-х гг. определялись, с одной стороны, практическими потребностями усиления воспитательной работы советского народа в преддверии Второй мировой войны, с другой стороны, эволюцией политической системы, тесно связанной с культом личности И.В. Сталина. Преломляясь в сфере исторической науки, эти факторы оказывали сильное влияние на формирование новой концепции Отечественной войны 1812 г., которая утверждалась через критику научных взглядов М.Н. Покровского.

Важную роль в развитии темы сыграло известное постановление Центрального Комитета Всесоюзной Коммунистической партии (большевики) и Совета Народных Комиссаров СССР от 16 мая 1934 г. «О преподавании гражданской истории в школах СССР». Партийно-правительственная директива нацеливала историков на активное изучение прошлого России. В исторической литературе, издававшейся во второй половине 1930-х гг., тема Отечественной войны 1812 г. заняла достойное место. Впервые после длительного перерыва появились солидные монографии, в периодической печати печатались научно-популярные статьи и брошюры.

В выпускаемой печатаной продукции затрагивался широкий спектр вопросов. Различные версии московского пожара проанализировал Е.А. Звягинцев [35]. Тема Бородинского сражения была представлена в работах М.С. Свечникова, А.В. Предтеченского и Н.И. Павленко [36]. Развитие партизанского движения и участие народа в борьбе с Наполеоном изучали Л.Н. Бычков и П.Г. Андреев [37]. Историк М.Ф. Злотников провел исследование по вопросу влияния континентальной блокады на экономику России. Рукопись своего труда историк сдал в издательство в 1940 г., но работа вышла в свет лишь в 1966 г. Автор не дождал до издания своей книги, скончавшись в блокадном Ленинграде в 1942 г. [38].

Во второй половине 1930-х гг. отмечался повышенный интерес к полководцам наполеоновской эпохи. В 1936 г. была опубликована первая советская работа о Наполеоне Бонапарте, написанная Е.В. Тарле [39]. Книга получила всемирную известность. Ее огромный успех выдвинул ученого в среду ведущих исследователей истории 1812 г. Наполеоновская тема разрабатывалась также Н.А. Левицким [40]. Главное внимание ученый уделил разбору наполеоновского военного искусства. Военный историк преследовал цель показать для офицерского состава Рабоче-крестьянской Красной Армии поучительность стратегии и тактики знаменитого французского полководца.

В конце 1930-х гг. публикуются первые работы о полководческой деятельности П.И. Багратиона. Но на этом этапе они имели научно-популярный характер. Предвоенные годы ознаменованы исследованиями в области кутузовской тематики. Первым к ней прикоснулся С.Б. Борисов [41]. Это начинание продолжил М.Г. Брагин [42]. После публикации в 1940 г. статьи о М.И. Кутузове молодой историк стал готовить к изданию в виде научно-популярного очерка ее расширенный вариант [43].

Событием в историографии конца 1930-х гг. стала монография Е.В. Тарле «Нашествие Наполеона на Россию, 1812 год» [44]. Ее основные идеи были приняты другими историками и перешли в школьные и вузовские учебники.

Возобновление преподавания истории в учебных заведениях сделало злободневным вопрос о подготовке школьных и вузовских учебников. Среди новых изданий учебной литературы по истории СССР наиболее широко вопросы нашествия Наполеона в Россию освещались в учебнике профессора Ленинградского университета С. Б. Окуня. В его лекциях были рассмотрены важнейшие аспекты Отечественной войны 1812 г. – от ее предпосылок до событий 1815 г. [45].

Формирование новой концепции Отечественной войны 1812 г. во второй половине 1930-х гг. осуществлялось с учетом мнений и замечаний И.В. Сталина. Культ личности вождя оказал большое влияние на советскую историческую науку в предвоенные и послевоенные годы. Эта особенность развития темы нашла свое проявление в ориентации большинства исторических исследований на сталинские идеи. Большое значение для формирования новых официальных воззрений на историю борьбы русского народа с наполеоновским нашествием сыграло письмо И.В. Сталина, написанное в 1934 г. к членам ЦК ВКП(б) по поводу статьи Ф. Энгельса «Внешняя политика русского царизма». В этом обращении к руководящему звену партии критически оценивались взгляды одного из основоположников марксизма о характере внешнеполитического курса российского самодержавия в XIX в.

Применительно к теме Отечественной войны 1812 г. идеи сталинского письма составили основу для новой трактовки причин военного похода Наполеона в Россию. Сталинский методологический подход послужил основанием для пересмотра концепции М.Н. Покровского, по которой вся ответственность за войну 1812 г. возлагалась на Россию.

Известно, что критика М.Н. Покровского велась организованно и целенаправленно. Его исторические воззрения объявлялись «антинаучными, антиленинскими и ликвидаторскими...». На этом основании историки нацеливались на преодоление ошибочных взглядов и разоблачение фальсификаций «так называемой «исторической школы Покровского».

В контексте подобных суждений господствовавшая концепция войны 1812 г. была подвергнута пересмотру. В духе сталинских установок о том, что завоевательная политика была «в большей степени» присуща «королям и дипломатам всех стран Европы», чем российскому самодержавию, в советской историографии стала активно утверждаться точка зрения, согласно которой война 1812 г. была актом агрессии Франции против миролюбивой России. Такая теоретическая посылка в преддверии новой мировой войны имела и сугубо прагматическую направленность – в историческом аспекте отнять миротворческую внешнеполитическую деятельность Советского правительства, способствовать патриотическому воспитанию населения страны.

Под сталинские определения стремились подстроить и ленинскую характеристику наполеоновских войн. Большое значение в этом отношении имела статья К.Л. Селезнева «О войне 1812 года» [46]. В ней впервые в советской исторической науке были разъяснены ленинские воззрения на этот исторический период. Историк К.Л. Селезнев обращал внимание научной общественности на то, что «мысль о завоевательном характере войн Наполеона Лениным высказывается неоднократно» [47]. Примечательно, что историк выделил только ту часть ленинских положений, в которых наполеоновские войны трактовались как «империалистические» и «показали необыкновенно сложную сеть сплетающихся империалистских отношений с национально-освободительными движениями» [48]. Данный тезис, заимствованный из работы В.И. Ленина «О брошюре Юниуса» [49] соответствовал идее И.В. Сталина о том, что в XIX в. агрессором в Европе являлась не столько Россия, сколько другие европейские государства.

В течение короткого времени ленинские изречения были фетишизированы, приобрели статус аксиомы и в течение последующих десятилетий составляли надежную методологическую опору любого претендующего на научность исторического произведения советской историографии.

Среди первых советских историков, четко определивших свои позиции в контексте новых требований к освещению войны 1812 г., стал Е.В. Тарле. В предисловии к первому изданию «Нашествия Наполеона на Россию» историк обвинил М.Н. Покровского в повторении «шаблонной французско-шовинистической теории» о наполеоновской «невинности».

Жесткой критике были подвергнуты и другие положения концепции М.Н. Покровского, главными оппонентами которого стали В.И. Пичета и А.Л. Попов [50]. Эти публикации имели сильное влияние на дальнейшее развитие историографии темы, поскольку одобренные партийным руководством они задавали общий тон дальнейшим исследованиям.

В условиях массовых репрессий, развернувшихся против научной интеллигенции в конце 1930-х гг., какая-либо альтернатива сталинской точке зрения была невозможна. В зависимости от ситуации И.В. Сталин в одночасье мог покарать, а мог и защитить. Применительно к развитию историографии 1812 г. это наглядно проявилось в ситуации, сложившейся вокруг книги Е.В. Тарле «Наполеон», которая внезапно была подвергнута одновременной ожесточенной критике в центральных газетах «Правда» и «Известия». Авторы статей навесили историку ярлык «изголовавшегося контрреволюционного публициста», а книгу признали «ярким образцом враждебной вылазки» [51]. От верной гибели историка спасло только личное заступничество И.В. Сталина.

Великая Отечественная война закономерно усилила внимание современников к военной истории нашей страны. Насущные задачи морально-психологического обеспечения боевых действий и военно-патриотического воспитания населения страны выявили потребность в большом количестве агитационно-пропагандистской литературы, что способствовало развитию научно-популярного направления в историографии. Так, написанная Е.В. Тарле в июле 1941 г. брошюра «Отечественная война 1812 года и разгром империи Наполеона» была издана в Ленинграде огромным тиражом. В этом же году она была переиздана пять раз, в том числе и на различных языках народов СССР. В следующем 1942 г. это сочинение также переиздавалось пять раз. По тем же соображениям было организовано переиздание наиболее популярных исторических сочинений, вышедших в передвоенные годы.

В этот период крупных научных трудов о войне 1812 г. не издавалось. Тем не менее в годы Великой Отечественной войны некоторые из историков зарекомендовали себя в качестве серьезных исследователей темы. Так, в 1943–1945 гг. публиковались фрагменты из докторской диссертации И. С. Звавича «Дипломатическая история Отечественной войны 1812 года». Однако преждевременная кончина ученого не позволила завершить работу [52]. Всего за время войны советскими историками было написано не менее семи с половиной десятков книг и брошюр, затрагивающих тему наполеоновского нашествия в прямой постановке.

Великая Отечественная война 1941–1945 гг., несомненно, оказала серьезное влияние на развитие историографии наполеоновского нашествия в Россию. Это влияние со всей полнотой проявилось в первое послевоенное десятилетие и привело к существенной корректировке господствовавшей концепции Отечественной войны 1812 г. Сам факт широкомасштабной агрессии немецкого фашизма против СССР, драматизм событий лета и осени 1941 г., связанный с отступлением Красной Армии под стены Москвы и последующим победоносным завершением войны в столице третьего рейха, побуждал историков по-новому подойти к оценке событий начала XIX в.

Итоги Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. изменили воззрения на военную историю не только у ученых, но и у И.В. Сталина. В его концепции Двенадцатого года главная роль освободителя Отечества от наполеоновских полчищ отводилась М.И. Кутузову. Образ известного русского полководца в свете очевидных исторических аналогий более всего подходил И.В. Сталину для возвеличивания собственной роли в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками. Тоталитарная система управления

государством и культ личности вождя способствовали внедрению этой идеи в общественное сознание.

В сентябре 1945 г. страна с помпой отметила двухсотлетие со дня рождения М.И. Кутузова. В связи с предстоящими празднествами по решению Оргбюро ЦК ВКП(б) были опубликованы подготовленные Управлением Пропаганды и Агитации ЦК ВКП(б) тезисы «Михаил Илларионович Кутузов: К 200-летней годовщине со дня рождения». Они претерпели несколько изданий тиражами до полумиллиона экземпляров. Опубликованные под эгидой Центрального Комитета партии тезисы определяли конечные выводы, на которые должен был ориентироваться каждый исследователь этой проблемы [53]. В ходе проходивших в октябре 1945 г. юбилейных научных сессий ведущих научных учреждений и вузов страны была всесторонне оценена историческая роль М.И. Кутузова. Основным лейтмотивом научных докладов являлся показ его военного таланта, признание мудрости стратегии, которая спасла Россию в грозном 1812 г.

Наметившееся однобокое направление в историографии темы, акцентировавшее внимание исследователей только на изучение полководческого мастерства М.И. Кутузова, нашло отражение в юбилейных публикациях. Значительная часть из них имела научно-популярный характер и была предназначена для проведения докладов и бесед в воинских и трудовых коллективах.

Дальнейшее влияние на развитие этой линии оказал ответ И.В. Сталина на письмо полковника Е.А. Разина [54]. Согласно замечаниям, высказанным в сталинском ответе, М.И. Кутузов сыграл главную роль в разгроме Наполеона, «загубив» его хорошо подготовленным контраступлением. Поэтому главной темой большинства исследований стало контраступление русской армии в 1812 г., хотя этот термин, введенный И.В. Сталиным, в данном конкретном случае не соответствовал характеру ее боевых действий. Вступление М.И. Кутузова в должность Главнокомандующим русскими армиями по этой концепции знаменовало смену стратегии: стратегическая линия М.И. Кутузова – активные наступательные действия, направленные на разгром и уничтожение врага, чему якобы препятствовало вмешательство Императора Александра Первого. Начальный период войны, действия на флангах, некоторые вопросы внешней и внутренней политики оставались вне поля зрения историков. Тенденциозно оценивалась роль М.Б. Барклая де Толли.

Наиболее показательны в этом отношении книги П.А. Жилина, Л.Г. Бескровного и, особенно, Н.Ф. Гарнича [55]. Перспектива научных исследований, заданная И.В. Сталиным, нашла отражение в работах других авторов. Пересмотру подверглись школьные и вузовские учебники. Именно в

это время сложились многочисленные стереотипы и домыслы, которые на протяжении последующих десятилетий, вплоть до конца 80-х гг., определяли лицо советской историографии 1812 г.

Новые выводы о роли М.И. Кутузова в войне 1812 г. находились в определенном противоречии с концепцией Е.В. Тарле. Отсутствие его новых публикаций было воспринято в идеологических сферах ЦК ВКП(б) как игнорирование ученым сталинской концепции, что стало одной из главных причин жесткой критики историка в партийной печати.

Среди тенденциозной литературы послевоенного периода, между тем, отмечались и добросовестные с точки зрения глубины проработки источников и общих выводов работы С.Б. Окуня, Ф.Д. Гарина, В.В. Пугачева, А.В. Предтеченского [56]. Однако не они определяли генеральную линию в развитии темы.

Во второй половине 50-х – второй половине 80-х гг. XX в. историография Отечественной войны 1812 г. изменялась в соответствии с новыми партийно-правительственными требованиями. Смерть И.В. Сталина в 1953 г. привела к изменению социально-политической обстановки в стране. В условиях «оттепели» страна подошла к 150-летию Отечественной войны. В связи с подготовкой к очередному юбилею в историографии традиционно наблюдался новый всплеск научной активности. Только в 1962 г. вышло не менее восьмидесяти пяти монографий, журнальных статей и других научных изданий на эту тему.

Несмотря на общую демократизацию политической жизни в стране, в методах партийного руководства исторической наукой кардинальных перемен не произошло. В историографии Двенадцатого года это положение отразилось в тенденции к сохранению сложившейся исторической концепции войны. Господствовавшие воззрения, основанные на сталинских идеях, серьезному методологическому пересмотру не подвергались.

Лидирующее положение в изучении темы по-прежнему занимали Л.Г. Бескровный и П.А. Жилин. В новых условиях они продолжали ориентироваться на изменившиеся партийные установки. В 1962 г. Л.Г. Бескровный издал монографию, которая считалась «итогом изучения этой темы в советской исторической литературе» [57]. В своей работе историк придерживался схемы причин и хода войны, разработанной в середине 1930-х гг. В сочинении отчетливо проявилась линия на сопоставление истории нашествия Наполеона в Россию с историей борьбы советского народа против немецко-фашистской агрессии. Историк пытался провести аналогию между наполеоновской Францией и гитлеровской Германией, выделив для этого сравнения все необходимые элементы.

Подобная актуализация темы Отечественной войны 1812 г. вызывалась сложившейся на тот период сложной международной обстановкой, доказывала в историческом аспекте распространенный в партийно-правительственных кругах тезис о «постоянной империалистической угрозе». Поход Наполеона в Россию логически вписывался в исторический ряд – от «крестового» похода на Русь тевтонских псов-рыцарей в первой половине XIII в. до вторжения немецко-фашистских полчищ в 1941 г. – как очередная агрессия Запада на Восток. В таком контексте трактовались причины вооруженного столкновения России и Франции, цели французского императора в войне. Ключевые аспекты концепции Л.Г. Бескровного развивались и другими ведущими исследователями темы [58].

Одновременно во второй половине 50-х – начале 60-х гг. XX в. в историографии темы наметились новые тенденции. Историки стали постепенно отходить от однобокой ориентации на изучение завершающего этапа войны и полководческого искусства М.И. Кутузова. Среди работ того времени отмечался цикл статей В.В. Пугачева о подготовке России к войне, русских планах накануне и в начале войны. К вопросу о формировании народного ополчения и его роли в войне обратился В.И. Бабкин [59]. Работы Ю.М. Лотмана и А.Г. Тартаковского положили начало изучению пропагандистской деятельности русского командования [60]. Историки А.П. Пронштейн и Б.В. Чеботарев продолжили начатое в 1947 г. Л.М. Францевой изучение темы участия донских казаков в войне [61].

Новые характеристики социально-классовых отношений в войне отмечались в работах В.И. Бабкина, Л.Н. Бычкова, И.И. Игнатович [62]. Все историки признавали, что крестьяне, выступая против иноземных захватчиков, одновременно вели борьбу и за свое социальное освобождение от крепостнического гнета. В литературе 60-х гг. XX в. преобладала точка зрения Л.Н. Бычкова, согласно которой война не привела к резкому обострению классовых антагонизмов.

Гораздо больше внимания в этот период стали уделять разработке различных внешнеполитических проблем. Принципиально новое направление обозначили Н.Н. Болховитинов, И.Г. Гуткина, Ф.А. Молок, проанализировавшие отклики зарубежной прессы на события 1812 г. в России [63]. Обстоятельностью проработки литературы и первоисточников отличались историографические исследования В.Г. Сироткина [64]. Определенный вклад в разработку внешнеполитических вопросов внесли С.Г. Власкин, И.В. Евстигнеев, А.Л. Нарочницкий, Н.И. Казаков, И.И. Кяйвяряйнен [65] и другие, использовавшие в своих трудах широкую источниковую базу. Однако, несмотря на плюрализм мнений, основные выводы у большинства авторов тенденциозно следовали заданным установкам.

В юбилейной литературе наибольшие разногласия среди советских исследователей проявились в оценках Бородинского сражения. Против предвзятости и субъективизма в этом вопросе выступил А.Н. Кочетков, который считал беспринципным выдавать просчеты русского командования за проявление полководческого мастерства. Историк выступил против очевидных нелепостей, распространяемых в советской литературе об итогах Бородинского сражения [66]. Однако обмен мнениями в открытой печати допускался лишь по вопросам, не затрагивавшим ключевых положений официально-патриотической концепции Отечественной войны 1812 г. Отдельные попытки кардинальным образом изменить утвердившиеся в исторической науке взгляды оказывались безуспешными. Так, в 1963 г. Н.А. Троицкий подготовил для журнала «Вопросы истории» большую статью, в которой настаивал на пересмотре распространенной схемы генезиса войны, выставлявшей Наполеона агрессором и единственным виновником конфликта. Здесь же молодой ученый выступил против вульгарной идеализации М.И. Кутузова, тезиса о «полной победе» русских при Бородине, подтасовке «в нашу пользу» соотношения сил и потерь противоборствующих сторон и т. п.

После того, как редакция журнала отказалась печатать критические выводы Н.А. Троицкого, историк переслал свое сочинение в Отделение истории АН СССР и Идеологическую комиссию при ЦК КПСС. Однако в официальном отзыве на статью, направленном из Отделения истории АН СССР, все авторские суждения были признаны «односторонними» и «бездоказательными».

Со второй половины 1960-х гг. проявлявшаяся ранее тенденция к «приукрашиванию» отечественной истории приобрела гипертрофированные формы. Наиболее яркое выражение эта тенденция нашла в очередной монографии П.А. Жилина [67]. Высокое положение автора в научной иерархии поставило его труд вне критики. Официальная партийно-правительственная концепция находила отражение и в других научных трудах. В объяснении причин войны ведущим оставался тезис о единоличной ответственности Наполеона за развязывание войны с Россией. В оценках внешней политики Франции традиционно акцент делался на ее экспансионистском характере. В противоположность этому, в России виделся миротворец, пытающийся остановить агрессора. Приводились «исторические оправдания» захвата Финляндии (1809 г.). В ряде научных трудов признавалось, что Наполеон наносил удары по феодальным пережиткам и господству дворянства в Западной Европе. Однако основное содержание его политики по отношению к покоренным странам представлялось в суровом гнете, жесточайшей экономической эксплуатации и лишении национальной независимости.

Утверждалось, что в ходе наполеоновских войн положительные последствия антифеодальных мероприятий постепенно ослабевали и отодвигались на задний план по сравнению с угнетением, которое Наполеон нес народам Европы [68]. На этом основании характер международного конфликта изображался в виде борьбы «оборонительных союзов европейских государств», противостоящих «экспансии Франции» [69].

В характеристиках социально-классовых отношений стала утверждаться идея о резком усилении в период Отечественной войны 1812 г. антипомещичьих выступлений среди крепостных крестьян. Выдвигался тезис о том, что страна находилась на грани социального взрыва, для которого имелись все необходимые предпосылки [70].

В литературе о персоналиях создавались идеализированные портреты военачальников и героев 1812 г. Так, М.Г. Брагин в очередном издании своей научно-популярной книги о М.И. Кутузове характеризовал русского полководца без каких-либо сомнений, ошибок и предрассудков. Основная идея этого биографического очерка сводилась к доказательству превосходства кутузовской стратегии над стратегией Наполеона. Подобным образом П.А. Жилин настойчиво изображал русского полководца непогрешимым, надклассовым национальным героем [71].

Однако поступательное движение в развитии темы не прекращалось. Дальнейшее развитие получил историографический анализ советской литературы, в котором подчеркивался дискуссионный характер ряда выдвигаемых положений, намечались перспективы дальнейшего изучения темы [72]. Свои исследования военно-публицистической деятельности русского командования продолжил А.Г. Тартаковский. Глубокой проработкой архивных источников отличались его статьи о становлении историографии темы, о развитии русской мемуарной литературы, посвященной Отечественной войне 1812 г. [73].

В русле общей концепции продолжалось изучение малоисследованных вопросов Отечественной войны 1812 г. Историк В.Г. Сироткин тщательно, в том числе и по французским источникам, изучил деятельность российской дипломатии в предвоенные годы и сделал вывод о ее полной осведомленности относительно антироссийских военно-дипломатических усилий Наполеона. В начале 1980-х гг. историк акцентировал внимание на том, что война России с Наполеоном была продолжением традиционной политики российского самодержавия с Французской буржуазной революцией [74].

Историк В.А. Георгиев, ссылаясь на ленинские оценки, выступил против утверждений о прогрессивном значении вхождения Финляндии в состав России [75].

Во второй половине 1960-х гг. В.Н. Сперанский значительно расширил представления о военно-экономической подготовке России к войне. Он проанализировал состояние военно-промышленного потенциала империи и материально-технического снабжения русской армии, указал на имевшие место недостатки в этих вопросах [76]. Историк Б.С. Абаляхин подробно изучил этот же аспект на юго-западе страны [77]. Более того, в специальном комплексном исследовании он детализировал ход войны на юго-западном стратегическом направлении [78]. Исследователь Л. П. Богданов реалистично обрисовал состояние русской армии накануне и во время войны 1812 г. Он критически оценил принципы комплектования, организационно-штатную структуру и порядок управления войсками. В боевой подготовке личного состава он указал на борьбу прогрессивных и реакционных традиций. Историк В.М. Безотосный, преимущественно по французским источникам, раскрыл состояние разведки Наполеона в России накануне его вторжения [79]. Новый взгляд на причины московского пожара выразил В.М. Холодковский, утверждавший, что первопрестольная была сожжена по указанию Ф.В. Ростопчина [80].

В этот же период наметилась линия на реабилитацию заслуг М.Б. Барклая де Толли, которую обозначил в своем военно-историческом анализе А.Н. Кочетков [81]. В свою очередь, В.П. Тотфалушин указал на необходимость создания «именно такого труда, который охватил бы все аспекты деятельности М.Б. Барклая де Толли, – его научной биографии» [82].

Событием в советской историографии 1970-х гг. стал выход в свет очередной политической биографии Наполеона, написанной А.З. Манфредом [83]. Высокие литературные достоинства книги и стремление автора дать объективную оценку крупнейшему политическому и военному деятелю XIX столетия снискали книге большую популярность. За короткий срок она выдержала три издания.

С конца 80-х гг. XX столетия по 1991 г. в историографии Отечественной войны 1812 г. усиливается критический анализ официально-патриотической концепции, который обозначил борьбу противоположных тенденций в развитии темы.

Очередной 175-летний юбилей Отечественной войны вызвал новый поток юбилейной литературы, но почти не изменил историографические стереотипы. Традиционное официально-патриотическое направление в развитии историографии отразила новая монография П.А. Жилина «Отечественная война 1812 года», которая по содержанию почти не отличалась от предшествующего издания. Устоявшиеся в исторической науке взгляды нашли распространение в юбилейном альбоме-монографии

«Бородино, 1812» и популярном издании О.В. Орлик «Гроза двенадцатого года...» [84]. Полезной попыткой подытожить пройденный советской историографией путь являлась книга Б.С. Абалихина и В.А. Дунаевского, которые, в целом, придерживались официальной концепции войны [85].

В то же время в конце 1980-х гг. сложился круг историков, пытавшихся обновить проблематику и более объективно, с критических позиций, рассмотреть события 1812 г. Зачастую такая возможность предоставлялась авторам при защите диссертаций [86]. Некоторые результаты научных исследований молодых авторов были опубликованы на страницах научной периодической печати. Так, С.В. Шведов установил, что численность русских армий к началу войны была значительно больше, чем принято считать, а к Бородинскому сражению русские сумели добиться численного перевеса над французами [87]. Попытку объективно и всесторонне оценить события Отечественной войны предпринял в ряде статей, рецензий и книг саратовский профессор Н.А. Троицкий [88]. Его критические публикации положили конец распространенному среди официальных советских историков мнению о «всесторонней изученности» Отечественной войны 1812 г.

С 1992 г. в историографии Отечественной войны 1812 г. начался новый, современный этап ее развития, который продолжается и в настоящее время.

В преддверии юбилеев в результате фронтального обследования архивов значительно был расширен комплекс мемуарной литературы и дневников, которые составили четыре сборника, изданных под редакцией А.Г. Тартаковского [89].

Характерной чертой новейшей литературы о нашествии Наполеона в Россию является стремление ведущих специалистов к кардинальному переосмыслению достигнутых научных знаний. Начало нового этапа в развитии темы совпало со 180-летием Отечественной войны 1812 г. и 250-летием со дня рождения М.И. Кутузова. Этим событиям были посвящены «круглые столы» на страницах научно-популярных журналов [90], где историки-специалисты без каких-либо ограничений смогли поставить острые дискуссионные вопросы и обсудить актуальную проблематику. Заметным явлением в современной историографии темы стали ежегодные научные конференции, проводимые с 1992 г. в Государственном Бородинском военно-историческом музее-заповеднике и Малоярославецком военно-историческом музее Отечественной войны 1812 г. С 1998 г. подобные конференции проводятся в Музее-панораме «Бородинская битва».

Вышедшие с начала 1990-х гг. работы посвящены преимущественно частным вопросам истории нашествия Наполеона в Россию.

Анализ новейшей литературы свидетельствует о том, что историография темы окончательно перешла в стадию обновления господствовавшей в течение нескольких десятилетий официально-патриотической концепции. Однако процесс обновления протекал и продолжает развиваться неоднородно и сопровождается борьбой мнений сторонников других относительно самостоятельных течений. Переходный этап современного периода в развитии истории Отечественной войны 1812 г. растянулся до конца 1990-х гг. и сегодня еще окончательно не преодолен. Формировавшееся в течение нескольких десятилетий шаблонное мышление продолжает действовать по инерции при создании новых работ. В литературе, большей частью учебного и научно-популярного плана, нередко встречаются отголоски старых, отживших свой век идей, концепций и критериев. Значительная часть современных научно-популярных трудов и практически вся учебная литература еще несет на себе печать прежних стереотипов [91].

Тем не менее тенденция к изменению общепринятой трактовки войны, зародившаяся в конце 80-х гг. XX в., стала доминирующей в научных исследованиях последнего десятилетия. Попытки по-новому взглянуть на выдающихся деятелей эпохи нашли отражение в монографиях Н.А. Троицкого [92]. Значительным научным событием стал выход монографии А.Г. Тартаковского, посвященный полководческой деятельности М.Б. Баркляя де Толли [93]. Новаторскими работами заявили о себе В.М. Безотосный, А.А. Васильев, В.Н. Земцов, Л.Л. Ивченко, А.И. Попов, О.В. Соколов, Д.Г. Целорунго [94]. Увидели свет, не имеющие аналогов, различные справочные издания о составе французских и русских войск накануне Бородинского сражения, о командирах и шефах русских полков, о литературе, изданной в советский период историографии и др. [95].

Новые научные взгляды пока еще медленно, но верно распространяются в общественном сознании, однако до настоящего времени остаются прерогативой специалистов-историков. Характер проводимых ими исследований, с одной стороны, свидетельствует об углублении научных поисков в области истории 1812 г., с другой – о неготовности отечественной историографии к обобщенному воссозданию общей картины этой войны с учетом новых методологических подходов.

Литература и источники

1. Картавов П.А. Ростопчинские афиши. СПб., 1904. С. IV.
2. См., напр.: Дух Наполеона Бонапарте или истинное и безпристрастное изображение всех его свойств: В 2 ч. СПб., 1812.
3. Воззрение на войну французов в союзе с десятью европейскими державами против России 1812 год. СПб., 1813; Поход Наполеона в Россию и бегство их из оной. М., 1813. Ч. 1–2.

4. Ахшарумов Д.И. Описание войны 1812 года. СПб., 1819.
5. Бутурлин Д.П. История нашествия императора Наполеона на Россию в 1812 году: В 2 т. СПб., 1823–1824.
6. Окунев Н.А. Рассуждение о больших военных действиях, битвах и сражениях, происходивших при вторжении в Россию в 1812 году. СПб., 1833.
7. Михайловский-Данилевский А.И. Описание Отечественной войны в 1812 году. СПб., 1839.
8. Военный энциклопедический лексикон / Под ред. Л.И. Зедделера. СПб., 1837–1852. Т. 1–14.
9. См., напр.: Бантыш-Каменский Д.Н. Биография российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов с 48 портретами: Ч. 1–4. СПб., 1840–1841; Полевой Н. Русские Полководцы или жизнь и подвиги Русских Полководцев: от времен Императора Петра Великого до царствования Николая I. СПб., 1845.
10. Де Санглен Я. В память Графу Александру Ивановичу Кутайсову. СПб., 1842; Лукьянович Н. Биография генерал-адъютанта К.И. Бистрома. СПб., 1841.
11. См., напр.: Бочаров И. Сказание о том, как Россия сражалась за Веру, Царя и Отечество в 1812 году. СПб., 1846.
12. Карцов А.П. Военно-исторический обзор войны 1812 года: Учебное руководство для военно-учебных заведений. СПб., 1851.
13. См., напр.: Горянинов А. Что такое Г. Тьер и нашествие его на Россию? СПб., 1858.
14. Липранди И.П. Материалы для Отечественной войны 1812 года: Собрание статей И.П. Липранди. СПб., 1868.
15. Богданович М.И. История Отечественной войны 1812 года, по достоверным источникам составлена генерал-лейтенантом М.И. Богдановичем: В 3 т. СПб., 1859–1860.
16. Витмер А. 1812 год в «Войне и мире»: По поводу исторических указаний IV тома «Войны и мира» графа Л.Н. Толстого. СПб., 1869.
17. Драгомиров М. Очерки: Разбор «Войны и Мира». Киев, 1898. С. 3–136; Пугачев В.В. Толстой об отступлении русской армии в 1812 году и историческая действительность // Л.Н. Толстой: Статьи и материалы. Горький, 1963. Вып. V. С. 196–225.
18. Попов А.Н. Движение русских войск от Москвы до Красной Пахры // Русская старина. 1897. № 6–10; 1898. № 10; Он же. Москва в 1812 году // Русский архив. 1875. Кн. 2. С. 269–324, 367–402; Кн. 3. С. 5–42, 129–197, 257–288.
19. Обзор войн России от Петра Великого до наших дней: Пособие для изучения военной истории в военных училищах / Под ред. Леера: В 4 ч. – 2-е изд. СПб., 1893. Ч. 1; Скугаревский А.П. 1812-й год от начала войны до Смоленска включительно: Практические приемы изучения военной истории. Казань, 1898; Харкевич В.И. 1812 год: Березина: Военно-историческое исследование. СПб., 1893.
20. Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 года, собранные и изданные П.И. Щукиным. М., 1897–1908. Ч. 1–10.
21. Дубровин Н. Отечественная война в письмах современников, (1812–1815): Прил. к XLIII тому записок Императорской Академии наук № 1. СПб., 1882; Он же.

Письма главнейших деятелей Императора Александра 1, (с 1801 по 1829 гг.). СПб., 1883.

22. Сборник исторических материалов, извлеченных из Архива Первого отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии / Под ред. Н.Ф. Дубровина. СПб., 1876–1906. Вып. 1–14.

23. Отечественная война 1812 года: Материалы Военно-ученого архива: Отд. 1–2. СПб., 1900–1914. Вып. 1–22.

24. Военский К.А. Континентальная система // 1812–1912: Отечественная война и русское общество: В 7 т. М., 1912. Т. 3. С. 221–232; Он же. Исторические очерки и статьи, относящиеся к 1812 году. СПб., б. г.

25. Пичета В.И. Война 1812 года и народное хозяйство // Война и мир: Памяти Л.Н. Толстого. М., 1912. С. 227–246.

26. Корнилович О. Общественные настроения в 1812 году // Новая жизнь. 1912. № 9. Стлб. 83–96.

27. Николай Михайлович, вел. кн. Дипломатические сношения России и Франции по донесениям послов императоров Александра и Наполеона, 1808–1812 гг.: В 8 т. СПб., 1905–1914; Он же. Император Александр I: Опыт исторического исследования. – СПб., 1912. Т. 1–2.

28. 1812–1912: Отечественная война и русское общество / Под ред. А. К. Дживелегова, С.П. Мельгунова, В.И. Пичета: В 7 т. М., 1911–1912.

29. 1812 год: Великая Отечественная война: По поводу 100-летнего юбилея. СПб., 1912.

30. Герье В.И. Император Александр I и Наполеон // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете, 1912. М., 1913. Кн. 4. С. 9.

31. Байов А. Курс истории русского военного искусства. СПб., 1913. Вып. 7: Эпоха императора Александра I. С. 385–481; Витмер А. Бородинский бой // Военно-исторический сборник. 1912. № 3. С. 99–174; Михневич Н.П. Отечественная война 1812 года // История русской армии и флота. СПб., 1911. Вып. III. С. 84–167; Поликарпов Н.П. К истории Отечественной войны 1812 года: Забытые и не описанные военной историей сражения Отечественной войны 1812 года. М., 1911. Вып. 1–3.; Коллюбакин Б.М. 1812 год: Бородинское сражение 26 августа // Русская старина. 1912. Август. С. 258–281; Скугаревский А. П. Бородино: Описание сражения 26 августа 1812 года. СПб., 1912.

32. См., напр.: Дживелегов А.К. Александр I и Наполеон: Исторические очерки. М., 1915; Ниве П.А. Великая Отечественная война, 1812 год. М., 1916.

33. Покровский М.Н. Дипломатия и войны царской России в XIX столетии. М., 1923. С. 3–83.

34. Пионтковский С.А. Очерки истории СССР XIX и XX вв. М., 1928. С. 21–27; Замысловская Е.К. Учебник истории. М., 1923. С. 83–85; Верховский А.И. Очерк по истории военного искусства в России XVIII и XIX вв. М., 1921. С. 142–173; Свечин А.А. Эволюция военного искусства с древнейших времен до наших дней: В 2 т. М.; Л., 1927–1928. Т. 1. С. 372–382.

35. Звягинцев Е. Отчего выгорела Москва в 1812 году? // Борьба классов. 1936. № 6. С. 25–36.

36. Павленко Н. Некоторые вопросы Бородинского сражения // Военно-исторический журнал. 1941. № 5. С. 23–44; Предтеченский А. Бородинский бой и русская общественность // Ученые записки ЛГУ. 1938. № 19. Вып. 1: Сер. ист. наук. С. 101–110; Свечников М.С. Война 1812 года: Бородино. М., 1937.

37. Андреев П. Народная война в Смоленской губернии в 1812 году. Смоленск, 1940; Бычков Л. Война 1812 года и крестьянство России // Исторический журнал. 1937. № 8. С. 57–72.

38. Злотников М.Ф. Континентальная блокада и Россия. М.; Л., 1966.

39. Тарле Е.В. Наполеон. М., 1936; Брагин М.Г. Полководец Кутузов // Военно-исторический журнал. 1940. № 3. С. 84–101.

40. Левицкий Н.А. Полководческое искусство Наполеона. М., 1938.

41. Борисов С.Б. Багратион. М., 1938.

42. Брагин М. Боевой путь генерала Багратиона // Военно-исторический журнал. 1940. № 9. С. 49–99.

43. Борисов С.Б. Кутузов: Очерк жизни и деятельности великого русского полководца. М., 1938.

44. Тарле Е.В. Нашествие Наполеона на Россию, 1812 год. М., 1938.

45. Окунь С.Б. История СССР, годы 1796–1856: Курс лекций. Вып. 1: 1796–1815 гг. Л., 1939.

46. Селезнева К. О войне 1812 года // Борьба классов. 1936. № 6. С. 16–24.

47. Там же. С. 17.

48. Там же. С. 16.

49. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 5–6.

50. Пичета В.И. М.Н. Покровский о войне 1812 года // Против исторической концепции М.Н. Покровского: Сборник статей: В 2 ч. М.; Л., 1939. Ч. 1. С. 276–302; Попов А.Л. Внешняя политика самодержавия в XIX в. в «кривом зеркале» М.Н. Покровского // Против антимарксистской концепции М.Н. Покровского: Сборник статей: В 2 ч. М.; Л., 1940. Ч. 2. С. 210–211, 232–240.

51. Константинов А. История и современность: По поводу книги Е.В. Тарле «Наполеон» // Правда. 1937. 10 июня; Кутузов Д.М. Против фальсификации истории // Известия. 1937. 10 июня.

52. Подробнее см.: Абалихин Б.С., Дунаевский В.А. 1812 год на перекрестках мнений советских историков, 1917–1987. М., 1990. С. 68.

53. Михаил Илларионович Кутузов: К 200-летней годовщине со дня рождения. М., 1945.

54. Большевик. 1947. № 3. С. 4–8.

55. Жилин П.А. Контрнаступление Кутузова в 1812 году. М., 1950; Бескровный Л. Г. Отечественная война 1812 года и контрнаступление Кутузова. М., 1951; Гарнич Н. Ф. 1812 год. М., 1952.

56. Окунь С.Б. История СССР, 1796–1825: Курс лекций. Л., 1947. С. 223–295; Предтеченский А.В. Отражение войн 1812–1814 гг. в сознании современников // Исторические записки. М., 1950. Вып. 31. С. 222–244; Пугачев В.В. Подготовка России к Отечественной войне 1812 г.: Дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 1947.

57. Бескровный Л.Г. Отечественная война 1812 года. М., 1962.

58. Нечкина М.В., Жилин П.А. Бессмертная эпопея: К 150-летию Отечественной войны 1812 года // Коммунист. 1962. № 12. С. 37–46.

59. Бабкин В.И. Народное ополчение в Отечественной войне 1812 года. М., 1962.

60. Лотман Ю.М. Походная типография штаба Кутузова и ее деятельность // 1812 год: К 150-летию Отечественной войны: Сборник статей. М., 1962. С. 215–232; Тартаковский А.Г. Военная публицистика 1812 года. М., 1967.

61. Пронштейн А.П., Чеботарев Б.В. Донские казаки в Отечественной войне 1812 года // Вопросы истории. 1962. № 9. С. 34–39.

62. Бабкин В.И. К вопросу о специфике классовой борьбы в период Отечественной войны 1812 года // Материалы XVIII научной конференции Волгоградского государственного педагогического института. Волгоград, 1963. С. 68–70; Бычков Л.Н. О классовой борьбе в России во время Отечественной войны 1812 года // Вопросы истории. 1962. № 8. С. 43–58; Игнатович И.И. Крестьянское движение в России в первой четверти XIX в. М., 1963. С. 76–100.

63. Болховитинов Н.Н. Отклики в США на Отечественную войну 1812 года // Новая и новейшая история. 1962. № 6. С. 93–97; Гуткина И.Г. Отклики в Англии на Отечественную войну 1812 года // Новая и новейшая история. 1962. № 5. С. 84–91; Молок Ф.А. Отклики в Чехии на Отечественную войну 1812 года и освободительный поход русской армии в Европу // Новая и новейшая история. 1963. № 4. С. 103–108.

64. Сироткин В.Г. Война 1812 года в общих работах современных историков Франции // История СССР. 1962. № 6. С. 181–192.

65. Власкин А.Г. Поддержка Россией национально-освободительного движения в Германии против наполеоновского владычества: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1962; Евстигнеев И.В. К вопросу о целях внешней политики России в 1804–1805 годах // Вопросы истории. 1962. № 5. С. 203–210; Казаков Н.И. Внешняя политика России перед войной 1812 года // 1812 год: К 150-летию Отечественной войны. М., 1962. С. 9–30; Кяйвяряйнен И.И. Международные отношения на Севере Европы в начале XIX в. и присоединение Финляндии к России в 1809 году. Петрозаводск, 1965; Нарочницкий А.Л. Об историческом значении континентальной блокады // Новая и новейшая история. 1965. № 6. С. 51–63.

66. Кочетков А. О некоторых ошибках в освещении Бородинского сражения // Военно-исторический журнал. 1963. № 12. С. 36–44.

67. Жилин П.А. Гибель наполеоновской армии в России. М., 1974.

68. Нарочницкий А.Л. Россия и наполеоновские войны за господство над Европой: Спротивление и приспособление // Вопросы истории. 1979. № 4. С. 67.

69. Итоги и задачи изучения внешней политики России: Советская историография / Под ред. А.Л. Нарочницкого. М., 1981. С. 196, 197.

70. Абалихин Б.С. Особенности классовой борьбы в России в 1812 году // Из истории классовой борьбы в дореволюционной и Советской России. Волгоград, 1967. С. 106–146.

71. Брагин М.Г. Кутузов. 4-е изд., испр. М., 1975; Жилин П.А. М.И. Кутузов. М., 1979.

72. Абаляхин Б.С., Дунаевский В.А. Отечественная война 1812 года и освободительная миссия русской армии: Итоги и перспективы исследований // История и историки: Историографический ежегодник, 1974. М., 1976. С. 105–147; Они же. Новое в изучении истории войны 1812 года. М., 1983.

73. Тартаковский А.Г. Русская армейская публицистика Отечественной войны 1812 года: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1965; Он же. Труд К.Ф. Толя об Отечественной войне 1812 г.: Опыт реконструкции // Исторические записки. М., 1970. Т. 85. С. 368–428; Он же. У истоков русской историографии 1812 года // История и историки: Историографический ежегодник, 1978. М., 1981. С. 67–95; Он же. 1812 год и русская мемуаристика XIX в.: Опыт источниковедческого изучения: Дис. ... д-ра ист. наук. М., 1980.

74. Сироткин В.Г. Дуэль двух дипломатий: Россия и Франция в 1801–1812 гг. М., 1966; Он же. Великая Французская буржуазная революция, Наполеон и самодержавная Россия // История СССР. 1981. № 5. С. 39–56.

75. Георгиев В.А. Проблемы внешней политики России XIX в. в трудах советских историков // Вопросы истории. 1970. № 7. С. 140. С. 39–56.

76. Сперанский В.Н. Военно-экономическая подготовка России к войне с Наполеоном в 1812–1814 гг.: Дис. на ... канд. ист. наук. Горький, 1968.

77. Абаляхин Б.С. Военно-экономический потенциал юго-западного края России накануне Отечественной войны 1812 года // Поволжский край. Саратов, 1983. Вып. 8. С. 129–147.

78. Абаляхин Б.С. Борьба с наполеоновской армией на юго-западе России в период Отечественной войны 1812 года: Дис. ... д-ра ист. наук. Саратов, 1979.

79. Безотосный В.М. Разведка Наполеона в России перед 1812 годом // Вопросы истории. 1982. № 10. С. 86–94.

80. Холодковский В.М. Наполеон ли поджег Москву? // Вопросы истории. 1966. № 4. С. 31–43.

81. Кочетков А.Н. М. Б. Барклай де Толли. М., 1970.

82. Тотфалушин В.П. М.Б. Барклай де Толли в Отечественной войне 1812 года: Советская историография темы // Историографический сборник. Саратов, 1984. Вып. 8 (11). С. 122.

83. Манфред А.З. Наполеон Бонапарт. М., 1971.

84. Жилин П.А. Отечественная война 1812 года. М., 1988; Бородино, 1812. М., 1987; Орлик О. В. Гроза двенадцатого года... М., 1987.

85. Абаляхин Б.С., Дунаевский В.А. 1812 год на перекрестках мнений советских историков, 1917–1987. М., 1990.

86. Тотфалушин В.П. М.Б. Барклай де Толли в Отечественной войне 1812 года: Дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 1986; Хелме Р.Э. Прибалтийский театр военных действий Отечественной войны 1812 года: Дис. ... канд. ист. наук. Тарту, 1987; Безотосный В.М. Французская и русская разведки и планы сторон в 1812 году: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1987; Малышкин С.А. Русский военный историк А.И. Михайловский-Данилевский и его «Описание Отечественной войны в 1812 году»: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1990.

87. Шведов С.В. Комплектование, численность и потери русской армии в 1812 году // История СССР. 1987. № 4. С. 120–139.

88. Троицкий Н.А. 1812: Великий год России. М., 1988; Он же. К истории нашествия Наполеона на Россию: Объявление войны // Новая и новейшая история. 1990. № 3. С. 216–218; Он же. О дислокации и численности русских войск в начале Отечественной войны 1812 года // Военно-исторический журнал. 1987. № 8. С. 71–72; Он же. Отечественная война 1812 года: История темы. Саратов, 1991.

89. 1812 год: Военные дневники. М., 1990; 1812 год: Воспоминания воинов русской армии: Из собрания Отдела письменных источников Государственного исторического музея. М., 1991; 1812–1814: Секретная переписка генерала П.И. Баграциона; Личные письма генерала Н.Н. Раевского; Записки генерала М.С. Воронцова; Дневники офицеров русской армии: Из собрания Государственного исторического музея. М., 1992; 1812 год в воспоминаниях современников. М., 1995; Фельдмаршал Кутузов: Документы, дневники, воспоминания. М., 1995.

90. Родина. 1992. № 6–7; Родина. 1995. № 9.

91. Божedomов Б.А., Гордеев Ю.И. Особенности военного искусства в Бородинском сражении 1812 года: Учебное пособие. М., 1995; Гуляев Ю.Н., Соглаев В.Т. Фельдмаршал Кутузов: Историко-биографический очерк. М., 1995; Португальский Р.М., Рунов А.В. Бородино, 1812. М., 1999; Шишов А.В. Неизвестный Кутузов: Новое прочтение биографии. М., 2001.

92. Троицкий Н.А. Александр I и Наполеон. М., 1994; Он же. Фельдмаршал Кутузов: Мифы и факты. М., 2002.

93. Тартаковский А.Г. Неразгаданный Барклай: Легенды и быль 1812 года. М., 1996.

94. Безотосный В.М. Донской генералитет и атаман Платов в 1812 году: Малоизвестные и неизвестные факты на фоне знаменитых событий. М., 1999; Васильев А.А. Сражение при Малоярославце 12 октября 1812 года // Малоярославец: Очерки по истории города: К 180-летию Отечественной войны 1812 года. Малоярославец, 1992. С. 16–87; Он же. Обзор французских документов-трофеев Отечественной войны 1812 года, хранящихся в фонде и коллекциях Военно-ученого архива // Документальные реликвии Российской истории: 200-летие Военно-ученого архива. М., 1998. С. 123–134; Земцов В.Н. Великая армия Наполеона в Бородинском сражении. Екатеринбург, 2001; Ивченко Л.Л. Бородино: Легенда и действительность. М., 2002; Попов А.И. Великая армия в России: Погоня за миром. Самара, 2002; Соколов О.В. Армия Наполеона. СПб., 1999; Целорунго Д.Г. Русские офицеры – участники Бородинского сражения: Историко-социологическое исследование. М., 2002.

95. Васильев А.А., Попов А.И. Война 1812 года. Хроника событий: Grande Armée: Состав армии при Бородино. М., 2002; Русские соединенные армии при Бородине 24–26 августа 1812 года: Состав войск и их численность / Сост. А.А. Васильев, А.М. Елисеев. М., 1997; Подмазо А.А. Шефы и командиры регулярных полков Русской армии, (1796–1815 гг.). М., 1997; История Отечественной войны 1812 года: Указатель советской литературы, (1918–1990 гг.) / Отв. ред. В.А. Дунаевский. М., 1992.

Э.М. Вовси*

**QUI NON PROFICIT DEFICIT
(О НЕКОТОРЫХ НАПРАВЛЕНИЯХ ПО ИЗУЧЕНИЮ ЭПОХИ
ВОЙНЫ 1812 ГОДА)**

История вторжения Наполеона в Россию в 1812 г., именуемого в разных исторических текстах «Русская кампания», «Отечественная война», «Вторая Польская война» – согласно национальной принадлежности и предпочтениям авторов – давно уже стала классической темой мировой историографии. Вокруг нее сломано немало копий, написаны сотни больших и малых трудов, некоторые буквально по горячим следам, уже в 1813–1814 гг., однако число таких работ будет, несомненно, и дальше расти в связи с 200-летним юбилеем.

В этой связи мне хотелось бы обратить внимание на некоторые аспекты, до сих пор требующие, полагаю, дополнительного рассмотрения. До недавнего времени специалисты изучали в основном оперативные планы противоборствующих сторон, накопление и использование ими военного потенциала и, наконец, стратегические операции и выполнение тактических решений в отдельно взятых сражениях. Однако современный подход, основанный на системе микро- и макроанализа, ставит перед историком новые задачи – выявить, что собственно значила война 1812 г. для общества в целом и для отдельно взятого маленького человека, оказавшегося в гуще тех памятных и трагических событий. В разработке этой тематики историкам, работающим по обе стороны Атлантики, необходимы:

- а) широкое вовлечение в научный оборот архивных источников по периоду 1810–1812 гг.;
- б) знание и критический анализ новейшей специальной литературы;
- в) совместные издательские проекты с привлечением специалистов по вспомогательным дисциплинам и организация международных конференций.

Моя цель – дать краткий обзор некоторых направлений, наметившихся за последнее десятилетие в «западной» (английской, французской и американской) науке при разработке сюжетов, так или иначе связанных с 1812 г., и очертить возможные перспективы совместной работы с российскими коллегами. Ведь внимание историков сегодня привлекает уже не столько собственно война 1812 г. с ее строго очерченными гео-

* **Вовси Эман М.** (Флорида, Соединенные Штаты Америки) – доктор истории, адъюнкт-профессор Института Наполеона и Французской революции Государственного Университета Флориды, член Международного Наполеоновского общества.

графическими и хронологическими рамками, сколько вся породившая ее эпоха, включая предшествующее развитие России и Франции с их экономическими, политическими, социальными, военно-административными и культурными особенностями.

Если проанализировать круг известных современным историкам архивных источников, то, без сомнения, ведущие российские хранилища (РГАДА, РГВИА, АВПРИ и др.) содержат достаточное количество документов для разработки целого ряда аспектов данной темы, например, для изучения военного потенциала противоборствующих сторон. Частная переписка, рапорты командования, полковые реестры и трофейные французские документы – весь этот материал так или иначе постепенно вводится в научный оборот, и последние работы российских историков – прекрасное тому подтверждение [1]. С определенным набором этих документов – в основном с микрофильмами архивных дел Военно-ученого архива, находящимися в Библиотеке Конгресса США – работали и некоторые западные историки, как, например, Фридрих Каган, исследовавший военные реформы в России первой половины XIX в. [2].

Что же касается французских архивов, в частности, Национального архива (A. N.) и Военного архива сухопутных сил в Венсенне (SHD/DAT), то на сегодняшний день этот огромный комплекс документов используется западными историками лишь фрагментарно. Дело тут частично в том, что многие материалы по истории вторжения Наполеона в Россию в 1812 г. – например, в SHD/DAT – рассредоточены по разным фондам: хранятся в составе полковых дел, отдельно составленных тематических групп (например, по генералитету, императорской штаб-квартире или гвардии) и в общей корреспонденции Наполеона. Исключение составляет небольшая серия C2 (Campagne de Russie), куда входят многочисленные документы высшего командования Великой армии, сводки о составе частей на 2 и 3 сентября 1812 г., отчеты о количестве войск во время проведения смотров в Москве в октябре, а также перехваченные французами бумаги русского генерала Ф.-В. Остен-Сакена (3-й Обсервационный корпус). В другой серии, хранящей личные досье французского генералитета, также нашлось место для дел М.Б. Барклая де Толли, Л.Л. Беннигсена и ряда других российских военачальников [4]. В многотомной серии IX собрана личная переписка Наполеона с Военным министерством (генерал Кларк, 1807–1814) и Министерством военной администрации (генерал Лакюзэ де Сессак, 1810–1813), отражающая динамику формирования, снабжения и передвижения Великой армии. Многие документы из этой переписки – декреты, распоряжения и личные указания – вошли в знаменитую 32-томную «Корреспонденцию Наполеона» (1858–1869). Например, в одной

из книг серии IX содержится оригинал письма императора французов от 16 марта, адресованного Военному министру, о том, что начало операций по вторжению в Россию назначено предварительно на 1 апреля 1812 г. [5].

Что же касается Национального архива, то тут нужно отдать должное той аккуратности, с которой его работники сохранили документацию, относящуюся к эпохе войны 1812 г. Прежде всего, это большая коллекция частных архивов участников кампании 1812 г. в серии AP (Archives privée), куда входят бумаги семейств Колленкур и Сегюр, маршалов Л.-Н. Даву, М. Нея, неаполитанского короля И. Мюрата, секретаря Наполеона барона А. Фэна и пр. Однако самый большой объем документации содержит фонд П. Дарю – главного координатора военной администрации наполеоновской Империи. Фонд содержит более 360 дел и включает помимо всего прочего проект Военного кодекса армии (1805) в семи больших книгах [6], на основании которого в 1812 г. был построен свод военного законодательства Первой империи [7]. Не менее важна и серия AF IV, содержащая всю исходящую корреспонденцию Наполеона и включающая хронологический перечень всех декретов и распоряжений, рассылавшихся затем секретарями императора во все концы – «от Тахо до Вислы», а также в Америку и немногочисленные французские колонии. В этой серии также находится и корреспонденция по реорганизации Главной императорской квартиры в Вильно, проведенной в первые недели войны, сводки о производствах и награждениях (в частности, в Москве), приказы на день и пр. [8]. Все эти и многие другие архивные источники еще не стали предметом комплексного научного анализа и вводились в оборот весьма выборочно.

Хочу коснуться также темы разнообразия новых сюжетов исследований, выбираемых современными авторами. Известно, что при описании подготовительных мер к кампании 1812 г. и самих военных действий исследователи из различных стран, работающие в самых разных направлениях, привыкли во многом сверяться с многотомными «классическими» трудами прошлого – Г. Фабри, Л. Маржерона, А. Шюке, Ж. Шамбре, Л. Морвана и др., вобравшими в себя все известные на тот момент опубликованные источники, а также с богатой мемуарной литературой непосредственных участников похода, не подвергая опубликованный – зачастую более ста лет назад – материал дополнительной проверке. Нередко вне поля зрения военных историков остаются современные исторические работы, освещающие эпоху 1812 г. не только в военно-операционном плане, но и рассматривающие социально-политические отношения.

Российская историография войны 1812 г. известна на Западе, и, в частности, в Америке, в основном по «классическим» работам – книге Е.В. Тарле «Нашествие Наполеона на Россию» (переведена на английский

в 1942 г.) или Л. Г. Бескровного «Русская армия и флот в XIX в.» (переведена в 1996 г.) [9]. Впрочем, историки, занимающиеся «русской темой», читают по-русски, как, например, Кристофер Даффи, что позволило ему создать в 1972 г. вполне оригинальную работу [10]. Изданные недавно при поддержке Центра Индиана-Мичиган по русским и восточноевропейским исследованиям переводы мемуаров А. Ермолова, Н. Дуровой и Д. Давыдова расширили знания зарубежного читателя о войне 1812 г. [11]. Наконец, были опубликованы на иностранных языках и некоторые специальные работы российских историков, где так или иначе затрагивается тема войны 1812 г., например, двухтомник Александра и Юрия Жмодиковых об организации и тактике русской армии и обширный труд Олега Соколова «Армия Наполеона» – исследования, которые еще ждут своих рецензентов [12].

Сегодня строго академические издания – те, что создаются преподавателями высшей школы, участвующими в научных конференциях и выступающими рецензентами аналогичных исследований, – соседствуют с многочисленными любительскими публикациями, далеко не все из которых сопоставимы с ними по своему качеству, уровню критического анализа и объему использованных источников. К первым можно отнести такие издания общего характера, как, например, «Наполеоновские войны: международная история» (2009) Чарльза Исдейла, профессора Университета Ливерпуля (Великобритания), ко вторым – совместную работу президента Международного Наполеоновского общества Бена Вейдера и генерала Мишеля Франчески «Война против Наполеона» (2007) [13], где откровенно воспевается гений императора французов.

В последние годы вышел также целый ряд специальных статей и монографий на английском и французском языках. В 2005 г. по результатам симпозиума, проводившегося Школой истории при том же Университете Ливерпуля, был опубликован сборник статей «Народное сопротивление в войнах против французов». Наряду с традиционными для европейских ученых исследованиями по теме испанской герильи, сопротивления оккупационным властям в Германии и в Италии, там была представлена и работа Джанет Хартли «Патриотизм русской армии в Отечественной войне 1812 года» [14]. В своей статье автор, выказав знакомство с известными ей (на тот момент) направлениями в российской дореволюционной и советской историографии, сравнила идею патриотизма русского народа с патриотизмом русского офицерского корпуса, который, по ее мнению, направлялся самодержавием и церковью на поддержание существующего социального порядка. К числу весьма интересных изданий можно отнести и сборник статей под редакцией Брюса Менинга и Давида Шимилпенника, «Военные инновации от Петра Великого до Революции 1917 г.», вышедший в 2004 г.,

где затронуты вопросы военного строительства российской регулярной армии и, особенно, ее развития во время войн против Наполеона [15].

Наряду с исследованием Майкла Адамса «Наполеон и Россия» (2007) [16], освещающим историю франко-российских отношений с 1790-х по 1815 гг., наибольший интерес сегодня представляет работа профессора истории Лондонской школы экономики Доминика Ливена «Россия против Наполеона: правдивая история “Войны и Мира”» (2010) [17]. Ливен поставил себе целью выяснить, насколько реальность войны 1812 г. отражена в бессмертной эпопее Л.Н. Толстого. Особенно британский исследователь концентрируется на политике Александра Первого и его близких советников. Исследовав многочисленные документы, он пришел к выводу, что Великую армию погубили не снег и/или бескрайние пространства России, но твердая политика царя, помноженная на лучшую систему командования, администрации и снабжения чем та, которой располагал Наполеон.

Теме Бородинского сражения были посвящены две монографии, каждая из которых по-своему не лишена новизны и научной значимости. Видный британский историк Дигби Смит (известный также как Отто фон Пивка) опубликовал книгу «Бородино» (1999), несколько расширив традиционно привлекаемый круг источников за счет мемуаров в основном немецких участников событий [18]. Намного полнее, с привлечением большого числа российских источников, переведенных им на английский язык, написал свою монографию «Битва при Бородино: Наполеон против Кутузова» (2007) американский историк грузинского происхождения, Александр Микаберидзе. Ранее им была опубликована книга о русском офицерском корпусе, включающая в себя сотни биографий и столь же обширный иллюстративный ряд [19].

Несмотря на то, что в последнее время французская историография специализируется на переиздании большого количества мемуарных и биографических произведений участников похода на Россию 1812 г., она пока не отличилась появлением сколько-нибудь заметных аналитических работ, опирающихся на архивные данные. Так, помимо красочных компилятивных альбомов-публикаций преподавателя лицея в Дижоне Алена Пижара [20], можно разве что упомянуть недавно выпущенную книгу писателя Жан-Клода Дамамма с почти классическим названием «Орлы зимой: Россия 1812», представляющую собой очередное научно-популярное издание для массового читателя, как, впрочем, и ранее вышедшая книга «Бородино: битва за редуты» историка-любителя, а ранее – врача Франсуа-Гая Уртуля [21].

С другой стороны, несомненный интерес представляют специальные работы английских и французских специалистов по исследованию социальных аспектов военной истории, влиявших на «войну и мир». В своей но-

вой монографии «С армией в сердце» (2006) признанный мэтр изучения темы армии и общества Жан-Поль Берто анализирует социальный облик наполеоновского солдата, его чаяния, надежды и мотивы поведения [22]. С этой книгой перекликается и работа другого классика данного направления, британского профессора Алана Форреста «В рядах наполеоновских армий» (2006) – результат изучения эпистолярного наследия периода Революционных и Наполеоновских войн, освещающая, в частности, роль религии в сознании их участников [23]. Отмечу, что Форрест, работающий в университете Йорка, организовал совместно с университетами Северной Каролины и Флориды издательский проект «Война, культура и общество, 1750–1850» (War, Culture and Society), который наверняка заинтересует и российских специалистов.

Среди других исследований, раскрывающих внутренний мир людей на войне, заслуживает внимания недавно выпущенная монография Брайана Мартина «Боевое братство, дружба и сексуальность в Наполеоновскую эпоху» (2011) [24], название которой говорит само за себя.

Однако в историографии социальных аспектов войны 1812 г. наблюдается явный недостаток исследований о роли женщины, о семье и воспитании детей в то сложное и противоречивое время. Недостаточно представлена и тема оппозиции наполеоновскому режиму, в частности, заговора генерала К.-Ф. Мале в октябре 1812 г., на что в свое время обратил внимание преподаватель Университета Париж-1 Бернар Гэно [25].

С точки зрения зарубежного специалиста, было бы привлекательно иметь возможность читать – в различных российских исторических сборниках, подготовленных музеями, академическими изданиями и центрами экспериментальной археологии, – профессионально выверенные резюме на английском/французском языке. Это, несомненно, расширило бы читательскую аудиторию этих изданий, повысило бы интерес к ним за рубежом и принесло бы их авторам поистине международное признание. Волей-неволей надо признать, что английский язык стал необходимым средством международного академического общения благодаря развитию Интернета, созданию разнообразных электронных каталогов и социальных сетей. Многочисленные европейские и американские конференции также проводятся в основном на английском языке. Одной из таких является ежегодный Консорциум по революционной эпохе 1750–1850 гг. (Consortium on the Revolutionary Era), впервые организованный без малого 40 лет назад Советом университетов США и ежегодно приглашающий на свои сессии десятки специалистов из различных учебных и научных центров Европы, Южной Америки и Австралии. Тематика Консорциума многообразна и способна удовлетворить самые изысканные вкусы – вопросы религии,

морской войны, влияние природного фактора на военные действия, литература, искусство и даже новые компьютерные технологии – всему здесь находится место. На консорциумах, организованных в 2009 и 2011 гг., было приятно видеть и российские делегации из ИВИ РАН [26]. Хотелось бы, чтобы это начинание крепло и развивалось, способствуя дальнейшему обмену научной информацией. После каждой конференции, Консорциум публикует сборник материалов, представленных на сессиях, который затем распространяется по подписке в шестьдесят американских и европейских библиотек и университетов.

Несколько меньшими по масштабу, но не менее продуктивными по значимости, являются конференции Международного Наполеоновского общества (International Napoleonic Society), которые проводятся преимущественно в «наполеоновских» местах Европы. Сегодня президентство INS принадлежит публицисту Дэвиду Мэркхэму, который активно приглашает к сотрудничеству историков и любителей из разных стран мира, предлагая им членство в INS, а также и возможность публиковаться в возрожденном журнале «Наполеоновские исследования» (Napoleonic Scholarship). В планы INS входит и сотрудничество с российскими организациями в плане подготовки и проведения совместной конференции, посвященной 200-летию вторжения Наполеона в Россию.

Столь же активна и деятельность французского частного «Фонда Наполеона» (Fondation Napoléon), который совместно с парижским Институтом Наполеона, возглавляемым Жаком-Оливье Будоном, регулярно организует своеобразные публичные чтения по соответствующей тематике. Одним из главных достижений «Фонда Наполеона», помимо ежегодного гранта, вручающегося на «наполеоновские» изыскания, является великолепная электронная база данных по эпохе Первой империи (www.Napoleonica.org). С 2002 г. Фонд ведет работу над публикацией «Корреспонденции Наполеона» – новым многотомным изданием, дополняющим прежнее «классическое» издание XIX в., куда войдут вновь обнаруженные личные письма и директивы Наполеона, а также архивные документы из разных стран мира – на сегодняшний день их выявлено более 32 тысяч [27]. Думается, что участие в данном проекте могло бы заинтересовать и российскую сторону.

Для американских историков весьма острым сегодня является вопрос о сохранении преподавания в вузах военной истории в целом и Наполеоновских войн в частности. Сегодня в нашем быстроменяющемся мире социальных и прочих «сетей» для того, чтобы привлечь внимание студентов и снискать уважение коллег по профессии, историку необходимо владеть методами междисциплинарных антропологических исследований с акцентом на лингвистику и/или изучение общественной памяти. Солдаты

и офицеры противоборствующих армий, познавшие триумф и трагедию 1812 г., вышли из среды, имевшей различный политический, культурный и социальный контекст; они использовали разные средства для достижения успеха; наконец, они тешили себя надеждой превзойти неприятеля в решении идеологических, стратегических и прочих задач. Вместе с тем эти люди одинаково испытывали нужду и муки голода, скорбь о погибших и страх перед неизвестным; они заставляли себя приспособиться к нормам военной жизни, где хоть иногда, но находили некое моральное удовлетворение от сиюминутных успехов. Одной из задач историка видится познание того, как жизненный опыт, приобретенный в разных условиях, наложил отпечаток на восприятие пережитого участниками событий либо немедленно, либо по прошествии лет. Медленно, но верно ему приходится отходить от «наблюдения» за полями сражений, от традиционных описаний фланговых маневров, количества захваченных орудий и оценок целесообразности тех или иных элементов военной формы, все более концентрируясь на культурных и социальных аспектах войны как исторического феномена, являющегося результатом многих и многих вовлеченных в войну людей.

Таким образом, все вышеперечисленные аспекты – введение в научный оборот новых источников, знакомство с современными социокультурными исследованиями и их критический анализ, равноправное, а в чем-то и лидирующее участие в совместных проектах и международных конференциях – должны позволить российским специалистам по истории войны 1812 г. и впредь задавать тон соответствующим исследованиям на протяжении многих лет и по окончании юбилейных торжеств. Ибо, воистину, кто не движется вперед, отстает.

Литература и источники

1. Целорунго Д.Г. Офицеры русской армии – участники Бородинского сражения. М., 2002; Попов А.И. Великая армия в России: Погоня за миражом. Самара, 2002; Отечественная война 1812 года: Энциклопедия. М., 2004; Ульянов И.Э. 1812: Русская пехота в бою. М., 2008; Ивченко Л.Л. Бородинское сражение: История русской версии событий. М., 2009; Земцов В.Н. 1812: Пожар Москвы. М., 2010; и др.

2. Kagan F.W. The military reforms of Nicholas I: the origins of the modern Russian army. N.Y., 1999.

3. Некоторые документы из этих фондов позднее вошли в работы: Chuquet A. 1812: La Guerre de Russie: notes et documents. P., 1912; Idem. Inédits Napoléoniens. P., 1913; Fabry G. Campagne de Russie 1812. Operations militaire. 5 vols. P., 1900–1903.

4. SHD/DAT, series ETR 16YD 14 (Barclay de Tolly); 16YD 20 (Bennigsen); и др.

5. Отрывок текста из означенного декрета от 16 марта 1812 г., помещенный в серии 1X 179, точно соответствуют Correspondance de Napoléon. № 18589. Т. 23. P. 324 (“L’expédition devra avoir lieu au 1 avril”).

6. A. N., Project de Code militaire et redaction 138 AP 17–22.

7. Berriat H. *Législation Militaire ou Recueil Méthodique et Raisonné*. 4 vols. Alexandrie, 1812.

8. См., например: А.Н., *Série AFIV. Secrétaire d'État Impériale* (1812), 671–686; 1643–87.

9. Tarlé E. *Napoleon's Invasion of Russia, 1812*. N.Y., Toronto, 1942; Beskrovny L. *The Russian Army and Fleet in the 19th century*. Gulf Breeze, 1996.

10. Duffy C. *Borodino and the War of 1812*. L., 1972.

11. *The Czar's General: The Memoirs of a Russian General in the Napoleonic Wars*. Welwyn Garden City, 2005; Troubetzkoy G. *In the Service of the Tsar Against Napoleon: The Memoirs of Denis Davidov, 1806–1814*. L., 1999; Durova N. *The Cavalry Maiden: Journals of a Russian Officer in the Napoleonic Wars*. Benicia, 1997.

12. Zhmodikov A., Zhmodikov Y. *Tactics of the Russian Army in the Napoleonic Wars*. West Chester, 2003; Sokolov O. *L'armée de Napoléon*. P., 2002.

13. Esdaile Ch. *Napoleon's Wars: An International History, 1803–1815*. L., 2009; Weider B. *General Franceschi M. The Wars against Napoleon: Debunking the Myth of the Napoleonic Wars*. N.Y., 2007.

14. Hartley J. *The Patriotism of the Russian Army in the "Patriotic" or "Fatherland" War of 1812 // Popular resistance in the French wars: patriots, partisans and land pirates*. Basingstoke, 2005. С. 181–200.

15. *Reforming the Tsar's army: military innovation in Imperial Russia from Peter the Great to the Revolution* / Ed. Schimmelpenninck D., Menning B. Cambridge, 2004.

16. Adams M. *Napoleon and Russia*. Hambledon Continuum, 2007.

17. Lieven D. *Russia Against Napoleon: The True Story of the Campaigns of "War and Peace"*. N.Y., 2010.

18. Smith D. *Borodino (Great Battles)*. Moreton-in-Marsh, 1999.

19. Mikaberidze A. *The Battle of Borodino: Napoleon against Kutuzov*. L., 2007; Idem. *The Russian Officer Corps in the Revolutionary and Napoleonic Wars, 1792–1815*. L., 2005.

20. Pigéard A. *Les Campagnes napoléoniennes*. 2 vols.. Quatour, 1998; Idem. *La Garde Impériale*. P., 2006.

21. Damamme J.-C. *Les aigles en hiver: Russie 1812*. P., 2009; Hourtoulle F.-G. *La Bataille des redoute*. P., 2000.

22. Bertaud J.-P. *Quand les enfants parlaient de gloire. L'armée au Coeur de la France de Napoléon*. P., 2006.

23. Forrest A. *Napoleon's Men: The Soldiers of the Revolution and Empire*. L., 2006.

24. Martin B. *Napoleonic Friendship: Military fraternity, intimacy and sexuality in 19th – century France*. New Hampshire, 2011.

25. Гэнно Б.К. истории военной оппозиции бонапартистскому режиму // ФЕ 2006. М., 2006.

26. См.: Чудинов А.В. *Международная конференция «Революционная эпоха 1750–1850 гг.» Саванна (США), 19–21 февраля 2009 г. // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2009. № 3 (56). С. 232–235.*

27. Kerautret M., Madec G. et al. *Napoléon Bonaparte: Correspondance générale*. 7 vols. P., 2002–2010. *Последний из вышедших на сегодня томов посвящен кампании 1807 г. и переговорам в Тильзите.*

БРИТАНСКИЙ ВЗГЛЯД НА НАПОЛЕОНОВСКИЕ ВОЙНЫ

Эпоха наполеоновских войн является важнейшей частью исторического сознания и исторической памяти британцев. Она нашла отражение едва ли не во всех сферах жизни, формирующих представления британцев о себе, своей истории и окружающем их «заморском» мире. Мотивы, навеянные наполеоновскими войнами и великим полководцем, зримо присутствуют в творчестве английских романтиков Дж. Г. Байрона, У. Вордсворда, С.Т. Колриджа... С наполеоновского времени начинался и британский реалистический роман (например, «Ярмарка тщеславия» У.М. Теккерея), и женский роман (Дж. Остин «Убеждение» и другие произведения). Известная картина великого Дж.М. Тернера «Переход Ганнибала через Альпы» была навеяна переходом через Альпийский хребет первого консула Франции Наполеона Бонапарта в 1800 г. Почти любой провинциальный музей, посвященный какой-либо воинской части или истории местечка, считает своим долгом посвятить эпохе конца XVIII – начала XX в. экспозиционную витрину или целый зал. Наконец, тысячи британцев, как, впрочем, и их собратья по увлечению «за морем», увлеченно занимаются военно-исторической реконструкцией, облачаясь в мундиры той поры и разыгрывая баталии, начиная от высадки неприятельского десанта у Фишгарда до Ватерлоо. При этом стоит заметить, что движение военно-исторической реконструкции, принявшее в Британии весьма широкие формы, носит название «Re-enactment», что совершенно определенно перекликается с названием метода постижения прошлого («reenactment» – «переигрывание», «вживание», «постижение»), предложенного великим Р.Дж. Коллингвудом.

Историческая литература, изданная в Британии и посвященная эпохе наполеоновских войн, поистине безгранична [1]. Наиболее известный британский специалист по этой проблематике (ныне – бывший преподаватель Британской королевской военной академии в Сандхерсте Д.Г. Чандлер) [2] – давно получил всемирное признание, в том числе и во Франции. Особенно много выходило и выходит в Британии работ, посвященных войне на Пиренеях [3], последней кампании в Бельгии в 1815 г., закончившейся Ватерлоо [4], и, конечно же, военной деятельности А. Уэлсли, герцога Веллингтона [5].

*Земцов Владимир Николаевич (Екатеринбург) – заведующий кафедрой всеобщей истории Уральского государственного педагогического университета, доктор исторических наук, профессор.

Однако, если отвлечься от чисто военных вопросов и остановиться на более общей проблематике, позволяющей осознать особенности британской интерпретации всей эпохи, то увидим следующую картину.

Во-первых, в британской литературе не проводится резкой грани между революционными и наполеоновскими войнами. В восприятии англичан и те, и другие равным образом создавали угрозу неким базовым либеральным, демократическим ценностям, оплотом которых выступала Британия. В этой связи роль Британии в спасении Европы была, с точки зрения англичан, определяющей. Симптоматично, что одно из наиболее известных в первой половине XX в. исследований, вышедших в Британии еще в викторианское время, так и называлась – «Как Британия спасла Европу» [6]. Подкрепляя это убеждение, британская литература приводит, к примеру, наглядную диаграмму, из которой следует, что с 1792 по 1815 г. такие государства, как Швеция и Испания, участвовали в войнах по 3,2 года каждое, Россия и Пруссия – по 5,5 лет, Австрия – 13,5 лет, Великобритания – 21,5 года! [7]. При этом, если в отечественной историографии вплоть до самого последнего времени отмечался незначительный вклад Британии в борьбу с революционной и наполеоновской Францией, и делалось это на том основании, что англичане «загробали жар чужими руками», покупая себе союзников, которые и вели военные действия [8], в британской историографии на этот факт указывается как на свидетельство решающей роли Альбиона в войнах 1792–1815 гг. Так, указывается, что в 1800 г. почти 7,6% общих затрат Казначейства пошло на субсидии союзникам. И в дальнейшем эти статьи расходов продолжали возрастать, достигнув в 1813 г. суммы большей, чем Британия тратила на свой военно-морской флот [9].

Во-вторых, британские историки своеобразно трактуют причины наполеоновских войн. Несмотря на существование разных подходов к их генезису (так, Д.Г. Чандлер, например, указывает на органическую связь этих войн с войнами XVII в. и рассматривает в совокупности целую группу международных противоречий, отягченных Французской революцией [10]), преобладает мнение, что главным двигателем был все же англо-французский конфликт за экономическое и политическое доминирование в мире, и основная ответственность за этот конфликт возлагается на Францию, в которой в конце XVIII – начале XIX в. оформилась милитаристская клика, сориентировавшая общество на войну [11]. Симптоматична дискуссия, состоявшаяся в конце 1980-х гг. между американцем О. Коннели и британцем Дж. Линном. Если О. Коннели говорил о том, что не стоит переоценивать роль военной корпорации в управлении жизнью Франции в период Первой Империи, то Дж. Линн это оживленно оспаривал. По его мнению, в конце XVIII – начале XIX в. французская армия прошла трансформацию из ар-

мии «добродетели» в армию «чести». При этом функционально армия стала играть ту же роль, которую играла аристократия при Старом порядке. Основным мотивационным фактором этой новой аристократии стала честь, понимаемая автором как соединение чувства воинской доблести с персональной материальной заинтересованностью в социальном продвижении и обогащении [12].

Чаще всего в работах британских историков, пишущих об эпохе наполеоновских войн, возникает следующая классическая картина: Британия по самому определению являлась цитаделью либерализма, свободы и демократии, в то время как континент представлял и представляет собой некое пространство, которое время от времени производит страшных монстров (в начале XIX в. – в виде наполеоновской Франции, в первой половине XX в. – кайзеровскую и нацистскую Германию).

В-третьих, в британской историографии постоянно проводятся параллели между эпохой наполеоновских войн и военно-политической историей XX в. В 1933 г., когда Британия воочию почувствовала возрождение опасности с континента, крупнейший военный теоретик Б. Лиддл Гарт опубликовал исследование под названием «Привидение Наполеона!» [13]. Наполеоновские войны нередко называют «Первой Мировой войной», что повелось, вероятно, с легкой руки А. Дж. П. Тейлора, который как-то назвал эпоху начала XIX в. «первой современной войной» («the first modern war»), а политику умиротворения 1930-х гг. сопоставляют с «умиротворением» Наполеона в 1802 г., когда был заключен Амьенский мир, считающийся началом этой политической традиции. При этом, проводя параллели между умиротворением начала XIX в. и 30-ми гг. XX в., британские историки отменяют один важный, «мюнхенский», аспект, нередко ускользающий от внимания наших исследователей. Вот что, к примеру, сказал один из лидеров вигов Ч. Фокс в парламенте в 1802 г.: «...я радуюсь миру, вся Англия ему радуется, так как он для нас благодетелен, он дает нам шанс во всем обогнать Францию» [14]. В Мюнхене в 1938 г. премьер-министр Н. Чемберлен точно так же, как британцы в 1802 г., пытался перевести борьбу с врагами на континенте из военно-политической плоскости в плоскость финансово-экономическую! Но в 1938–1939 гг., как и в 1802–1803 гг., этого сделать не удалось. Вообще, когда знакомишься с выступлениями британских министров и парламентариев в период Амьенского перемирия, невольно задаешься вопросом: не допущена ли какая-то ошибка при печати, и эти фразы относятся совсем к другому времени – кануну и началу Второй Мировой войны? Вот, к примеру, цитата из выступления лорда Гекесбери, сторонника вигского кабинета Г. Аддингтона, в конце 1802 г.: «Самая лучшая для нас политика – это политика общего доброжелательства... Мы не хотим

быть странствующими рыцарями и бросать перчатку там, где наше участие бесполезно. Судьба Польши волновала всю страну, но благоразумные министры не заступились за нее, так как не могли поручиться за успех» [15]. Не правда ли, кажется, что это выступление в британском парламенте относится к периоду «странной войны»?

В-четвертых, британские историки своеобразно оценивают последствия наполеоновских войн. Так, они полагают, что для самой Франции войны сыграли в чем-то положительную роль, а именно в том, что Франция, обладавшая избытком человеческих ресурсов и, столкнувшись из-за этого с серьезнейшими социальными проблемами (одним из следствий которых стала Революция), смогла «занять» избыточное мужское население войной, отвлечь его и даже «утилизировать» часть человеческого материала [16]. Для Британии эти войны также имели некоторые положительные последствия: началось промышленное изготовление пищевых консервов, широко стали перерабатывать свеклу для получения сахара и т.д. Британия в годы войн не только сама выступила защитником экономических и политических свобод, но и способствовала революционным процессам в ряде регионов (особенно в Латинской Америке). Однако и негативные последствия войн также были значительными. Они, прежде всего, были связаны с приостановкой темпов экономического развития Британии, в особенности в условиях континентальной блокады. И все же, общий баланс этих итогов выглядел положительным: Британия устранила опасного соперника и создала тем самым благоприятные условия для завершения промышленного переворота. Наполеоновские войны способствовали также консолидации британцев. Обращает на себя внимание, к примеру, то, что парламентская оппозиция базировалась большей частью на оспаривании финансовых вопросов, но не на критике моральных принципов. В целом, оппозиция ведению войны была незначительной. Что же касается периода Амьена, который продолжался менее года, то он возник также как результат всеобщего убеждения в его необходимости.

В целом, в своем изучении эпохи наполеоновских войн британские историки предпочитают делать акцент на подтверждение собственных национальных стереотипов относительно роли Британии в мире и мировой истории. На этом общем фоне оказывается только одно любопытное исключение: британская историография традиционно большое внимание уделяет фактору России. Британская литература о войне Наполеона с Россией в 1812 г. исчисляется многими десятками серьезных и не очень серьезных исследований [17]. В целом же, они отличаются высокой степенью беспристрастности при оценке событий 1812 г., попытками воспользоваться всей доступной документальной и историографической базой, вне зависимости

от ее «национального» происхождения. Встречаются поистине новаторские работы, воссоздающие эмоционально-психологическую атмосферу событий [18]. Чем этот феномен можно объяснить? Думается, что, в целом, позитивным отношением британцев к России и ее роли в сохранении баланса европейских и мировых сил, что ярко проявилось не только в начале XIX в., но и в период Первой и Второй мировых войн.

Литература и источники

1. Укажем только на два наиболее удобных для пользования общих указателя такой литературы: Haythornthwaite Ph. J. *The Napoleonic Source book*. L., 1990; *Dictionary of the Napoleonic Wars*. Ed. by D. G. Chandler. Ware, 1999.

2. Главной его работой является обширное исследование «Кампании Наполеона» (Chandler D. G. *The Campaigns of Napoleon*. L., 1967), давно переведенная на многие языки. Позже всех его работа была переведена и издана пиратским образом в России в 1999 г. издательством «Центрполиграф» под странным названием «Военные кампании Наполеона: Триумф и трагедия завоевателя». Автор книги, чьи права были беспардонно нарушены, безрезультатно обращался к российским властям, используя парламентские, дипломатические и частные каналы. В конечном итоге, он получил на своё имя письмо от Президента В.В. Путина, в котором безымянный референт в неподражаемом советском стиле выразил надежду, что книга «послужит развитию дружбы между нашими народами»!

3. В настоящей публикации автор счел необходимым упомянуть наиболее значительные исследования: Napier W. F. P. *History of the War in the Peninsula. 1807–1814*. L., 1851. Vol. 1–6; Oman Ch. *History of the War in the Peninsula. Oxford, 1902–1930*. Vol. 1–7; Hibbert C. *Corunna*. L., 1961; Glover M. *Wellington's Peninsular Victories*. L., 1963; Idem. *The Peninsular War 1807–1814: a Concise Military History*. Newton Abbot, 1974.

4. Из всего большого перечня публикаций по этому вопросу приведём только несколько последних работ: Becke A. F. *Napoleon and Waterloo*. L., 1939; Naylor J. *Waterloo*. L., 1960; Brett-James A. *The Hundred Days*. L., 1964; Hamilton-Williams. *Waterloo: New Perspectives*. L., 1995.

5. Основными изысканиями о военной деятельности герцога Веллингтона являются: Maxwell H. *The Life of Wellington*. L., 1899; Ward S. G. P. *Wellington*. L., 1963; Longford E. *Wellington, the Years of the Sword*. L., 1969.

6. Fitchett W. H. *How England Saved Europe*. L., 1899.

7. Например, см.: Chandler D. G. *The Origins of the Revolutionary and Napoleonic Wars* // Chandler D. G. *On the Napoleonic Wars. Collected Essays*. L., 1994. P. 43.

8. Только в последнее время в одном из разделов многотомной «Истории внешней политики России» (История внешней политики России в первой четверти XIX века. М., 1994. С. 49) эта точка зрения была подвергнута сомнению.

9. См.: Haythornthwaite Ph. J. *Op. cit.* P. 195.

10. Chandler D. G. *The Origins...* P. 39–54.

11. Ярчайшим примером этого подхода является работа Ч.Дж. Исдейла (Esdail Ch. J. *The Wars of Napoleon*. L., 1995. Русский перевод: Исдейл Ч.Дж. *Наполеоновские войны*. Ростов-на-Дону, 1997).
12. Lynn J. A. *Toward an Army of Honour; the Maral Evolution of the French Army, 1789–1815* // *French Historical Studies*. Vol. 16. 1989. № 1. P. 152–173.
13. Liddel Hart B. H. *The Ghost of Napoleon*. L., 1933.
14. Цит. по: Родина Т. А. Проблема войны и мира в британском парламенте: Амьенский мир и «новая оппозиция» // *Россия и Британия*. Вып. 2. М., 2000. С. 85.
15. Там же.
16. Например, см.: Cobb R. *The Police and the People. French Popular Protest, 1789–1820*. Oxford, 1970.
17. Например, см.: Земцов В. Н. «Английское» Бородино: (британская историография Бородинского сражения) // *Проблемы всеобщей истории в контексте подготовки педагогических кадров*. Екатеринбург, 2000. Вып. 2. С. 25–44.
18. Например, см.: Britten Austin P. *1812: The March on Moscow*. L., 1993; Idem. *1812: Napoleon in Moscow*. L., 1995; Idem. *1812: The Great Retreat*. L., 1996. При этом наряду с мощным корпусом профессиональных работ имеется обширная любительская военно-историческая литература, посвящённая отнюдь не самым крупным событиям 1812 года. См., например, ряд работ нориджского любителя Н. П. Робертса: Roberts N. P. *The Battle of Viazma*. L., 1998; Idem. *Second Krasnoi. The Battle around Krasnoi*. L., 2000.

А.И. Сапожников*

ИНТЕРВЬЮ С УЧАСТНИКОМ КУЛЬМСКОГО СРАЖЕНИЯ (НЕОБЫЧНЫЙ АРХИВНЫЙ ДОКУМЕНТ)

Современный жанр интервью – беседы или ее записи в форме вопросов и ответов – уходит своими корнями в древность, и, вероятно, при более близком рассмотрении можно попытаться провести аналогии с античными диалогами. Безусловно, что среди первых произведений этого жанра имелись письменные ответы на присланные вопросы, поскольку других коммуникативных связей тогда не существовало.

В архиве директора Императорской Публичной библиотеки Н.К. Шильдера (1842–1902) хранится интересный документ, представляющий собою интервью, хотя такого понятия тогда еще не бытовало, с участником Кульмского сражения. На документе имеется помета о принадлежности к архиву Военно-технического депо, и это позволяет предположить, что ранее он находился в коллекции документов эпохи 1812 г., собранной историком А.И. Михайловским-Данилевским, переданной в этот архив. Текст представляет собою запись ответов капитана Лейб-гвардии Преображенского полка барона К.К. Пирха (1788–1822) на вопросы о Кульмском сражении, участником которого он был. Записаны они были спустя год после сражения, по возвращении полков русской гвардии в Петербург. Известно, что именно на годовщину Кульмского сражения, 17 августа 1814 г., Император Александр Первый учредил Комитет для вспомоществования всем немущим воинам, пролившим кровь свою на полях сражений. Этот день, безусловно, был отмечен в столице особым образом, поскольку основные потери в сражении понесли полки гвардии.

Автор вопросов в документе не назван, но его имя можно назвать с большой долей вероятности. Формулировка двенадцатого вопроса говорит о том, что на основе интервью предполагалась публикация: «Кого я должен из подчиненных Остермана более приблизить к Остерману?». Неудачная конструкция предложения свидетельствует о трудностях с русской грамматикой. Преамбула интервью позволяет предположить, что вопросы задавал преподаватель истории в Первом Кадетском корпусе, где получил образование барон К. К. Пирх. Обращает на себя внимание название Петербурга градом Святого Петра, подобное встречается на титульных листах изданий, вышедших в типографии Первого Кадетского корпуса.

***Сапожников Александр Иванович** (Санкт-Петербург) – заведующий отделом газет Российской Национальной библиотеки, кандидат исторических наук.

Учителем истории в этом учебном заведении в период обучения К.К. Пирха служил выходец из Греции, капитан Гавриил Васильевич Гераков (1775–1838). В мемуарах одного из кадет того времени – Ф. Булгарина (1789–1859) содержится характеристика Г.В. Геракова, поразительным образом совпадающая с преамбулой интервью. «Но если Гераков не был, ни поэтом, ни отличным прозаиком, ни глубокомысленным историком и археологом – то был отличным учителем истории, умел возбуждать к ней любовь в своих учениках и воспламенять страсть к славе, величию и подражанию древним героям. Он обладал прекрасным даром слова и, рассказывая нам события, увлекал нас и заставлял невольно слушать. <...> Мы многим обязаны Г.В. Геракову за развитие наших способностей и возбуждение любви к науке, которая, по справедливости, называется царскою!» [1]. В 1813 г. Г.В. Гераков опубликовал книгу «И мои мысли по истреблении армий Бонапартъевых мудрым князем Гол<енищевым> Кутузовым Смоленским с русскими», причем место издания указано как Петроград. В 1813–1814 гг. в трех книгах вышло второе издание еще одного его творения – «Твердость духа русских» (Петроград, 1813–1814). По сравнению с первым изданием 1804 г., оно было дополнено примерами из истории Отечественной войны 1812 г., в том числе очерками о М.И. Кутузове, К.Ф. Багговуте, П.Х. Витгенштейне, публикацией рескрипта от 30 августа 1813 г. о назначении пенсионеров наследникам расстрелянных французами подполковника Энгельгардта и коллежского ассессора Шубина. Вероятно, Г.В. Гераков в 1814 г. продолжал работу над этим сочинением и обратился к бывшему воспитаннику за сведениями о мужественном поведении А.И. Остермана-Толстого во время Кульмского сражения. Почти половина вопросов относится непосредственно к этому генералу.

Известно несколько сотен мемуаров, посвященных эпохе 1812 г., под которой принято подразумевать события 1812–1815 гг., закончившиеся окончательным разгромом Наполеона. Новые находки мемуарных текстов продолжают до сих пор, чему свидетельством – публикации в данном сборнике. Среди уже известных текстов выделяют несколько разновидностей: собственно мемуары, мемуары в форме писем, записи рассказов, отклики на исторические сочинения. Находка необычного для той эпохи интервью представляется, на наш взгляд, редчайшей. Прежде были известны только так называемые вопросные пункты, заполняемые во время следствия, например, по делу декабристов. Но найденный документ принципиально иного происхождения.

Карл Карлович Пирх (1788–1822)

Вся жизнь героя интервью была связана с Преображенским полком, первым полком русской гвардии, чести служить в котором удаивались немногие. В 80-е гг. XVIII в. из Германии в Россию переселился барон Карл Пирх-старший. Известно, что именно он обучал А.А. Аракчеева артиллерийскому делу [2]. Этим знакомством, вероятно, объясняется зачисление двух его сыновей по окончании кадетского корпуса в Лейб-гвардии Преображенский полк.

Седьмого сентября 1805 г. кадет К. Пирх 1-й был выпущен в Лейб-гвардии Преображенский полк, шефом которого выступал Император (он ежедневно присутствовал на разводах, знал всех офицеров) [3]. Первый батальон преображенцев называли «кумовья Государевы», поскольку Император крестил детей у многих солдат [4].

Один из офицеров-преображенцев С.П. Шипов впоследствии вспоминал: «Из числа товарищей моих я имел весьма немного коротких приятелей, людей умных и образованных; из них наиболее сблизился я с бароном Карлом Карловичем Пирхом 1-м, человеком во всех отношениях отличным» [5]. К сожалению, сведения о службе К.К. Пирха пришлось собирать буквально по крупицам, поскольку полный послужной список в Военно-историческом архиве в Москве отыскать не удалось*. Основные

*Выражаю свою признательность И.С. Тихонову, сообщившему мне впоследствии о послужном списке 1816 г. В частности, в документе сообщалось: в 1807 г. он принимал участие в так называемой «прусской» кампании – в сражении при Гейльсбергом (29 и 30 мая); спустя полгода, 14 января 1808 г., К.К. Пирх был произведен в подпоручики, чин поручика получил 12 февраля 1810 г., в котором встретил Отечественную войну; за отличие в Бородинском сражении ему пожалован орден Святой Анны 4-й степени; 20 января 1813 г. произведен в штабс-капитаны; за участие в сражениях при Люцене и Бауцене – награжден орденом Святого Владимира 4-й степени с бантом. По достоинству было оценено его участие в Кульмском сражении, описанное в публикуемых ниже мемуарах – он награжден орденом Святой Анны 2-й степени с алмазами и прусским орденом «За заслуги», а 23 сентября 1813 г. ему пожалован чин капитана. Вместе с полком он дошел до Парижа, откуда морем вернулся в Петербург. В послужном списке обращает на себя графа об образовании, запись в которой свидетельствует, что он был одним из самых образованных офицеров своего времени: «По-русски, по-французски и по-немецки читать и писать, временной и долговременной фортификации и артиллерии атаки и арифметики, геометрии, тригонометрии коническим сечениям, алгебры дифференциальной и интегральной исчислениям, истории, географии, физики, статике, ситуации рисованию, фехтованию и верховой езде знает». Об этом см.: Послужной список Лейб-гвардии Преображенского полка господам генералитету, штаб, обер и унтер офицерам // РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7292. Л. 52–54.

вехи жизни К.К. Пирха в основном реконструировались по печатным «Месяцесловам»: прапорщик (1807), подпоручик (1808), поручик (1810), штабс-капитан, кавалер ордена Святой Анны 3-й степени (1813), капитан (1814), кавалер орденов Святого Владимира 4-й степени с бантом и Святой Анны 2-й степени (1815), полковник (1816), награжден медалью «В память Отечественной войны 1812 года» и прусским орденом Железного креста (1817), прусским орденом «За заслуги» (1819), адъютант Великого Князя Михаила Павловича (1820).

В «Месяцесловах» встречается также имя младшего брата – Алфера Карловича Пирха 2-го, который повторял карьеру К.К. Пирха: в 1807 г. выпущен из Первого Кадетского корпуса в Преображенский полк, участвовал в заграничных походах, по окончании которых «переведен во 2-й Кадетский корпус за ранами».

Известно, что женой барона К.К. Пирха в браке состояла побочная дочь последнего фаворита Императрицы Екатерины Великой П.А. Зубова – Софья, унаследовавшая огромное состояние, в том числе средневековый замок Руенталь в Лифляндии. Родство с семейством Зубовых, их обширные связи в Петербурге, безусловно, способствовали успешной карьере младшего брата К.К. Пирха.

Девятого апреля 1820 г. К. К. Пирх пожалован во флигель-адъютанты и назначен командиром Лейб-гвардии Преображенского полка. Комментируя это назначение, один из современников писал: «В Преображенском полку назначили командиром (на место барона Розена) умного и благородного полковника Карла Карловича Пирха» [6]. Эти черты характера нового полкового командира проявились достаточно быстро. Осенью 1820 г., вскоре после восстания в Лейб-гвардии Семеновском полку, начальник Главного штаба А. Х. Бенкендорф приказал ему представить список офицеров полка, за поведением которых необходимо установить наблюдение. Командир полка К. К. Пирх отказался сделать это, хотя и признавал, что в полку имеется несколько офицеров «образ мыслей которых он не одобряет» [7]. Вскоре после этого разговора он подал А.Х. Бенкендорфу рапорт, в котором письменно отказывался выполнить это распоряжение, причем содержание рапорта стало известным в обществе и вызвало нежелательный для гвардейского командования резонанс. Главный начальник Третьего отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии А.Х. Бенкендорф и командующий войсками гвардии князь И.В. Васильчиков устроили строптивому полковому командиру разнос, но общественное мнение было на его стороне [8]. Вскоре Император захотел узнать, какие разговоры ведутся в Преображенском полку о восстании семеновцев. В своем рапорте князь И.В. Васильчиков признавался: «Пирхом довольны;

но, по несчастью, Великого Князя не любят» [9]. Родной брат Императора, Великий Князь Михаил Павлович командовал Первой бригадой Первой Гвардейской дивизии, являлся непосредственным начальником К.К. Пирха.

Летом 1821 г. весь состав Гвардейского корпуса Император отправил в поход к западной границе. В сентябре в Бешенковичах прошел военный смотр. Император на смотре довольствовался гвардией, и это примирило его с ней после восстания семеновцев. Вероятно, тогда же К.К. Пирха произвели в генерал-майоры. Однако пребывание Гвардии в Литве затянулось более чем на полгода. В начале 1822 г. Пирх скоропостижно скончался в Видзах. На памятнике, установленном на его могиле в саду Инвалидного дома Троице-Сергиевой пустыни, фамильной усыпальнице Зубовых, была помещена следующая надпись: «Здесь погребено тело покойного генерал-майора, Лейб-гвардии Преображенского полка командира Карла Карловича Пирха, род<ился> 11 марта 1788 г<ода>, ум<ер> 9 января 1822 г<ода> в городе Видзах» [10].

В альбоме миниатюрных портретов из собрания Государственного Эрмитажа воспроизведен портрет неизвестного полковника Лейб-гвардии Преображенского полка [11]. Этот офицер имеет такие же награды – орден Святой Анны 2-й степени, Святого Владимира 4-й степени с бантом, медаль «В память Отечественной войны 1812 года», Кульмский крест и прусский орден «За заслуги» – какие украшали грудь К.К. Пирха. Однако утверждать категорично, что это его портрет – пока рано, поскольку еще один офицер-преображенец, полковник А.С. Стремоухов имел такие же награды. Правда, в отличие от К.К. Пирха, он имел еще и золотую шпагу с надписью «За храбрость», но портрет погрудный, что не позволяет судить о наличии этой награды.

Кульмское сражение

Выбор темы для интервью был далеко неслучаен, в нем идет речь об одном из самых известных сражений 1813 г., в котором определилась судьба всей кампании. Именно под Кульмом удалось переломить ход военных действий, так неудачно начавшихся для союзников. Потерпев поражение в сражении при Дрездене 14–15 августа 1813 г., союзная армия в полном расстройстве отступала в Богемию по единственной горной дороге. Наполеон направил тридцатипяти тысячный корпус Вандама с целью перерезать путь союзников у Теплица, в результате чего союзная армия оказалась бы запертой с двух сторон в горном ущелье. Препградить путь Вандаму послали Первую Гвардейскую дивизию, командование которой было поручено генералу А.И. Остерману-Толстому. Только благодаря стойкости этой дивизии вся союзная армия, при которой находились русский, австрийский и прусский монархи, избежала гибели и плена.

Наиболее ожесточенный бой произошел 17 августа 1813 г., вся его тяжесть легла на Первую Гвардейскую пехотную дивизию, самую элитную часть русской гвардейской пехоты – Лейб-гвардии Преображенский, Семеновский и Егерский полки. Понимая, что дело идет о спасении армии и Императора, все гвардейцы рвались в бой, раненые возвращались в строй, нестрельные просились в застрельщики. Вандам бросал колонну за колонной на русские войска, но все атаки французов были отбиты. В этом сражении был убит или ранен каждый второй русский воин. Один только Преображенский полк потерял 700 человек.

Восемнадцатого августа 1813 г. к месту сражения подошли главные силы союзников и командование войсками принял на себя М.Б. Барклай де Толли. Противостоять подавляющему превосходству в силах Вандам уже не мог – 12 тыс. французских солдат во главе с самим командующим и всей артиллерией сдались в плен.

Кульмское сражение стало одной из самых славных страниц в истории русской гвардии. Солдаты и офицеры проявили подлинный героизм, закончилось сражение пленением французского корпуса. Кроме этого, оно стало первым выигранным сражением Императора Александра Первого, поскольку он лично наблюдал за ходом боевых действий с господствующей высоты. По свидетельству современников, Кульмское сражение до конца жизни оставалось его любимым воспоминанием о заграничных походах. Эта победа воодушевила союзную армию, заставила Наполеона отступить к Лейпцигу, где он потерпел сокрушительное поражение в «Битве народов».

Командовавший русскими войсками в начале сражения граф А.И. Остерман-Толстой был награжден орденом Святого Георгия 2-й степени. После его ранения команду принял генерал А.П. Ермолов, получивший орден Святого Александра Невского. Впоследствии вокруг этих наград начались разнообразные толки: почитатели генерала А.П. Ермолова сочли его обойденным. Чтобы примирить двух героев, император Николай Первый в 1835 г., при открытии Кульмского монумента, пожаловал обоим орденом Святого Андрея Первозванного.

Преображенскому и Семеновскому полкам наградой за отличие в Кульмском сражении стали Георгиевские знамена с надписью «За оказанные подвиги в сражении 18 августа 1813 года при Кульме», Измайловскому и Егерскому полкам – Георгиевские трубы.

Офицер Лейб-гвардии Преображенского полка П.С. Деменков, раненый в этом сражении, писал в своих мемуарах: «Не забуду никогда той минуты, когда, лежа в Праге для излечения тяжелой раны, полученной мною под Кульмом, нуждался крайне в деньгах, и как неожиданно мы все

раненые нашего полка по приказанию Его Величества получили по 100 червонцев, которые и послужили мне к более скорому излечению» [12]. Всем солдатам, участвовавшим в сражении, Александр Первый пожаловал по два рубля.

Австрийский император Франц Первый награбил наиболее отличившихся русских гвардейцев медалями: золотыми – офицеров и серебряными – солдат; а графу А.И. Остерману-Толстому пожаловал командорский крест ордена Марии Терезии.

Прусский король Фридрих Вильгельм Третий награбил многих русских офицеров орденами, 120 золотых и серебряных медалей было пожаловано нижним чинам. Кроме этого он награбил всех русских гвардейцев, участвовавших в сражении, знаком отличия ордена Железного Креста, который впоследствии стали называть Кульмским крестом [13]. Это награда стала общей для солдат и офицеров, не делившейся на степени, ее носили на левой стороне груди, где генералы носили орденские звезды. Кульмские кресты раздали награжденным 25 апреля 1816 г. на параде войск Гвардии в Петербурге: офицеры получили серебряные кресты, солдаты – из железа. Впоследствии ветераны очень дорожили этой наградой, хотя формально она была приравнена к русским медалям, но для них стала своеобразным опознавательным знаком причастности к героизму Гвардии.

Первый мемуарный рассказ о Кульмском сражении был опубликован в 1816 г. [14]. Спустя два года, на страницах «Военного журнала» появилось составленное К.Ф. Толем «Описание сражений при селе Кульме, происходивших августа 17 и 18 чисел 1813 года между союзными и французскими войсками, и происшествий, предшествовавших оным сражениям» [15]. В 1819 г. ветеран, служивший в Лейб-гвардии Семеновском полку, опубликовал воспоминания об участии его полка в сражении [16]. Во многих мемуарах, посвященных наполеоновской эпохе, можно встретить более или менее подробные рассказы об этом сражении [17]. Последние рассказы ветеранов Кульмского сражения записали в конце 1860-х гг.

Публикуемый в настоящем издании источник представляет несомненный интерес для историков как своей жанровой необычностью, так и подробным освещением действий Лейб-гвардии Преображенского полка.

**Ответы на вопросы (анкета)
генерал-майора К. К. Пирха историку Г. В. Геракову***

*1814-го года. Августа 28-го дня.
в граде св<ятого> Петра.*

Почтенному Наставнику, коего уроки еще в молодые годы воспламенили дух мой великими делами предков наших и возбудили во мне полезную страсть к наукам – ни в чем отказать не могу и не смею.

Пирх старался отвечать по способности на представленные Вами вопросы. Но круг действий его ограничен, а познания слабы.

1.

Вопрос. В каком расстоянии стоял Остерман [19] от Вандама [20] 16-го августа 1813 года и какая погода была? Сияло ли солнце или нет? Местоположение гладко ли или гористо?

Ответ. Вандам еще 14-го августа ввечеру в сумерки вышел из позиции Кенигштейнской с 40000-м корпусом (3 дивизии пехоты Первого французского корпуса, 5000 конницы, 80 орудий). Дивизия генерала Гельфрейхта [21], блокирующая сию крепость, была опрокинута, рассеяна и отчасти захвачена в плен многочисленным неприятелем. Принц Евгений Виртембергский [22], стоящий в Пирне с другою дивизиею Остерманова корпуса, вступил также 14-го ввечеру в весьма неравный кровопролитный бой с неприятелем, был опрокинут и вытеснен из Пирны. Первая Гвардейская дивизия под начальством генерала барона Розена [23], следующая за главною армиею к Дрездену, остановилась 14-го авг<уста> на биваках у деревни Котты, в 5-ти верстах от Кенигштейна, и ночью получила приказание подкреплять корпус Остермана, почему и придвинута к самой Пирне. Все 15-ое число войски стояли под ружьем на пушечный выстрел от неприятеля, занимающего на высотах по ту сторону речки Готлейбе местоположение известного в Семилетнюю войну саксонского лагеря, правым флангом к Пирне, левым к Кенигштейну. Погода была ужасная: дождь проливной, грязь по колена; между тем под Дрезденом, отдаленного от нас в двух добрых немецких милях, неумолкала ужаснейшая канонада.

16-го августа поутру адъютант графа Витгенштейна Преображенского полка поручик (ныне капитан) Новосильцов [24] привез нам извест-

*Название документа приведено публикатором из контекста источника и фактов биографии интервьюера. Документ хранится в отделе рукописей Российской национальной библиотеки (Ф. 859. Карт. 2. № 1. Л. 192–200 об.)

тие, что Моро [25] смертельно ранен и что армия в беспорядке отступает через Дипольдисвальде в Богемию. Он же привез от Главногокомандующего приказание к графу Остерману отступить по дороге через Берх-Гисхюбель к Теплицу, если же сей проход уже занят Вандамом, то через Максен прикнуться к главной армии. Несмотря на донесения, полученные от разъездов генерала Иловайского [26], что неприятель уже показывается около Берх-Гисхюбеле, граф Остерман и находившийся при нем во все время Алексей Петрович Ермолов [27] решились тотчас, не теряя времени двинуться со всеми войсками направо к Берх-Гисхюбелю. Вандам, приметя сие движение, ударил с большою частию своих сил на тыл нашей колонны близ Котты; где гвардейские егеря и часть Семеновского и Измайловского полков вступили в весьма упорный и жаркий бой, опрокидывая неоднократно неприятельские колонны. Между тем Преображенский полк, идущий в голове колонны, пройдя Берх-Гисхюбель, наткнулся на неприятельскую колонну, отрезывающую нам дорогу. Лишь только поседелье в боях гренадеры, увидели французов то, несмотря на ужаснейший огонь, с криком “Ура!” бросились в штыки, опрокинули и, очистив дорогу, прогнали к Кенигштейну. Граф Остерман, прискакав на сей пункт, был сам свидетелем сего подвига и пожаловал 150 червонных гренадерам Второго батальона, выстроившим под начальством Свечина [28] колонну к атаке, в жару неприятельского огня, с таким же хладнокровием, как на учебном месте. Остерман, выхваляя и благодаря офицеров сего полка, уверял: “что никогда еще столь блистательной атаки не видал”. Таким образом дорога к Теплицу была очищена для гвардейских полков, но остатки Второго корпуса, теснимые превосходными неприятельскими силами, большую часть были отрезаны от Берх-Гисхюбеля и рассеяны по горам. Подходя к Хеллендорфу, неприятель снова было покусился отрезать нам дорогу, но был опрокинут тремя ротами Семеновского полка под начальством капитана (ныне полковника) князя Броглио [29]. При наступлении ночи Первая Гвардейская дивизия с остатками Второго корпуса, всего около 9 000 человек, заняли позицию на высотах близ селения Петерсвальда. В сию же ночь Остерман послал Преображенского полка капитана Пирха 1-го с донесением о бывшем сражении в Теплиц к австрийскому императору [30]; препоручив притом сему офицеру рассказать Его Величеству все подробности дела и описать опасное положение всего отряда, преследуемого столь не соразмерно превосходными силами Вандама. Также просить, чтобы Его Величество благоволило приказать графу Мерфельду [31] выступить на подкрепление русской гвардии с многочисленным гарнизоном близлежащей крепости Терезиентат и, наконец, просить о доставлении нескольких подвод для отвозу раненых.

В ответ получено: что Его Величество австрийский император совершенно отказался от всех распоряжений военных, предоставляя все на волю императора российского; что подводы уже все при проходе армии забраны, что впрочем Его Императорское Величество благодарит графа Остермана за его донесение и на рассвете оставит город Теплиц.

Ответ на вторую половину вопроса

Из окрестностей Дрездена ведут две дороги в Богемию. Первая новая, прекрасная, Прагская почтовая дорога идет близ Ельбы на Берх-Гисхюбель и Ноллендорф, где она разделяется: влево – через Ауссиг на Прагу, а вправо – через Кульм в Теплиц. Другая же, старая почтовая дорога, узкая, каменистая и весьма неспособная для обозов и артиллерии, ведет через Дипольдисвальде и Альтенберг также к Теплицу, где обе дороги соединяются. Почему сей пункт и почитается ключом Богемии с сей стороны. Под стенами сего города 150 000-я армия может наивыгоднейшим образом расположиться боевым порядком. Горы, отделяющие Саксонию от Богемии, под именем Ерц-Гебург (Erzgebirg) круты, каменисты, перерезаны глубокими оврагами и покрыты густым лесом; селений и тропинок весьма мало. Местечки Берх-Гисхюбель и Альтенберг у выхода из гор со стороны Саксонии, так как Теплиц со стороны Богемии. Между Кульмом и Теплицом, ближе к первому, находится весьма выгодная позиция для арьергарда: левым флангом к непроходимым утесам, в центре деревня Пристен на большой дороге; правое крыло в небольшой равнине к местечку Карвицу. Перед фронтом овраг. Далее впереди все открыто и подвластно батареям с позиции. В сем то месте, а не в Кульме самом, покрыла себя Гвардейская дивизия генерала барона Розена бессмертною славою 17-го августа 1813 года. По сему бы по справедливости оное дело должно назвать Пристенским. От Котты к Дрездену местоположение прекрасное и довольно открытое. Река Ельба описывает весьма крутой заворот у крепости Кенигштейна, где между двумя высокими скалами, служащие природными тет-де-понами [32], наведены были французами 3 моста, по которым Вандам переправился на левый берег, скрываясь с вечера в лесах у подошвы возвышенного на скале Кенигштейна, откуда сей генерал наилучнейшим образом мог обозреть все наши войски. Если бы Вандаму удалось дойти до Теплица, тогда бы вся наша армия, преследуемая из-под Дрездена самим Наполеоном, была заперта в тесном Циннвальдском проходе и находилась бы в самом отчаянном положении.

2.

Вопрос. Не было ли приказаний словесных или приказов письменных о Кульмском деле от Остермана данных?

Ответ. Все выполнялось по словесным приказаниям графа, но письменных, сколько мне известно, никаких приказов не было.

3.

Вопрос. Какие именно полки и кто генералы были в деле?

Ответ. Первая Гвардейская дивизия составлена из полков Преображенского, Семеновского, Измайловского и Егерского, еще слабый баталион Морского экипажа. Всего под ружьем тогда 6000 человек. В одной дивизионный начальник барон Григорий Владимирович Розен, а под ним генерал-майоры Храповицкий [33], Потемкин [34] и Бистром [35].

Второй корпус графа Остермана состоял из дивизий Евгения и Гельфрейхта, что составляло 14-го августа около 10,000, но к 17-му, из онаго числа едва ли осталось 1500 человек в строю; остальные же, пробиваясь по скалам и утесам, к вечеру 17-го составили, собравшись у Теплица, еще несколько баталионов.

Артиллерия состояла:

из Второго корпуса роты <u>Байкова</u> [36]	12 орудий	Всего 32 орудия 6-ти фунтовых
Гвардейской роты <u>Ладыгина</u> [37]	12 орудий	
Морских орудий	2 орудия	
Полроты конной <u>Бистрома</u> [38]	6 орудий	

Конница состояла из Кирасирского Ея Величества, Лейб-Гусарского, 2-х эскадронов Лубенских гусар, Татарского уланского и нескольких сотен казаков; в ней генералы: принц Кобургской [39], Кнорринг [40] и Иловайский. В полдень 17-го подоспели все кирасиры и гвардейская легкая кавалерия. Поутру же 17-го было всего до 1 500 человек, так что весь отряд Остермана состоял из 9 000.

4.

Вопрос. Что говорил 17 числа Остерман к подчиненным и что они отвечали?

Ответ. Остерману некогда было много разговаривать с подчиненными: Вандам его слишком теснил; впрочем пример сего бесстрашного вождя, воспламенял дух подчиненных, лучше всех слов.

5.

Вопрос. Кто развозил приказы во время боя и кто именно начал бой?

Ответ. Приказы развозили наряженные для сего с каждого полка на ординарцы к графу офицеры. С Преображенского полка подпоручи-

ки Шипов 2-ой [41] и Березников [42]; остальных не знаю. Много помогал Остерману адъютант Ермолова Измайловского полка капитан (ныне от армии полковник) Фон Визин [43]; он собирал и расставлял армейских стрелков; он же выбрал славную позицию под Пристеном.

Кто начал бой 16-го, о том уже сказано, 17-го же остатки Второго корпуса, составляя арьергард под начальством принца Евгения, первые были в огне. Пройдя Кульм, под Пристеном все полки гвардии вступили тотчас в бой, которой свирепствовал по всей линии до самого вечера. Конница выстроилась в равнине у Карвица и только фланкировала; выключая гвардейских улан и драгун, которые под начальством генерала Чаликова [44] смяли и изрубили три неприятельские колонны на левом нашем фланге. В жару боя все почти полки смешались, составляя одну густую цепь; во всю войну столько не было работы штыкам, как 17-го августа. Деревня Пристен была совершенно выжжена и усеяна трупами. Артиллерия наша отлично действовала, даже под пулями, несмотря на то, что у неприятеля орудия были батарейные и осыпали наших картечью. Словом все от генерала до солдата чувствовали, что надлежало здесь победить или умереть. Уже современники называют Кульм Термопилами [45], что же скажет потомство? Греки были слабее нас, они славно легли, мы же устояли и победили.

6.

Вопрос. Сколько часов дрался Остерман до лишения руки и кто принял команду?

Ответ. Остерман лишился руки в 4-ом часу пополудни. Прибывший с кирасирами генерал-лейтенант князь Голицын [46] великодушно отказался от права старшинства, представляя честь и опасность командования храброму сподвижнику Остермана – Ермолову.

7.

Вопрос. Что сказал Остерман по лишении руки и сохранил ли чувство?

Ответ. Остерман в минуту перед лишением руки посылал подпоручика Шипова 2-го с приказанием к Кноррингу, дабы отрядить один эскадрон Татарских улан для разъездов по дороге к Ауссигу; ядро прервало его речь. Рука раздроблена. Спустя секунду, Герой спокойно продолжает: «Поезжайте, выполните приказание». Генерал-майор Розен, узнав о сем нещастии, прискакал тотчас к графу и приказал гренадерам своего полку снять его с лошади и положить на солдатской плац. Остерман, увидя сего генерала, с тем же хладнокровием сказал: «Вот как я заплатил за честь командовать гвардиею! Я доволен!». Гренадеры со слезами вынесли неустрашимого своего вождя с поля сражения.

8.

Вопрос. Кто именно из штаб- и обер-офицеров показали свою неутомимую храбрость?

Ответ. Сражение было слишком отличное, а потому и отличившихся особенно никого нет. Легкораненые офицеры возвращались после перевязки к своим полкам. Гренадеры, выстрелившие все патроны, наполняли снова сумы, собирая от пленных и убитых, и без приказа возвращались в бой. Ни одного мародера не было. Все находились на своих местах.

9.

Вопрос. Кто именно убиты или в скорости от ран умерли?

Ответ. В Преображенском полку ранено много офицеров, но убитых только штабс-капитан Потудов [47], поручик Барклай де Толли [48] и прапорщик Ушаков 2 [49]. В тех полках потеря мне не известна.

10.

Вопрос. Когда подоспел Барклай [50]?

Ответ. В 8-ом часу вечера, когда уже все усилия Вандама были отбиты.

11.

Вопрос. Сколько пушек и сколько в плен взято?

Ответ. В Остермановском деле 16-го и 17-го августа мы прославились тем, что своих людей и пушек сберегли. Вандам же с корпусом и артиллериею свою взял 18-го под Кульмом, когда подошло до 60 000 свежего войска. В сей день командовал Барклай и гвардия вовсе не была в деле.

12.

Вопрос. Кого я должен из подчиненных Остермана более приблизить к Остерману?

Ответ. Без сомнения Ермолова и Розена: они более всех споспешествовали к блестящему успеху сего дня, как советами своими, так и отличным мужеством, известным в армии еще и по прежним кампаниям.

13.

Вопрос. От чего гвардия осталась одна и должна была поставить грудь свою многочисленности?

Ответ. Сие явствует из предыдущих ответов.

Примечание. Касательно погоды, она разгулялась 17-го и 18-го августа, и солнце воссияло в день победный.

14.

Вопрос. Где находился император наш и что Его Величество произнес к вам после Кульмского боя, и что сказали австрийский император и прусский король [51]?

Ответ. Государь наш находился 16-го в Альтенберге, 17-го ввечеру прибыл Дукс, что за Теплицом, а 18-го, прибыв к нам, назвал нас молодцами и поздравил с Георгиевскими знаменами. Австрийский император обещал соорудить нам памятник на Кульмских полях, а прусский король, выхваляя до небес, поставил нас в пример всей своей армии.

Список господам генералам, штаб- и обер-офицерам Лейб-гвардии Преображенского полка, бывших в сражении под Кульмом

Полковой командир генерал-майор барон Розен (Григорий Владимирович, произведен за отличие в генерал-лейтенанты).

Полковники:

1. Полуэктов, командир Третьего баталиона
2. Свечин, командир Второго баталиона
3. Юшков, командир Первого баталиона
4. Тухолка
5. Карцов*

Капитаны:

1. Шкурин
2. Потулов 3-й (взят в плен)
3. Титов 1-й
4. Титов 2-ой (ранен)
5. Девитте 1-й (ранен)

Штабс-капитаны:

1. граф Гудович
2. Блюм (казначей при генерал-майоре Розене)
3. Крафтстрем
4. барон Пирх 1-й
5. Стремоухов (полковой адъютант)
6. Кишинской
7. Потемкин (адъютант генерал-майора Розена)
8. Исленьев
9. Потулов 5-й (умер от ран)
10. Шипов 1-й

*Все произведены в генерал-майоры. – Прим. в документе.

Порутчики:

1. князь Голицын 2-ой
2. Деменков (ранен)
3. Ушаков 1-й
4. Корсаков
5. Симонов
6. Катенин
7. Карабьин 3-й (ранен)
8. Барклай де Толли (убит)

Подпорутчики:

1. Шитов 2-ой (находился при Остермане)
2. Микулин
3. Прянишников (находился при Остермане)
4. Скуратов
5. Титов 4-ой (ранен)
6. Дебиль
7. Девитте 2-ой

Прапорщики:

1. князь Голицын 4-й
2. Березников (находился при Остермане)
3. Ушаков 2-ой (убит)
4. Тулубеев 1-ой
5. Какошкин
6. Грессер
7. князь Голицын 5-й
8. Загряжский
9. князь Голицын 6-й
10. Тютчев 1-ой
11. Тютчев 2-й*
12. Крюднер
13. Левашов
14. Фон-Вольский

Подпрапорщики:

1. граф Толстов 3-й
2. Жемчужников.

* Оба ранены. – Прим. в документе.

Некоторые подробности о Берх-Гисхюбельском деле 16 августа 1813 года

Остерман, решившись идти на Теплиц, войски двинулись следующим порядком:

Измайловский полк и 3-й баталион Семеновский оставлены были на подкрепление егерям, вступившим в дело между Пирною и Коттою.

Подходя к Берх-Гисхюбелю, казаuchy разезды генерал-майора Иловайского донесли, что неприятельская пехота показывается около упомянутого местечка. Командующий Первою Гвардейскою дивизиею генерал-майор барон Розен тотчас отрядил капитана Титова 2-го [52], со стрелками Второго и Третьего баталионов Преображенского полка, в кусты по левую сторону большой дороги, чтобы таким образом обеспечить движение колонн, с сей стороны угрожаемых. Стрелков же Первого баталиона, под командою штабс-капитана барона Пирха 1-го, послал вперед, прямо по дороге, находясь сам лично при сем передовом отряде.

Войдя в Гисхюбель (городок в одну улицу, между двумя утесами и тут же переправа чрез ручей Готлейбе по узкому каменному мосту). Бежущие назад раненые гвардейские егеря уверяли, что неприятель уже в местечке. Перейдя ручей, стрелки Первого баталиона были встречены из кустов с левой стороны сильным ружейным огнем и, свернув влево с дороги, вытянули тотчас цепь, вступя в жаркую перестрелку с неприятелем, засевишим за кустами в глубоком рву, откуда, будучи прикрыт и даже вовсе невидим, бил в нас прицельными выстрелами. Капитан же Титов, тянувшийся с неприятельской стороны, в параллель дороги, опередил колонны наши, обойдя Гисхюбель по проселку чрез деревню Дюргоф, не быв атакованным от неприятеля. Вероятно, что сей последний пропустил его с тем, чтобы ударить во фланг и в тыл наш для вернейшего поражения; однако, пройдя сажен 200 вперед от Гисхюбеля и увидя неприятельских стрелков влево в лесу, и он (Титов) вступил с оными в перестрелку, при чем и ранен.

Розен видя, что пули ударяли прямо в ряды идущего в голове колонны Первого баталиона Преображенского, своротил оный вправо с дороги, дабы выйдя из-под выстрелов, занять близлежащую высоту. По тесноте места и при жарком неприятельском огне сие движение не могло совершиться без некоторого замешательства. Остерман, прискакавший на сей пункт, и, видя, что оставляют дорогу, почел было сие за робость, но, узнав о намерении Розена, успокоился, предоставляя сему генералу полную власть поступать по произволению (Делай что хочешь! – были слова графа).

Следующие за Первым баталионом Второй и Третий баталионы пристроились к оному на упомянутой высоте, в дивизионных колоннах справа, на подувзводных дистанциях.

Между перестреливающимися стрелками Пирха и Титова оставался большой промежуток, в который ворвалась была неприятельская колонна, в ту минуту как Розен выстраивал Второй баталион. Приметив оное, генерал сей приказал немедленно полковнику Свечину спуститься со Вторым баталионом с высоты и ударить в штыки, что и выполнено с примерным хладнокровием и блистательнейшим успехом. Цепи стрелков в то же время с обеих сторон, закричав “Ура!”, бросились на неприятеля, который, будучи совершенно опрокинут, побежал по направлению к Кенигштейну. Граф Остерман, восхищенный сею атакою, бросил 150 червонных гренадерам Второго баталиона.

Два орудия роты Байкова были поставлены Розеном в позицию на высоте между Первым и Третьим баталионами. Вся же остальная артиллерия потянулась, под прикрытием оной высоты, полем, прямо на большую дорогу, которая описывает здесь приметный круг. Для прикрытия со стороны лесу, отправлен штабс-капитан Крафтстрем с одним взводом командуемой им Первой фузилерной роты. Двум же баталионам Семеновского полка, идущим за артиллерией, приказано Остерманом, опередив оную, прямо по полям пробираться к Хеллендорфу и занять сей проход.

Полковник Свечин, прогнав неприятеля с большой дороги в лес, остановил баталион, выслав вперед в стрелки охотников под командою штабс-капитана Шипова 1-го [53], которые, рассыпавшись, заняли весь промежуток между стрелками Пирха и Титова. Последний из сих двух, будучи ранен, все стрелки поступили в командование штабс-капитана Пирха 1-го; к коим присоединились еще две роты егерей баталиона Ея Императорского Высочества великой княгини Екатерины Павловны [54].

На горе близ деревни Дюргоф, на противном берегу речки, стояли два орудия, осыпавшие стрелков наших картечью; оные однакож поспешно свезены. Уверяют, будто бы пушки сии были Иловайского; весьма неловко действовавшие по своим собственным войскам.

Неприятель неоднократно старался остановиться, усиливая огонь в цепи; раза два доходило до рукопашного боя. Штабс-капитан Пирх, упав с лошадей, простреленной несколькими пулями, был окружен неприятельскими солдатами и с трудом пробился. Подпоручик Титов 4-ой [55] долго боролся с французским гренадером, вырвавшим у него шпагу, наконец офицер сей повалил своего соперника на землю и его же штыком приколол его. Кроме капитана Титова 2-го, ранены в стрелках: поручик Деменков [56]

и прапорицк Тютчев 1-й [57]. Прапорицк Ушаков 2-й убит. Во время же атаки Второго пехотного батальона ранены: капитан Девитте 1-ой [58] и порутчик Карабын 2-ой [59]. Командующий полком полковник Полуэктов [60] (Розен командовал всею дивизиею) находился при Втором батальоне. Нижних чинов потеряно ранеными и убитыми около 100 человек.

Преследуя, таким образом, неприятеля, при непрерывном ружейном огне, стрелки наши, наконец, дошли до ручейка верстах в трех от большой дороги; где штабс-капитан Пирх 1-ой приказал ударить “отбой!”, дабы собрать несколько своих людей. По ту сторону ручья, на открытой площадке, видна была густая неприятельская колонна и эскадрона два улан. Усилив снова свои цепи, поддерживаемые конными фланкерами, неприятель с барабанным боем двинулся на нас вперед и принудил к отступлению, которое, однако, предпринято со всевозможным порядком, без суетливости и, отстреливаясь; часто, когда натиск неприятельской усиливался, останавливали его на несколько минут одним криком “Ура!”.

Не получая никакого подкрепления, Преображенские стрелки малопомалу должны были оставить весь лес, выходя снова на большую дорогу, где сменены несколькими ротами егерей под начальством полковника Петина [61].

Барон Пирх 1-ой, собрав свой отряд, по полученному приказанию, прикнел к полку в Петерсвальде при наступлении ночи.

Офицер сей, тотчас после своего прибытия в Петерсвальде, отправлен был графом Остерманом с депешами к австрийскому императору в Теплиц, получив при том препоручение словесно рассказать Его Величеству все подробности бывшего сражения и представить опасное положение корпуса, имевшего под ружьем не более 9000 и теснимого 40 000-ми неприятелями.

Литература и источники

1. Булгарин Ф. Воспоминания. М., 2001. С. 117.
2. Русский Архив. 1866. С. 116.
3. Русский Архив. 1911. Кн. 3. № 9. С. 117–128.
4. Воспоминания Сергея Павловича Шипова // Русский Архив. 1878. Кн. 2. С. 149.
5. Греч Н. И. Записки о моей жизни. М., 1990. С. 230.
6. Русский Архив. 1875. Кн. 2. С. 51.
7. Русская Старина. 1871. Т. 4. С. 651.
8. Русский Архив. 1875. Кн. 2. С. 129.
9. Русская Старина. 1885. Т. 47. С. 176.
10. Портретная миниатюра в России XVIII – начала XX века из собрания Государственного Эрмитажа. Л., 1986. С. 175.
11. Русский Архив. 1911. Кн. 3. № 9. С. 124.

12. Баргашевич В. В. В борении с Наполеоном. Киев, 2001. С. 128–129.
13. Отрывок из Истории предпоследней войны // Исторический, статистический и географический журнал. М., 1816. Ч. 1. Кн. 1. С. 151–154.
14. Военный журнал. 1818. Кн. 1. С. 19–32.
15. Спиридов И. М. Лейб-гвардии Измайловский полк в сражениях при Пирне и Кульме 16 и 17 августа 1813 года // Северный архив. 1825. № 18. С. 142–172.
16. Из записок покойного генерал-майора Н. П. Ковальского // Русский Вестник. 1871. Т. 91. № 1. С. 78–118.
17. Колзаков П. А. Взятие в плен маршала Вандама 18 августа 1813 года // Русская Старина. 1870. № 2. С. 137–144.
18. Указанный период считался одним из последних, поскольку участникам событий эпохи 1812 г. подходил солидный возраст, в среднем им было уже по семьдесят лет. По мнению А.Г. Тартаковского, 1860-е гг. дали источниковедению истории Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов русской армии в Европу значительный перечень письменных мемуаров и воспоминаний.
19. Остерман-Толстой Александр Иванович (1771–1857) – граф, генерал-лейтенант, командующий Гвардейским корпусом, назначен 14 августа 1813 г., во время Кульмского сражения ядро ему оторвало левую руку, награжден орденом Святого Георгия 2-й степени, впоследствии присвоено воинское звание генерал от инфантерии.
20. Вандам Доминик Рене (1771–1830), граф, дивизионный генерал.
21. Гельфрейт Богдан Борисович (1774–1843) – генерал-майор, командир 4-й пехотной дивизии, за отличие в сражении при Лейпциге произведен в генерал-лейтенанты.
22. Евгений, принц Вюртембергский (1788–1857) – генерал-лейтенант, командир Второго пехотного корпуса, в 1814 г. произведен в генералы от инфантерии.
23. Розен Григорий Владимирович (1782–1841) – барон, генерал-майор, за отличие в сражении при Кульме произведен в генерал-лейтенанты.
24. Новосильцов Иван Петрович (? –?) – поручик Лейб-гвардии Преображенского полка.
25. Моро Жан Виктор (1763–1813) – французский генерал, в 1813 г. перешел на русскую службу, смертельно ранен в сражении при Дрездене.
26. Иловайский Василий Дмитриевич (1785 – ?) – генерал-майор, после Кульмского сражения казаки Иловайского пленили французского генерала Вандама и его штаб.
27. Ермолов Алексей Петрович (1772–1861) – генерал-лейтенант, впоследствии генерал от артиллерии, член Государственного Совета.
28. Свечин Никанор Михайлович (1772–1849) – полковник, за отличие в сражении при Кульме произведен в генерал-майоры и награжден орденом Святого Георгия 4-й степени.
29. Броглио-Ревель Альфонс Гавриил Октав – князь, капитан Лейб-гвардии Семеновского полка, впоследствии полковник.
30. Франц Первый (1768–1865) – австрийский император.
31. Мерфельд Максимилиан (1761–1815) – граф, австрийский генерал от кавалерии.

32. Tête de pont – предмостное укрепление (франц.).
33. Храповицкий Матвей Евграфович (1784–1847) – генерал-майор, командир Лейб-гвардии Измайловского полка, в Кульмском сражении тяжело ранен в левую ногу; впоследствии генерал от инфантерии, член Государственного Совета.
34. Потемкин Яков Алексеевич (1781–1831) – генерал-майор, командир Лейб-гвардии Семеновского полка; отличился в Кульмском сражении, награжден орденом Святого Георгия 3-й степени.
35. Бистром Карл Иванович (1770–1838) – генерал-майор, командир Лейб-гвардии Егерского полка.
36. Байков – офицер, командир артиллерийской роты.
37. Ладыгин Николай Иванович – штабс-капитан Первой легкой роты Лейб-гвардии Артиллерийской бригады.
38. Бистром Филипп Антонович – штабс-капитан Первой конно-легкой батареи Лейб-гвардии Конной артиллерии.
39. Леопольд, принц Саксен-Кобургский (1790–1865) – генерал-майор на русской службе, командир Лейб-гвардии Кирасирского полка; отличился в Кульмском сражении, награжден орденом Святого Георгия 4-й степени; впоследствии король Бельгии.
40. Кнорринг Карл Богданович (1775–1817) – генерал-майор, шеф Татарского уланского полка.
41. Шипов 2-й Иван Павлович (1793–1845) – подпоручик Лейб-гвардии Преображенского полка, впоследствии генерал-майор.
42. Березников Павел Алексеевич (? – ?) – подпоручик Лейб-гвардии Преображенского полка.
43. Фонвизин Михаил Александрович (1787–1854) – капитан Лейб-гвардии Измайловского полка, впоследствии генерал-майор, декабрист.
44. Чаликов Антон Степанович (1754 – 1821) – генерал-майор.
45. Фермопилы – горный проход, соединяющий северные и южные районы Греции, который в 840 году до новой эры героически обороняли от персидской армии 300 спартанцев, погибших в неравном бою.
46. Голицын Дмитрий Владимирович (1771–1844) – князь, генерал-лейтенант, в 1814 г. произведен в генералы от кавалерии.
47. Потулов Николай Александрович (? – 1813) – штабс-капитан Лейб-гвардии Преображенского полка.
48. Барклай де Толли Эдуард Васильевич (? – 1813) – поручик Лейб-гвардии Преображенского полка.
49. Ушаков Андрей Андреевич (? – 1813) – прапорщик Лейб-гвардии Преображенского полка.
50. Барклай де Толли Михаил Богданович (1761–1818) – генерал от инфантерии, Главнокомандующий русско-прусскими войсками, за Кульмское сражение награжден орденом Святого Георгия 1-й степени; впоследствии князь, генерал-фельдмаршал.
51. Фридрих Вильгельм Третий (1770–1840) – прусский король.

52. Титов 2-й Николай Михайлович (? – ?) – капитан Лейб-гвардии Преображенского полка.

53. Шипов 1-й Сергей Павлович (1789–1876) – штабс-капитан Лейб-гвардии Преображенского полка, впоследствии генерал от инфантерии; автор мемуаров, в которых описал службу в Лейб-гвардии Преображенском полку.

54. Екатерина Павловна (1786–1819) – Великая Княгиня, сестра Императора Александра Первого; в начале Отечественной войны 1812 г. на ее средства был сформирован отдельный стрелковый батальон.

55. Титов 4-й Иван Александрович (? – ?) – подпоручик Лейб-гвардии Преображенского полка.

56. Деменков Пармен Семенович (1791 – ?) – поручик Лейб-гвардии Преображенского полка; мемуарист.

57. Тютчев 1-й Афанасий Петрович (? – ?) – прапорщик Лейб-гвардии Преображенского полка.

58. Девитте Александр Яковлевич (? – ?) – капитан Лейб-гвардии Преображенского полка.

59. Коробин Иван Павлович (? – ?) – поручик Лейб-гвардии Преображенского полка.

60. Полуэктов Борис Владимирович (1778–1843) – полковник, за отличие в сражении при Кульме произведен в генерал-майоры, награжден орденом Святого Георгия 4-й степени и прусским орденом Красного Орла 2-й степени.

61. Петин Иван Александрович (1788–1813) – полковник, убит в сражении под Лейпцигом.

А.И. Сапожников*

**ВОЕННО-ЦЕНЗУРНЫЕ БАТАЛИИ
ВETERАНОВ ДВЕНАДЦАТОГО ГОДА
(об одной полемике А.И. Михайловского-Данилевского
с В.С. Норовым)**

Следовавшие за победой русского оружия в Отечественной войне 1812 г. времена, увенчанные революционными событиями в Европе 20–30-х гг. XIX в., заставили идеологов российского самодержавия задуматься о необходимости возрождения «духа единения сословий перед престолом», который, по их мнению, наиболее ярко проявился в годы борьбы с Наполеоном. С этой целью в 1830-е гг. был проведен целый ряд военно-пропагандистских кампаний – открытие Александровской колонны на Дворцовой площади в 1834 г., открытие Нарвских триумфальных ворот в 1834 г., сбор русской и прусской армий в Калише в 1835 г., Вознесенский кавалерийский сбор в 1837 г., открытие памятников М.И. Кутузову и М.Б. Барклаю де Толли на площади перед Казанским собором в 1837 г., Бородинские торжества 1839 г. и др. Все эти мероприятия, проводимые с необычайной торжественностью, должны были напомнить о временах величия России, когда она была вершительницей судеб в Европе. Прежде всего, имелись в виду события 1812–1814 гг., увенчавшиеся вступлением русской армии в Париж.

Ветераны вспоминают о днях минувших, своей причастности к известным событиям независимо от идеологической или политической конъюнктуры. Человеку присуще желание оставить свое имя в истории, и, как правило, мемуары пишутся именно с этой целью. Первые воспоминания о нашествии Наполеона на Россию стали создаваться уже в 1812 г., последние были написаны в 1880-е гг.

В середине 1830-х гг. ветераны узнали волнующую новость о том, что в Петербурге назначен официальный военный историограф, генерал-лейтенант А.И. Михайловский-Данилевский, которому Императором поручено описание кампаний 1812–1814 гг. Теперь от его воли зависело, чьи имена будут запечатлены на скрижалях Истории. Вскоре многие из них получили от историка письма с просьбой предоставить для работы сохранившиеся документы или воспоминания, относящиеся к эпохе 1812 г., что стало побудительным толчком к мемуаротворчеству. По мере того, как сочинения А. И. Михайловского-Данилевского выходили в свет, одни вете-

* Сапожников Александр Иванович (Санкт-Петербург) – заведующий отделом газет Российской Национальной библиотеки, кандидат исторических наук.

раны увидели в них ошибки, другие посчитали себя обойденными вниманием, и это также побудило их взяться за перо.

Однако многие из этих мемуаров не были опубликованы после их создания, часть из них остается в рукописи до сих пор. Произошло это по различным причинам, в том числе – из-за цензурных преград.

Военный цензор А.И. Михайловский-Данилевский

После смерти Н.М. Карамзина пост официального российского историографа оставался незанятым. На это место претендовали многие, в том числе и великий Пушкин. Но преемником Н.М. Карамзина, и только отчасти, стал А.И. Михайловский-Данилевский. Ему предстояло заниматься историописанием исключительно в области военной истории. При этом его еще и не освободили от службы... Новый Император не любил не служащих. Специально для А.И. Михайловского-Данилевского вводилась небрежнительная должность председателя Военно-Цензурного комитета.

Историк А.И. Михайловский-Данилевский, как никто другой из его современников, приложил много усилий для пробуждения мемуаротворчества среди ветеранов Двенадцатого года и сбора этих произведений. Он видел в них ценный исторический источник, обильно использовал в своих исторических трудах, зачастую дословно цитируя. В его черновиках сохранилась следующая запись: «Я хотел быть менее красноречивым историком, нежели достоверным повествователем. Для этого я везде, где мог, приводил собственные слова действующих лиц». В ответ на обращения к ветеранам с просьбой прислать свои мемуары он получил не менее пятнадцати рукописей, написанных прежде назначения на пост историографа. Еще около пятидесяти мемуарных текстов были написаны непосредственно в ответ на его запросы [1].

Однако совмещение в одном лице двух должностей – военного цензора и официального историографа – изначально заключало в себе противоречие. Отныне А.И. Михайловский-Данилевский, будучи сам плодовитым автором, должен был контролировать творчество своих коллег – военных историков и мемуаристов, в большинстве своем – ветеранов наполеоновских войн. Он с рвением принялся за дело и быстро заслужил репутацию придирчивого цензора. Вот что писал о нем один из его подчиненных, производитель дел Военно-Цензурного комитета А.А. Харитонов: «Нельзя сказать, чтобы генерал-историк представлял собою симпатичную личность: льстивый угодник перед начальством, он держал себя гордо перед подчиненными... Строг он был и к авторам статей и книг, поступавших на его просмотр. Хорошо еще, что его цензорскую ретивость сдерживали члены комитета: Веймарн, Философов, Траскин и какой-то моряк (фами-

лии не помню) – все флигель-адъютанты» [2]. Многие авторы, в том числе и ветераны, не избежали малоприятного для них общения (очного и заочного) с военной цензурой: Ф.Н. Глинка, Д.В. Давыдов, Р.М. Зотов, князь Н.Б. Голицын, В.С. Норов и др.

Мемуарист В.С. Норов

Василий Сергеевич Норов (1793–1853) получил образование в Пажеском корпусе. Согласно семейному преданию, во время дежурств во дворце в качестве пажа он был товарищем детских игр Великого Князя Николая Павловича. Однажды их игра в оловянных солдатиков закончилась ссорой, сыгравшей впоследствии роковую роль в судьбе В.С. Норова.

В 1812–1813 гг. служил офицером Лейб-гвардии Егерского полка, награжден тремя орденами за участие в сражениях, тяжело ранен под Кульмом. Василий Сергеевич пользовался расположением всецельного графа А.А. Аракчеева, о чем свидетельствует опубликованная недавно их переписка [3]. Казалось бы, все предвещало успешную карьеру бравого гвардейского офицера, но его преследовал злой рок в лице будущего императора.

В конце февраля 1822 г. командир 1-й Гвардейской дивизии Великий Князь Николай Павлович осмотрел в Вильне две роты Лейб-гвардии Егерского полка и остался недоволен ими. После смотра он устроил разнос батальонному и ротным командирам, угрожая лишить их команды. Одним из ротных командиров служил капитан В. С. Норов. Уязвленный столь грубым обращением, он спустя день подал прошение о переводе в армию, с вызывающей оговоркой – «хотя и капитаном», несмотря на то, что при переводе мог рассчитывать на следующий чин. Его поддержали многие офицеры, некоторые из них также подали прошения о переводе в армейские полки. Эта история имела большой общественный резонанс, у современников она получила название «виленской» или «норовской». Император круто расправился с дерзкими гвардейскими офицерами. Капитана В.С. Норова после содержания в течение шести месяцев на гауптвахте перевели на службу в 18-й Егерский полк. Еще пять офицеров полка – от полковника до прапорщика – также были переведены в армейские полки [4]. Некоторые из современников считали, что великий князь все же был вынужден извиниться перед В.С. Норовым.

В октябре 1823 г. Император Всемиловейше простил В.С. Норова, его произвели в подполковники, но вскоре он вышел в отставку – служить больше ему явно не хотелось. Однако его злоключения не закончились – имя отставного подполковника всплыло во время допросов декабристов. Несмотря на то, что он давно отошел от тайного общества и в момент восстания находился в Москве, он был арестован и осужден по второму раз-

ряду как один из самых опасных заговорщиков. Его приговорили к пятнадцати годам каторжных работ (затем срок сократили до десяти лет). Многие современники вновь увидели в этом необычайно строгом приговоре злую волю Императора Николая Первого.

**«Записки о походах 1812 и 1813 годов,
от Тарутинского сражения до Кульмского боя» (СПБ., 1834)**

В 1812–1813 гг. В.С. Норов вел на французском языке «Журнал военных действий» Гвардейской бригады, в которой служил. Во время Рейхенбахского перемирия он привел свои записки в порядок, окончательно завершив их уже по возвращении в Россию в 1815 г. В 1821 г. он решил перевести свои записки на русский язык, но последовавшие события не позволили ему осуществить задуманное, а после ареста по делу декабристов все бумаги были утрачены.

В заключении он напишет свои воспоминания о походах 1812–1813 гг. Обстоятельства это позволяли, так как, по свидетельству К.К. Жерве, содержащиеся в Бобруйской крепости декабристы днем занимали в инженерных мастерских «две отдельные комнаты, где они свободно могли читать, писать и заниматься чем хотели» [5]. Родные пересылали им деньги через офицеров гарнизона, арестанты могли покупать себе все необходимое, в том числе и книги.

Рукопись воспоминаний В.С. Норов отослал в Петербург своему младшему брату, достаточно влиятельному чиновнику Аврааму Сергеевичу Норову (1795–1869), который в результате ранения, полученного в Бородинском сражении, потерял ногу. Впоследствии он дослужился до чина полковника, перешел на статскую службу. В начале 1830-х гг. А. С. Норов состоял чиновником для особых поручений при Министерстве внутренних дел. Благодаря своим связям он сумел провести мемуары осужденного брата через цензуру и издать их, правда, без указания имени автора.

«Записки» В.С. Норова принято считать самым крупным мемуарным произведением, посвященным эпохе 1812 г., вышедшим из декабристской среды [6]. Однако, несмотря на свое название, они более соответствуют историческому труду, поскольку в них рассматриваются действия всей русской армии, включая войска П.В. Чичагова, П.Х. Витгенштейна и Эртеля. Личность самого мемуариста, безусловно, присутствует на страницах книги, более того – он узнаваем, однако основное содержание посвящено не его жизни, а рассмотрению боевых действий. Впоследствии в предисловии к неосуществленному второму изданию В.С. Норов ответил на вопрос, который ему, вероятно, неоднократно задавали: «Как мог частный офицер, служивший во фронте, иметь сведения о действиях армий?». На этот вопрос

он ответил следующим образом: «по прошествии нескольких лет после кампании, по прочтении своих и неприятельских реляций, соображая рассказ других свидетелей с собственными своими наблюдениями, всякой офицер, любящий свое ремесло и предварительно приготовленный изучением правил военной науки к здравому суждению о военном деле, не только может, но и должен из любви к истине, к славе отечественного оружия и к науке рассказать, что знает для опровержения хвастовства иностранных и своих писателей» [7].

Как историк, В.С. Норов старался быть беспристрастным, в книге часто встречаются критические высказывания по поводу действий русских военачальников, включая и Главнокомандующего князя М. И. Кутузова. Первым сражением, в котором участвовал мемуарист, было Тарутинское, и уже с описания этого сражения начинаются критические высказывания в адрес русского командования: «Но сей успех, хотя весьма значительный, не был столь решителен, как сего можно было ожидать от превосходного числа нашей армии. Неприятельский корпус мог быть совершенно уничтожен, если б в исполнении предложенного плана не было сделано ошибок» (С. 6).

Позволю себе еще одну цитату, характеризующую на этот раз исторические взгляды автора: «Позволительно и весьма естественно увлекаться энтузиазмом, рассказывая о доблестях народных; но действия военные всегда должно рассматривать хладнокровно, без предубеждения. К тому же военная история бывает для нас полезна, когда основана не на лживых или прикрашенных реляциях, но на истинном и беспристрастном повествовании очевидцев» (С. 7–8.).

Заканчивая первую часть, посвященную Отечественной войне 1812 г., В.С. Норов писал: «Еще не настало время писать историю похода 1812 года: близость событий, пристрастие современников представляют сильную, непреодолимую преграду» (С. 132). Это высказывание отчасти объясняет, почему он назвал свой труд «Записками», приняв тем самым превентивные меры против возможной критики.

Декабрист явно скромничал, когда утверждал, что писал «на память», в действительности он использовал книги как русских авторов – Д.П. Бутурлина, Д.В. Давыдова, Н.М. Сипягина, так и французских – Г. Шамбре, Ф. Сегюра, Ж. Саразена, а также рукописные записки М.Б. Барклая де Толли.

Цензурный экземпляр «Записок»

В отделе рукописей Российской Национальной библиотеки хранится рукопись «Записок» В.С. Норова, подготовленная им ко второму изданию, представляющая собой своеобразный книжный памятник военной

цензуры [8]. Автором был расплетен экземпляр первого издания, между страницами книги проложены чистые листы белой бумаги, после чего переплетены вновь. На чистых листах он сделал обычными чернилами исправления и дополнения для второго издания. Когда эта рукопись поступила в военную цензуру, А.И. Михайловский–Данилевский сделал красными чернилами свои замечания. После этого рукопись вновь вернулась к В.С. Норову, ответившему на замечания цензора на тех же листах. Теперь она содержала три слоя рукописных маргиналий, благодаря чему в распоряжении исследователей имеется уникальный документ – полемика между автором и цензором, зафиксированная письменно.

В большей части замечаний А.И. Михайловский–Данилевский отсылает автора к своему официальному труду: «Объяснено в Истории 1812 года» или «Поверить с Историєю».

В одном месте В.С. Норов не удержался и съязвил в ответ: «Писано прежде издания Истории г<енера>ла Данилевского».

Правка чужих мемуаров по собственному историческому сочинению достаточно ярко характеризует цензорскую деятельность А.И. Михайловского–Данилевского. Некоторые его замечания были справедливы, в них устранялись фактические неточности, с ними автор согласился. Например, в значительной части был переработан рассказ о Бауценском сражении. Некоторые запретные темы автор не оспаривал, в том числе ремарку цензора: «Мародеров? О них нельзя упоминать».

Наибольший интерес представляет заочная полемика историка и автора мемуаров, достаточно горячая, если принять во внимание форму, в которой она велась.

О напряженности спора свидетельствуют, например, маргиналии по поводу описания сражения 4 ноября под Красным.

Замечание А.И. Михайловского–Данилевского: «Описание сего сражения надобно сличить с нашею Историєю, основанною на русских документах, а здесь списано оно с французских бюллетеней».

Ответ В.С. Норова: «Это взято не из бюллетеней, но из Истории Шамбре, по сих пор лучшего писателя о сей войне и согласно описанию русского сочинителя генерала Бутурлина. Я чужого ни откуда не списываю, и в замечании указал, на чьем сочинении основываю свой рассказ. Шамбре, как и я, никогда не верил бюллетеням и во многих местах уличал их во лжи».

Принципиальная полемика разгорелась по поводу исхода Люценского сражения. Это один из многочисленных примеров сражений, которые каждая из противоборствовавших сторон считает выигранным. Однако беспристрастный В.С. Норов считал, что сражение при Люцене выиграли

французы, именно такая оценка содержится в первом издании. Но теперь военный цензор воспротивился такой трактовке:

Текст В.С. Норова: «Напротив того, мы видим, что неприятель выиграл сражение искусным употреблением артиллерии, которую он успел скоплять большими массами на решительных пунктах, и особенно превосходным движением вице-короля к Эйсдорфу».

Замечание А.И. Михайловского-Данилевского: «NB. Неприятель не выиграл сражения».

Ответ В.С. Норова: «Если неприятель не выиграл сего сражения, то мы его выиграли, а если мы остались победителями, то как же мы очутились чрез несколько дней за Эльбою вместо того, чтоб идти к Рейну?».

Интересно, что в своих мемуарах, никогда не публиковавшихся при жизни, А.И. Михайловский-Данилевский, как это не удивительно, солидарен с В.С. Норовым в оценке исхода Люценского сражения. Он писал, что Главнокомандующий граф П.Х. Витгенштейн проявил себя с худшей стороны, но «за сие сражение получил Андреевскую ленту, ибо хотели представить дело в реляциях в виде победы». Далее он пессимистично заметил по поводу этой победной реляции: «Какова должна быть история, основанная на подобных материалах, а, к сожалению, большая часть историй не имеет лучших источников» [9]. Эти слова оказались пророческими о собственном, более позднем историческом труде.

Примечательная полемика развернулась вокруг характеристики Наполеона...

Текст В.С. Норова: «Но почтим прах великого человека, второго Цезаря, которого люди просвещенные не называют более Аттилою. Тот, кто в двадцать четыре года, предводительствуя республиканскими фалангами, губил, ничтожил цесарские армии, кто восстановил отечество Сципионов, почтил прах Виргилия, сокрушил силы мамелюков, прошел палящие пески Сирии и Африки, смирил диких бедуинов, призвал ученых в пустыни Мемфиса, основал Институт в Каире, воскресил науки и художества в земле Птолommeев, освободил отечество от тиранской власти кровожадных диктаторов, проложил путь чрез снежные вершины Альпов, начертал мудрые законы – тот не станет в истории наряду с бичами народов».

Замечание А.И. Михайловского-Данилевского: «Окровавил Европу, взорвал Кремль и Смоленск, по его честолюбию принесены в жертву миллионы людей, попиравший ногами все права и законы – есть бич».

Мемуарист В.С. Норов не стал спорить и вычеркнул свой абзац полностью.

Письма В.С. Норова к А.С. Норову

Еще одним источником о трудной цензурной судьбе второго издания «Записок» В.С. Норова служат его письма к брату, хранящиеся в архивном фонде А. С. Норова в отделе рукописей Российской Национальной библиотеки (Ф. 531. Д. 477).

Первое письмо, в котором идет речь о «Записках», не датировано, вероятно, оно относится к 1828 г.: «Об издержках, касательно моих записок, пишу маменьке. Надо же чтоб остался какой-нибудь памятник после моей смерти. Я все пересмотрел и поправил. Но в предисловии ты должен, как издатель, непременно сказать, что записки сии вверены были тебе автором в 1824 году, что они большею частию писаны на память и не литератором, но фронтовым офицером» [10]. Замысел В.С. Норова понятен: боясь осложнений при прохождении цензуры, он назвал более раннюю дату создания записок, до ареста по делу декабристов.

Опубликовать мемуары государственного преступника, находящегося в заключении, было нелегкой задачей, и этот процесс затянулся на годы. В следующем письме от 22 октября 1832 г. В.С. Норов еще раз подчеркнул, что писал свои мемуары «совершенно на память», причем вторая их часть была написана «наскоро несведущим писарем под мою диктовку». В конце письма имеется приписка: «Впрочем, говоря о моих записках, я скажу тебе, что не гонясь за совершенством слога, я ручаюсь за истину и беспристрастие рассказа и не страшусь критики». В этом же письме он говорит о мотивах, побудивших его взяться за мемуары: «Впрочем, несмотря на их несовершенство, я бы желал, по многим причинам, чтоб они вышли в свет, хотя бы только для того, чтоб после моей смерти остался хоть какой-нибудь по мне памятник и чтоб кто-нибудь из моих сослуживцев, узнавая меня по сим строкам, уронил хотя одну слезку сожаления на забытую и бесславную мою могилу». Автор хотел заменить эпитафию к еще неопубликованным «Запискам», поместив вместо стихов К.Н. Батюшкова и А.С. Пушкина, слова Ф. Сегюра: «Ditez a l'histoire vos souvenirs. La solitude et le silence du malheur sont favorable a ses travaux, et que la vïgïtï toujours presante aux longues nuits de l'adversitï йclairе des veilles qui ne seront point infruetueuses» [11]. В первом издании эпитафия заменен не был (цензурное разрешение было получено 27 ноября 1832 г.), но вопрос о нем продолжал волновать автора, и в дальнейшем, при подготовке второго издания, он вновь просил поместить в качестве эпитафии именно текст Ф. Сегюра «как нарочно приуроченный к тому положению, в коем я находился, когда писал мои записки» [12].

В 1834 г. «Записки» В. С. Норова вышли в свет без указания имени автора на титульном листе. Сразу же после выхода их в свет он начал ра-

ботать над вторым изданием и вскоре выслал брату исправленный и дополненный экземпляр. В конце 1836 г. В.С. Норов был уверен, что второе издание «Записок» уже находилось в печати, но, к его несчастью, в декабре 1836 г. был учрежден Военно-Цензурный комитет, что значительно затруднило публикацию.

Все эти годы процесс работы над мемуарами продолжался, обнаруживались новые неточности, текст перерабатывался. Например, в январе 1837 г. В.С. Норов узнал, что неправильно назвал горы на границе Богемии и Силезии, вместо Эрцгебирг – Ризенгибирг [13].

В феврале 1835 г., после почти десятилетнего содержания в крепости, В.С. Норов определен рядовым в 6-й линейный Черноморский батальон, а спустя два года – 20 апреля 1837 г. – за отличие в сражениях на Кавказе получил унтер-офицерский чин. Теперь он хотел, чтобы его записки вышли с указанием авторства: «Имя мое поставить необходимо надо и не думаю, чтоб с сей стороны ты встретил затруднения особливо теперь, когда я солдат» [14]. Автор продолжал делать правку и дополнения к своему сочинению. К этому времени у А.С. Норова в Петербурге уже имелся экземпляр первого издания с правкой, теперь он послал второй. В сопроводительном письме содержатся указания о том, как перенести правку с одного экземпляра на другой, сведя ее, таким образом, воедино.

Первоначально мемуарист отнесся к известию о необходимости прохождения военной цензуры как-то легкомысленно: «Данилевского замечания ко мне не пересылай: 1-е потому что покуда они ко мне дойдут, пока я их разберу, и мой ответ дойдет до тебя, надо ждать целый год и более. 2-е потому что во многом не смогу быть с ним согласен. В 3-х, потому что если я внесу в мое сочинение его мысли и суждения, то это будет не мое, а его сочинение. 4-е потому что я имею причину убедительнейше просить тебя о скорейшем издании 2-го издания. Я не очень здоров, климат здесь убийственный, *les hazardes des combats* (*опасности войны — франц.*) тебе известны, если ты будешь более медлить, то я никогда не увижу моего сочинения» [15]. В заключение он сообщил, что выслал последний имевшийся у него экземпляр первого издания, и не сможет больше исправлять «по замечаниям Данилевского первое мое издание. Вот тебе на сей счет последнее мое решение». Он еще не знал, что это только начало его цензурных мытарств.

В 1836–1839 гг. современники с нетерпением ожидали, когда же выйдет история Отечественной войны 1812 г., над которой работал в эти годы А.И. Михайловский-Данилевский. Мемуарист В.С. Норов, будучи на Кавказе, так же ждал ее с нетерпением: «Новое издание моей книги много бы меня утешило, но ты лучше знаешь, как сделать. Коль скоро выйдет

Данилевского История 1812 года, тотчас пришли мне; но сам посуди: покуда я ее получу и покуда ты получишь мой ответ на его замечания, пройдет непременно два года. А в два года я непременно сделаюсь жертвою здешнего климата. По смерти моей к чему мне послужит издание моей книги? Сверх того, если я переделаю мою книгу по Данилевскому, то это будет его сочинение, а не мое. Прошу тебя, милый друг, выдать мою книгу так, как она есть теперь, после доставленных тебе исправлений и дополнений, а замечания Данилевского ты можешь, как издатель, поместить сам в конце книги. Еще скажу тебе, что у меня не осталось более ни одного экземпляра моего старого сочинения и мне не на чем делать новые исправления. Займись сам этою работою, собери все мои поправки и поступи, как я тебя просил лишь только распродадутся последние экземпляры. Пусть Данилевского сочинение имеет свое достоинство, а мое свое. Если б я был в Петер<бурге>, то мог бы воспользоваться его замечаниями, но я за 3 000 верст и при столь затруднительных сообщениях наши пересылки будут вояжировать несколько лет, а тогда меня не будет на свете. [...] В заключение скажу тебе, что мое сочинение не есть полная история, но простой рассказ очевидца, сделанный на память, все важнейшие ошибки исправлены, а суждений своих я не могу переменить для господина Данилевского. Словом, моя книга должна остаться так, как она есть после последних исправлений, тобою полученных, и ты меня много бы утешил, если б издал ее в нынешнем году» [16].

Однако время шло, а цензурного разрешения на издание «Записок» не было. Автор вновь и вновь просил брата ускорить их прохождение через цензуру, делая все новые уступки: «Приступи скорее ко 2-му изданию. Если необходимы перемены нащел австрийцев (о которых, впрочем, я очень мало говорю), то вот они:

Часть 2-я, книга 1-я, стр. 47.

<i>Вместо</i>	<i>Написать</i>
то она обязана сим своему гофкригсрату, измене Тугута и проч.	то она обязана сим своему гофкригсрату, предписавшему эрцгерцогу Карлу пагубное движением к нижнему Рейну прежде прихода Суворова в Швейцарию, что было причиною поражения Корсакова под Цюрихом.

Книга II, стр. 63.

<i>Вместо</i>	<i>Написать</i>
Неспособность Шварценберга	Медленность Шварценберга и поражение левого крыла австрийцев (несмотря на блистательную неустранимость дивизии Колоредо, покрывшей себя славой) должны были иметь и проч.

Вот перемены, которые я без зазрения совести могу сделать в пользу австрийской славы, но более ничего, хотя бы предстали предо мною тени принца Евгения и Марии Терезии, впрочем, покажи эти перемены Данилевскому, уничтожь, если надо, замечание мое на 94-й странице, и, наконец, кончи все это с ним. Ты сам чувствуешь всю необходимость 2-го издания по причине небрежности и непомерных ошибок 1-го, которые все означены в посланном давно к тебе экземпляре, сверх того, что значит военное сочинение без планов, карт и без имени автора?» [17].

Военно-Цензурный комитет не спешил с выдачей разрешения, и рукопись пришлось править еще не раз. В январе 1838 г. В.С. Норов был уволен от службы, затем ему позволили поселиться в Ревеле. Одним из немногих домов, где гостеприимно приняли декабриста, был дом Ревельского военного губернатора графа Л.П. Гейдена, который неоднократно упоминается в его письмах. Именно в это время и появился на свет цензурный экземпляр его «Записок», о котором речь шла выше.

«Он (граф Л. П. Гейден – А. С.) мне дал прочесть последние два тома 12-го года Данилевского. Вообрази мое удивление, что в IV томе на 18 странице сверху донизу нашел почти буквально выписанный мой рассказ о Красненском деле, на 21-й тоже, наконец, вся 173 страница совершенно моя.

Бесспорно прямое и собственное назначение исторических записок состоит в том, чтоб служить материалами для истории, но ежели г-н Данилевский думал сделать мне честь ввести мой рассказ во многих местах, то по крайней мере справедливость требовала в примечаниях указать на эти материалы *où il a pu s'y* (*откуда взято – франц.*). Впрочем, натурально об этом ни слова не говоря ему, а только из любопытства возьми, у кого-нибудь его IV часть 12 года и сличи указанные страницы с моим рассказом о Красном, о преследовании к Борису и другие места, ты сам увидишь.

О пристрастии нечего говорить, но одно нестерпимо смешно для военного. Он уверяет, что Кутузов не помог Милорадовичу под Вязьмою, от которой он был вечером в 8 верстах, от того, что получил ложное известие,

что Милорадович не теснит неприятеля, но сам тесним им и отступает, но именно этот слух, не должен ли бы его понудить удвоить шаг и подкрепить Милорадовича?? Но Данилевский врет, я сам помню, как 22 октября в 3-м часу пополудни мы все офицеры с наших бивок близ Быкова не только слышали, но даже собственными глазами своими видели ружейный огонь стрелков и всю массу французскую, отступающую от Милорадовича, и бесились от досады, что явно открывают дорогу бегущему неприятелю. Спроси об этом кого хочешь из свидетелей. Наконец к вечеру побужденный кем-либо из генералов, или по укоризны собственной совести Кутузов отдал повеление двум егерским полкам, и двум баталионам нашего 3-му и 1-му идти на подкрепление Уварова, который с отборною кавалериею, дойдя до ручья, стал, как в пень и ограничивался одной канонадой издали, уверяя, что без пехоты ничего не может делать. В это самое время наши варили кашу для ужина, Бистром получа приказание, велел опрокинуть котлы и становиться в ружье, как вдруг приезжает сам Лавров с контрордером составить ружья и оставаться на месте, между тем каша была уже вылита! Я помню как карабинер нашей роты Таубер Шмит, вольноопределившийся из курляндцев и потом убитый под Кульмом — сказал смеючись: “Ну, ребята! Пропала каша и слава наша, француз пошел на серетир, а мы смотрим на него как вороны разиня рот!”. Но таких примеров много. Бенигсен, сидя на барабанах, просто бранил Кутузова. Но такие анекдоты, хотя характеризуют эпоху, не могут быть еще описаны. *Nous autres contemporains et acteurs nous ne lirons jamais la véritable histoire de cette guerre (Но нам, современникам и участникам, уже не доведется прочесть истинную историю этой войны – францу.).* [...] Я не очень здоров, пришли мою книгу, увижу чего они от меня требуют?» [18].

Так в его руках оказался упоминаемый выше цензурный экземпляр: А.С. Норов выслал автору просимый им экземпляр с замечаниями цензора, на которые тот ответил и выслал обратно, сопроводив подробнейшей инструкцией:

«Здравствуй милый и любезной брат Абрам, возвращаю тебе мою книгу, и прошу тебя:

1-е. Потрудиться пересмотреть мои ответы на замечания Данилевского, и мои поправки, и выкинутые места и, не переменя ничего самому, показать ему как можно скорее.

2-е. По возможности узнать правила цензуры, и что Данилевский имеет право требовать и чего не вправе переменить?

3-е. Те места, где ты увидишь, что ничего нет противного правилам цензуры, а только потому не нравятся г<осподину>ну Данилевскому, что я другого с ним мнения, – те места по возможности настаивай оставить

как есть (они означены сими словами карандашом). Буде он будет и в этих местах упорствовать, то мой ultimatum вот какой: чтоб он или ты (как издатель), внизу страниц присовокупил замечания, основанные на его суждении, а мой текст не трогать.

4-е. Ни под каким видом не оставляй более мою книгу у Данилевского. Вот почему: открыв в его Истории, что он многие страницы целиком взял у меня бессовестно, я имею причину подозревать, что он разными проволочками, пересмотрами, перемараниями хочет воспрепятствовать второму изданию моей книги и потому не выпускай ее из рук – а предварительно попроси его, чтоб он назначил тебе время, когда ты можешь показать ему мою книгу – и тогда на месте уже, показав ему мои поправки, окончательно реши с ним печатание оной. Для тебя он будет снисходительнее, нежели для меня, ибо я должен повсему думать qu'il me deteste comme son rival me voyant sur son chemin (*что он ненавидит меня, как своего соперника, встретив меня на своем пути – франц.*).

5-е. Дай ему учтивым образом почувствовать, что никто не обязан платить 50 руб<лей>, чтоб читать его Историю, и что он не имеет права, чтоб все верили ей, как Священному писанию – что кроме него есть Бутурлин, такой же русский генерал, на коем я во многих местах основываю свои суждения, и Жомини, другой русский же генерал, mais bien d'une autre réputation que la (*имеющий совсем другую репутацию – франц.*)*.

6-е. Приступи к литографированию карт и планов по моим прежним указаниям, коих ты верно не затерял. Не страшись и не сетуй на меня, что я возложил на тебя по неволе труд поверить число убитых и проч. в Бородине и общий итог (того и сего) после кампании, потому что со мной здесь нет Бутурлина, а Данилевского Историю Гейден кому-то отдал, но на все сие тебе довольно час времени. Возьми последние страницы 4-й части Данилевского, или 2-ой Бутурлина и поставь это число, по той или по другой, и если можно оставя мой счет, сказать в замечании, что Данил<евский> вот так показывает, а Бутурлин так, и, пожалуй, можешь сказать, что их счет должен быть вернее, потому что мои записки писаны на память.

7-е. Пожалуста, мой друг и брат, взгляни, что говорит Данилевский о причине, почему Барклай остановился у Каспли, начав наступательное движение и согласно его описанию, помести это в замечании и ставь всегда прим. Издат.

* Если он скажет, что и в правках есть ошибки, скажи ему, что таким образом les corrections n'auront plus de fin, qu'il n'y a que Dieu qui est infaillible (исправлениям не будет конца, только Господь Бог непогрешим – франц.), что за ошибки пусть меня критикуют, а не его. (Примечание автора документа – А. С.).

8-е. Настаивай, если можно, чтоб в заглавии было мое имя так:
Василия Норова.

9-е. Сюда из Любека пришел пароход с книгами и эстампами для Боллизара. Пожалуйста, съезди к нему или кому другому и посмотри, нет ли у него гравюры или литографии, виденной мною у Гейдена le passage de la Вйгйсина, или с нем[ецкой] надписью Ubergang uber die Вйгйсина, та самая, en grand, которая находится в 3-й части Шамбре, и уведоь меня о цене.

Прошу тебя для меня не ссорься с Данилевским, а старайся а l'amiable (*любезно – франц.*) все с ним кончить при первом с ним свидании и уведоь меня скорее об успехах твоей Дипломатики, будь Метернихом и не горячись, где настаивай, а где уступай – и главное покажи ему, что все, что он требовал об австрийцах – уничтожено – а о Кутузове – смягчено или переменено – и что я о нем говорю с большим уважением, как и в самом деле я его уважаю, не менее Данилевского, но что правда, то правда; а правду надо уважать более всего. [...]

P.S. De grвce donnez moi une journйе pour vйrifier les nombres, et une autre journйе pour finir avec Danilevsky – j'ai fait toutes les corrйctions possibles – le reste. Arrangez je vous en pries vous mkme, je souffre des maux de tkte (*Будь милосерден, посвяти мне день, чтобы проверить цифры и еще один день, чтобы закончить с Данилевским, я внес все возможные исправления. Прошу тебя, согласуй все сам, я страдаю от головной боли – франц.*). Очень бы ты меня обрадовал своим приездом и изданием книги к Новому году. Если Данилевский будет упорствовать, что Наполеон не выиграл Люц<енского> сраж<ения>, то, чорт его возьми, поставь так в том месте: мы видели, что неприятель устоял против наших атак...

Н.В. При печатании не смешай моих ответов Данилевскому с моими поправками, для чего я думаю, показав ответы ему, после их вымарай, а оставь только поправки» [20].

Спустя неделю он пишет вдогонку очередное письмо, свидетельствующее о том, насколько его встревожила правка А.И. Михайловского-Данилевского:

«Напиши мне, получил ли ты обратно мою книгу с ответами на замечания Данилевского и с поправками, по его требованию или по моему усмотрению сделанными. Сделай одолжение, скорее кончи с ним; но для этого надобно, чтоб ты сам со вниманием рассмотрел книгу, чтоб удостовериться в справедливости моих ответов, и в необходимости удержать те места, кои я прошу его оставить неприкосновенными, ибо не заключают ничего противного правилам цензуры, равно, необходимо, чтоб, ты знал, что он имеет право требовать и чего не имеет справедливой причины переменить. Если ты согласишь его описание Красненского сражения 5 ноября, преследования французов к Березине и самую Березинскую

переправу, то ты сам увидишь, что, покраив бессовестно у меня целыми страницами, немудрено, что он ищет, искажив своими несправедливыми вымарками мой рассказ о Люценском сражении и другие места моего сочинения, единственно имеет ввиду воспрепятствовать второму изданию, полагая, что первое уже забыто а *fin de cacher son vil* (для того чтобы скрыть свою кражу – франц.).

В прошлом письме я изъяснил тебе, как прошу я тебя действовать, но забыл указать на одно место:

При конце первой части, оспаривая у франц<узских> писателей мнимое нравственное превосходство их армии над нашею и приводя доказательства из самых событий первой эпохи кампании 1812 года, я между прочим говорю: “и везде неустранимостью своею отвращали несчастные последствия некоторых распоряжений”. Данилевский это вымарал и поставил: “и везде отражали неприятеля”.

Но если так оставить, как он хочет, то следующая моя фраза: “но война рождает генералов” (им оставленная), не будет иметь смысла. Следовательно, прошу тебя это с ним уладить, и если необходимо будет заменить это твоим выражением, соображая с моею мыслью: что войска наши, не имея столь искусного предводителя как Наполеон, храбростию своею и твердостью отвращали бедствия, кои могли бы воспоследовать от ошибок генералов. Дела под Островною и Валутиным в 1812 году и под Кульмом в 1813 году служат тому неоспоримыми доказательствами – взгляни на карту и посуди сам.

Движение Барклая к Дрисе, когда Багратион был в Слуцке, позволило Наполеону проникнуть между ними, и он был уже в Бешенковичах, когда Барклай, постигнув, наконец, его намерение и свою ошибку, спешил форсированным маршем из Полоцка к Витебску, чтоб упредить тут Наполеона и успеть соединиться с Багратионом в Орше или в Смоленске. Для сего Барклай послал вперед авангард под начальством Остермана чрез Витебск в Островну навстречу французам. Здесь Остерман целый день держался против превосходных сил и, хотя принужден был отступить к речке Лучесе, где подкреплен был Коновницыным, с потерей нескольких орудий, однако дал время Барклаю придти в Витебск прежде Наполеона, чего нельзя было ожидать. Вот первый пример.

После Смоленского сражения Барклай, оставя сей город, пошел по Петербургской дороге, а Багратиона отправил по Московской. Ошибка важная, ибо часть французской армии под начальством Нея и Мюрата опять проникла между двумя нашими армиями и дошла уже до Лубина близ Валутиной горы, когда Барклай проселком спешил во всю мочь из Горбунова к Бредихину, чтоб прежде французам успеть выдти на

Московскую дорогу и не быть отрезану опять от Багратиона. Для этого он опять посылает авангард под начальством Тучкова навстречу неприятелю, чтоб Тучков у Валутиной горы удерживал французов, пока он (Барклай) успеет выдвинуть свою армию из проселочной дороги на Московскую. Авангард Тучкова долго держался один против четверых у Валутина и дал время Барклаю выдти прежде неприятеля на Московскую дорогу. Другой пример.

Наконец третий пример Кульмское дело, которое ты хорошо знаешь. Вот три примера, служащие доказательством, что войска наши неустрашимостию своею и твердостью отвращали несчастливые последствия некоторых распоряжений. Растолкуй это Данилевскому, да напхни ему, по жалости, как Докторов был брошен на жертву под Дирнштейном (1805), а Багратион под Шенграбеном, чтоб прикрыть отступление вечно отступающего Кутузова. Как Милорадович с двумя дивизиями (Паскевича и Чоглокова) сбил три неприятельские корпуса (принца Евгения, Нея и Понятовского) и отрезал и заставил бежать четвертый (Даву) под Вязмою, между тем как Кутузов и Уваров, сложа руки, смотрели на всю эту потеху – растолкуй ему все это и пусть он по совести скажет, справедливы ли мои упреки некоторым генералам» [21].

Действительно, текстуальные совпадения имеются, но серьезный повод обвинить А.И. Михайловского-Данилевского в плагиате отсутствует. Хотя он использовал мемуары В.С. Норова, но сослаться в книге, изданной по Высочайшему повелению, на воспоминания государственного преступника он не мог. Пожалуй, единственный из декабристов, упоминаемый на страницах «Истории Отечественной войны в 1812 году» – М.Ф. Орлов, но это особый случай.

Как мемуарист В.С. Норов не мог успокоиться после придинок цензора и написал очередное письмо, не датированное, на этот раз об ошибках М.И. Кутузова.

«В предисловии поставь число и место, где я писал его и откуда он послано. Это удостоверит Данилевского, что я за Кавказом и два года прежде издания его Истории не мог знать его объяснений о непостижимых маневрах Кутузова, и что теперь, не имея его книги, не обязан платить 50 руб<лей> и верить его изъяснениям, которые, впрочем, ничего не поменяют и что по сих пор остается истиною то, что Кутузов упустил Наполеона из рук три раза:

1-е. под Вязмою: не подкрепил Милорадовича;

2-е. под Красным: не ударив на него со всею армиею и приостановив движение Тормасова;

3-е. на Березине: оставшись сам в Копысе, вместо того чтоб отправиться к действующим войскам и наблюдать за направлением Наполеона.

Когда же все кончилось и Наполеон ушел, Кутузов прибыл к армии Чичагова!

Что, впрочем, там, где ему что-нибудь не нравится и кажется несправедливым пусть он внизу страницы поставит свои замечания, не вымарывая мой текст.

Что везде, где он имел какую-нибудь причину требовать перемены, я сделал по его требованию, например о Шварценберге и проч<ее>» [22].

Второе издание «Записок» В.С. Норова так и не вышло в свет. Причина этого – не только в придирчивости А.И. Михайловского-Данилевского, его предвзятости по отношению к своим потенциальным соперникам, писавшим об эпохе 1812 г. В 30-е гг. XIX в. принципиально изменилось направление развития русской военной историографии. От публикаций исследований в духе А. Жомини, Д. П. Бутурлина, П.П. Сухтелена, проникнутых «идеей общегражданства», авторы которых «забывали в чьих рядах сражались», постепенно отказались. Стали приветствоваться издания патристические, носящие по преимуществу описательный характер, преследующие более идеологические, нежели научные цели. Мемуарист В.С. Норов был последователем А. Жомини и Д.П. Бутурлина, так же, как и они, мемуарист-историк призывал «забыть, к которой стороне мы принадлежали», для того, чтобы военно-историческое сочинение было действительно беспристрастным. Поэтому новое переиздание его книги было уже «не ко времени».

На первый взгляд, победу в военно-цензурной баталии двух ветеранов Двенадцатого года одержал А.И. Михайловский-Данилевский, причем исключительно благодаря служебному положению. Однако последний залп или отголосок этого сражения последовал спустя почти два десятилетия, когда победителя уже не было в живых: в 1858 г. по инициативе министра народного просвещения А.С. Норова Военно-Цензурный комитет был упразднен. Безусловно, это предложение основывалось на собственном печальном опыте общения с военной цензурой.

Источники и литература

1. Тартаковский А. Г. 1812 год и русская мемуаристика. М., 1980. С. 222–224. Архивные находки мемуарных текстов продолжают и в настоящее время. Об этом см.: Мемуары из коллекции А.И. Михайловского-Данилевского // Русское прошлое. СПб., 1996. Кн. 7. С. 138–158.

2. Из воспоминаний А.А. Харитонова // Русская Старина. 1894. № 1. С. 117–118.

3. Оригинальные письма из армии 1812–1813 гг. // Российский архив. М., 1996. Вып. VII. С. 150–169.

4. Щербатов А.Г. Генерал-фельдмаршал князь Паскевич. Его жизнь и деятельность. СПб., 1888. Т. 1. С. 369. Прил. С. 101.
5. Жерве К. К. Воспоминания // Исторический вестник. 1898. Т. 72. С. 759–760.
6. Тартаковский А. Г. Указ. соч. С. 46.
7. ОР РНБ. Ф. 531. Д. 477. Л. 68.
8. Там же. Q. IV. 321.
9. Михайловский-Данилевский А. И. «Журнал 1813 года» // 1812 год: Военные дневники. М., 1990. С. 335–337.
10. ОР РНБ. Ф. 531. Д. 477. Л. 61.
11. В переводе с французского языка эта фраза звучит следующим образом: «Диктуйте для истории ваши воспоминания. Уединение и безмолвие несчастий благоприятствуют таковым трудам, и пусть истина – спутница долгих бедственных ночей – освещает бодрствования ваши, которые не окажутся бесплодными». Оригинал см.: Письмо В.С. Норова к А.С. Норову от 22 октября 1832 года // Там же. Л. 1–2 об.
12. Письмо В.С. Норова к А.С. Норову, без даты // Там же. Л. 74.
13. Письмо В.С. Норова к А.С. Норову от 23 января 1837 года // Там же. Л. 12–13 об.
14. Письмо В.С. Норова к А.С. Норову от 10 марта 1837 года // Там же. Л. 14–15.
15. Письмо В.С. Норова к А.С. Норову от 4 июля 1837 года // Там же. Л. 27–28.
16. Письмо В.С. Норова к А.С. Норову от 3 сентября 1837 года // Там же. Л. 32–35 об.
17. Письмо В.С. Норова к А.С. Норову от 15 декабря 1838 года // Там же. Л. 3–4.
18. Письмо В.С. Норова к А.С. Норову, без даты // Там же. Л. 59–60 об.
19. Письмо В.С. Норова к А.С. Норову от 16 ноября 1839 года // Там же. Л. 40–41 об.
20. Письмо В.С. Норова к А.С. Норову от 23 ноября 1839 года // Там же. Л. 42–43 об.
21. Письмо В.С. Норова к А.С. Норову, без даты // Там же. Л. 74.

Н.А. Гаврилова*

**ИСТОРИК Н.П. ПОЛИКАРПОВ
ОБ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1812 ГОДА**

События Отечественной войны 1812 г. на протяжении длительного времени воспринимались под воздействием правительственной идеологии. Имеющиеся на сегодняшний день и ставшие уже классическими историографические исследования А.И. Михайловского-Данилевского, Н.А. Троицкого, И.А. Шеина убедительно доказали зависимость отечественной научной мысли, а вместе с ней и общественного мнения, от господствовавшего на первых этапах изучения эпохи 1812 г. пропагандистского тезиса о единении всех сословий во главе с дворянством вокруг царского престола [1]. Отражением официальных настроений явились исторические сочинения Д.П. Бутурлина, А.И. Михайловского-Данилевского, М.И. Богдановича [2].

Определенное значение в укреплении влияния правительственных подходов к осмыслению событий Отечественной войны 1812 г. сыграл и общий патриотический подъем, переживаемый русским обществом в военное время и во время заграничных кампаний 1813–1815 гг. «Давно стали сознавать у нас, – писал А.Н. Пыпин, – что Двенадцатый год был эпохой в истории нашего внутреннего развития в том отношении, что с него начался сильный поворот к национальному сознанию, что русская жизнь с этого времени, оставив прежнюю подражательность, выходит на дорогу народности, что литература с этих пор принимает национальный характер, и первый поэт, выросший под впечатлением знаменательного времени, был Пушкин» [3].

Однако с течением времени мнения менялись...

«В конце концов, – писал один из авторов сборника “Отечественная война и русское общество” В.П. Алексеев, – события 12-го года обволоклись каким-то туманом национально-патриотических чувств, которые не могли рассеять даже начавшие появляться записки и мемуары русских и иностранных участников войны, и отношение к этой войне в духе национализма и специфического патриотизма сделалось традиционным. Иное отношение могло навлечь подозрение в преданности отечеству и, как всегда, правительству» [4].

С 70-х гг. XIX в. в обществе все более стало нарастать стремление к объективному пониманию событий войны. Это проявилось и в фор-

*Гаврилова Наталия Александровна (Москва) – главный архивист Российского государственного военно-исторического архива, кандидат исторических наук.

мировании критического отношения к работам по войне историков официального направления, и в публикации архивных документов по истории войны, хотя в ходе подготовки этих публикаций не всегда выдерживались первоначальные принципы. Тот же В.П. Алексеев писал: «Полная и строго научная история Отечественной войны, несмотря на истекшее столетие ее, еще впереди. В настоящее время для такой работы нет на лицо ни исчерпывающей полноты материала, ни предварительной критической обработки его» [5].

В этом исследовании историк продолжал: «...За столетие, отделяющее нас от войны 12-го года, историография Отечественной войны не освободилась еще от окончательных ложных взглядов на эту эпоху, от своего рода предрассудков и не стала вполне на научную почву» [6].

В статье «Отечественная война: (работы по обнародованию документов)» П. Н. Симанский отмечал: «Существовавшие до сих пор, кстати сказать, довольно многочисленные сочинения, посвященные 1812 г., во-первых, далеко не исчерпывали собою всего имеющегося материала, а во-вторых, страдали в большинстве случаев некоторой тенденциозностью... Только исчерпав *все* (так в тексте – *Н. Г.*) богатое содержание наших архивов и обнародовав документы в их *подлинном* (так в тексте – *Н. Г.*) тексте, мы можем, наконец, избежать недостатков, присущих первоначальным историческим работам по 1812 г.» [7].

Архивные разыскания, связанные с изучением войны 1812 г. в конце XIX – начале XX в., не могли не привести к установлению новых фактов, их сопоставлению с известными и переоценке последних. В связи с этим весьма важным оказался вопрос о том, было ли общество и официальная историография готовы к восприятию этих фактов, в той или иной степени ломающих традиционный взгляд на Отечественную войну 1812 г.

Историк М. Соколовский, автор статей в периодических изданиях, писал: «Конечно, мы и в тот тяжкий час испытанья много наделали ошибок. Промахи неизбежны во всяком человеческом явлении. Но эти промахи заслоняются общою красотою и высоким подъемом национального чувства» [8].

До 1917 г. крупнейшими архивохранилищами документов по истории Отечественной войны 1812 г. являлись Военно-ученый архив и Московское отделение Общего архива Главного Штаба. В отличие от Военно-ученого архива, формировавшегося «коллекционным путем», за счет поступления «отдельных не целостных групп материалов или отдельных документов и дел», Московское отделение Общего архива Главного штаба складывалось путем «поступления документальных материалов группами фондов из действующих архивов военного ведомства» [9]. По этой, а также ряду других причин, к концу XIX в. архив, хранящий документы почти за

двухсотлетний период, имел плохую систему организации их хранения и являлся по выражению Д.Я. Самоквасова «примером великого нестроения наших архивов древних актов» [10]. До начала описания архива не было известно даже точное количество хранящихся в нем дел при отсутствии и единой «меры их учета» [11]. В 1861 г. число дел составляло 1 231 251 единиц хранения, в 1872 г. – 800 000, в 1881 г. – 437 696, в 1901 г. – не менее 500 000 единиц хранения [12].

По вопросу упорядочения организации хранения дел в архиве «в конце 1891 г. <...> была представлена в Главный Штаб особая записка <...> военных историков Д. Масловского и Н. Дубровина; в 1893 г. на необходимость составления описи указывал заведовавший в то время архивом <...> С. Перетерский; неоднократно вопрос о том же обсуждался и непосредственно в Главном Штабе» [13]. Приказом от 21 апреля 1901 г. при Главном Штабе было учреждено Особое делопроизводство по описанию архива и приведению его в порядок – предполагалось составление описей и карточного каталога на дела [14].

И 10 мая 1901 г. заведующим Особым делопроизводством назначен капитан Н.П. Поликарпов [15], до этого менее года занимавший должность помощника библиотекаря Главного Штаба [16]. В письме А.П. Шевцова, бывшего командира 104-го пехотного Устюжского полка начальнику Военно-ученого архива А.З. Мышлаевскому, где Н.П. Поликарпов служил в 1876–1900 гг. [17], отмечалось, что «названный офицер <...> обладает большим терпением, добросовестностью и чрезвычайной любовью к архивным изысканиям и большим умением пользоваться архивным материалом, с которым он ознакомился во время составления им истории Устюжского полка, работая шесть месяцев в Петербургском и Московском архивах» [18]. Заведующий Московским отделением Общего архива Главного Штаба Д.В. Васильев неизвестному адресату писал 13 марта 1901 г. по поводу назначения Н.П. Поликарпова: «Относительно выбора капитана Поликарпова для заведывания описанием дел, – я не смею представить никаких возражений, зная его способности в обращении с архивным материалом с очень хорошей стороны, а практическими занятиями в Военно-ученом архиве он должен был развить их еще шире и основательнее, о чем, конечно, лучше известно А.З. Мышлаевскому» [19].

Менее чем через год, 26 февраля 1902 г., Н.П. Поликарпов произведен за отличие по службе в подполковники [20]. Спустя четыре года, 20 октября 1906 г. его назначают исполняющим обязанностей заведующего Московского отделения Общего архива Главного Штаба [21] (об этом назначении ходатайствует А.З. Мышлаевский [22]), а 6 декабря 1907 г. он утверждается в этой должности с производством за отличие по службе в полковники [23].

При открытии учреждения главной задачей делопроизводства поставили описание дел по Отечественной войне 1812 г. [24]. Однако 12 апреля 1903 г. программу описания радикально изменили – предполагалось описать дела «действующей (Дунайской) армии за 1877–1878 годы, дела, относящиеся к Восточной войне 1853–1855 годов» (так в документе), а затем продолжить работу по первой программе [25]. В докладе, представленном Н.П. Поликарповым в мае 1908 г., сообщалось, «что к 1 марта 1908 г. из общего количества дел архива – 993 635 единиц хранения – было описано генерал-майором Д.Ф. Масловским – 20 421 единиц хранения, есаулом В.П. Дмитренко – 6 407, полковником Н.П. Поликарповым – 13 217, Особым делопроизводством – 141 275. Всего – 181 217 дел» [26] (деятельность двух первых по составлению карточного каталога не связана с Особым делопроизводством, так как Д.Ф. Масловский работал еще до открытия Особого делопроизводства; В.П. Дмитренко «по примеру» Д.Ф. Масловского выполнял работу «очень узкого специального характера», хотя и в период деятельности Особого делопроизводства). Здесь же Н.П. Поликарпов поставил вопрос о продлении срока деятельности Особого делопроизводства, в том числе и в связи с приближающимся юбилеем Отечественной войны 1812 г.: «До юбилея Отечественной войны необходимо иметь описанными и приведенными в порядок все хранящиеся в отделении дела и документы по Отечественной войне и, для популяризации их, напечатать каталоги» [27]. «...считаю своей нравственной обязанностью начатую работу по приведению дел Московского отделения... в соответствующее благоустройство довести до конца и в сих видах признаю необходимым продлить действия Особого делопроизводства... с 1 января 1909 г. на 5 лет», – писал Н. П. Поликарпов [28].

Военный совет 19 июня 1908 г. постановил продлить срок деятельности Особого делопроизводства до 1 января 1914 г. [29]. С 1908 г. на «Н.П. Поликарпова было возложено заведывание печатанием карточного каталога делам Московского отделения архива, <...> главным образом – авторская корректура того каталога» [30]. Кроме того, он составлял реестр и характеристику описей, разбирал и подготавливал архивные дела для описания их Особым делопроизводством [31], одновременно готовил исторические справки об участии военных частей и отдельных лиц в Отечественной войне 1812 г. [32].

Семнадцатого марта 1910 г. Н.П. Поликарпов выступил с докладом «По вопросу о чествовании юбилея войны 1812 года» на заседании Московского отделения Императорского Русского военно-исторического общества [33], действительным членом которого он являлся. После прочтения доклада Н.П. Поликарпов получил поручение составить «Боевой еже-

дневник-календарь Отечественной войны 1812 года» [34]. «Генерал же Колобакин поручил ему собрать в Московском отделении архива для Императорского военно-исторического общества все первоисточники по Бородинской операции» [35]. Историк Н.П. Поликарпов «принимает также участие в “Кружке ревнителей памяти Отечественной войны 1812 года”» [36], где выступает «с докладами по некоторым вопросам, касающимся Отечественной войны 1812 года, на основании документов Московского отделения архива» [37]. Комитет по устройству в Москве музея 1812 г. на заседании 19 марта 1910 г. единогласно и по собственной его (Комитета – *Н. Г.*) инициативе избирает Н.П. Поликарпова своим членом [38].

Работая над текстом «Боевого календаря-ежегодника Отечественной войны 1812 года», на основании которого предполагалось переделать надписи на мраморных досках храма Христа Спасителя, в связи с тем, что работа эта была одобрена императором Николаем Вторым [39], по ее «чрезвычайной важности, ответственности, по громадному архивному труду... и по крайне ограниченному времени для исполнения» [40]. Понимая важность взятых на себя обязательств, Н. П. Поликарпов 12 октября 1910 г. подает рапорт об отказе от «второстепенной и отнимающей все свободное время работы по выправке корректур карточного каталога» [41], чем вызвал недовольство руководства Главного Штаба.

Занятия Н.П. Поликарпова по истории Отечественной войны 1812 г. привели к замедлению работы по описанию архива. К 1 января 1912 г. было описано 164 030 единиц хранения, включая и те 154 492 дела, которые были описаны Н.П. Поликарповым и Особым делопроизводством к 1908 г. [42], тогда как сам историк прежде, при обсуждении вопроса о продлении срока деятельности Особого делопроизводства, сообщал, что «для описания 107 312 остающихся еще неописанными важных дел потребуется пять лет» [43] и, что за это же время «будут сличены с описями и все дела второстепенной важности» [44]. В приказе начальника Главного Штаба от 29 мая 1911 г. говорилось, что полковник Н.П. Поликарпов «...с половины 1910 года стал замедлять присылку в военную типографию выправленных листов, на предписания же Главного Штаба о скорейшем доставлении их представил ряд неуместных и не отвечающих требованиям военной службы и правилам воинской дисциплины объяснений» [45].

Положение Н.П. Поликарпова усугубила появившаяся в декабрьском выпуске «Исторического вестника» статья «Архивные мытарства» домашнего учителя В.А. Алексеева, работавшего в архиве с материалами по биографии А.В. Суворова [46], касающаяся в том числе Московского отделения Общего архива Главного Штаба и бедственного его положения. В вышеприведенном приказе эта статья упоминалась как «не отвечающая дей-

ствительности» [47], тогда как в докладе начальника Административного отдела Главного Штаба генерал-майора В. В. Бонч-Осмоловского сообщалось, что «по заявлению полковника Поликарпова статья Алексеева, касающаяся Московского отделения архива, была правильна, почему он и не считал возможным ее опровергать» [48]. «Полковник Поликарпов не отрицает, что он мог вести с Алексеевым разговор о современном неудовлетворительном состоянии Московского отделения архива и делать указания на трудность приведения его в порядок» [49].

Сенсационным, по мнению французской газеты «Eclair», стало выступление Н.П. Поликарпова на заседании Московского отделения Императорского Русского военно-исторического общества 1 апреля 1911 г. по истории Отечественной войны 1812 г. и предстоящего в связи с этим юбилея. В докладе Н.П. Поликарпова говорилось: «Насколько мне известно, мы, как ни горько в этом сознаться, остаемся ко дню юбилея в неведении фактической стороны Отечественной войны 1812 г. Шуму относительно чествования этого юбилея много, даже очень много; предложений и проектов, в большинстве неосуществимых по их величавой помпезности и сопряженным с этой помпезностью значительным денежным затратам, имеется тоже не мало» [50].

«Прежде всего, надо решить вопрос – Бородинское сражение было нашею победою или нашим поражением? – говорилось в этом докладе... (Неправда ли, как историографически современно – *Н. Г.*).

Князь Кутузов в своей реляции (донесении) Императору Александру I о Бородинском сражении написал как истинный верноподданный всю правду об этом сражении, и все в реляции князя Кутузова справедливо, кроме фразы, будто бы “неприятель нигде не выиграл ни на шаг земли”. В своей реляции Князь Кутузов называет Бородинское сражение “кровопролитнейшим”, доносит о расстройстве своей армии в сражении, о невозможности ей удержаться на Бородинской позиции, об отступлении ее с этой позиции на 6 верст...» [51].

Историк Н.П. Поликарпов высказался за то, что переломным моментом в войне стало не Бородинское сражение, а сражение 22 сентября 1812 г. между селом Вороновым и рекою Чернишною, которое и «оказало весьма важное влияние на дальнейший ход ее» [52], что с нашей стороны действовали не четыре, а шесть армий: кроме 1-й Западной, 2-й Западной, Обсервационной и Дунайской «существовали и действовали 1-я Резервная армия (генерала Меллер-Закомельского, впоследствии генерала Эссена 1-го и 2-я Резервная армия (генерала Эртеля), причем последняя своею численностию превосходила даже 2-ю Западную армию» [53].

По сути, доклад Н.П. Поликарпова заслуживает внимательного историографического и источниковедческого изучения.

Командующий войсками Московского военного округа генерал от кавалерии П.А. Плеве указал докладчику, что «если у него... были в руках какие-либо документы, проливающие свет на боевые действия наших войск, то он, по долгу военнослужащего, обязан был представить их своему начальству и уже с разрешения последнего делать на основании этих документов те или другие доклады» [54]. По его мнению, полковник Н.П. Поликарпов «стремился разрушить установившийся уже в течение чуть ли не ста лет общий взгляд на Отечественную войну 1812 г. и на отдельные события этой войны, как у русских военных историков, так и у иностранных писателей... Выступление полковника Поликарпова с его докладом было к тому же нетактично: докладчиком явилось лицо, принадлежащее к армии, доклад был сделан в собрании, в которое допускаются и гражданские лица, мог вызвать, и вызвал нежелательные печатные отзывы в повременных изданиях» [55]. Кстати сказать, отзывы на доклад Н.П. Поликарпова были напечатаны не только в российских, но и французских газетах «Eclair» [56], «Paris-Journal» [57], «La Presse Associee» [58].

Расследование, проведенное начальником Административного отдела Главного Штаба генералом В.В. Бонч-Осмоловским, закончилось для П.П. Поликарпова строгим выговором, как говорилось в приказе «из внимания лишь к прежней усердной службе полковника» [59]. На полях текста доклада В.В. Бонч-Осмоловского начальник Главного Штаба генерал от инфантерии Н.П. Михневич сделал резолюцию: «Обвиняю полковника Поликарпова в том, что он, занимаясь частными работами, небрежно относится к возложенным на него работам по службе... Сообщения полковника Поликарпова я не одобряю ни с ученой точки зрения, ни с военной, ни с патриотической. Погоня за мелочной славой – сказать о великом историческом событии что-нибудь неожиданно новое – задача не благодарная и достойна серьезного осуждения» [60].

В 1911–1913 гг. появляются статьи Н.П. Поликарпова «К истории войны 1812 года: Забытые и не описанные военной историей сражения Отечественной войны 1812 года, вызвавшие своим ходом решительное (генеральное) сражение 26 августа 1812 года при селе Бородине» в журнале «Тысяча восемьсот двенадцатый год» (М., 1911. Вып. I–III) и работы, вышедшие отдельными изданиями: «Боевой календарь-ежегодник Отечественной войны 1812 года» (М., 1913. Ч. I).

Главной целью для Н.П. Поликарпова стало изложение фактов без какой-либо их оценки, вследствие чего работы эти до сих пор не потеряли своей актуальности для исследователей Отечественной войны 1812 г.

«Боевой календарь-ежегодник Отечественной войны 1812 года» представляет собой справочник по боевым столкновениям русских войск и французских в период с 4 июня по 31 августа 1812 г. включительно. Сведения изложены по семи пунктам: дата сражения (столкновения), место, войсковые части, принимавшие участие в сражении, их потери, боевые подвиги, ход сражения, результаты. В «Боевой календарь-ежегодник Отечественной войны 1812 года» «во многих случаях <...> приведены точные выписки из соответствующих архивных первоисточников, а иногда приведены полностью и подлинные реляции или донесения, особенно из числа наиболее важнейших и преимущественно из числа мало еще или еще и вовсе неизвестных» [61]. Выше уже упоминалось о трудностях, с которыми пришлось столкнуться Н.П. Поликарпову при составлении хронологического издания по истории Отечественной войны 1812 г. О них он упомянул и в предисловии к изданию: «...обширность и важность темы, разбросанность и не вполне удовлетворительное состояние наших архивов потребовали немало времени для предварительного подробного ознакомления с архивными первоисточниками, для производства из них необходимых выписок, на сопоставление и сличение их между собою и, наконец, на систематизацию добытых таким путем выписок» [62].

Историк Н.П. Поликарпов мог принимать участие в подготовке сборника документов «Отечественная война 1812 года», составленного по материалам Военно-ученого архива. В книге Д.Я. Самоквасова имеется указание: «Большое значение имеет также публикация документов, осуществленная под руководством А.З. Мышлаевского к столетию Отечественной войны 1812 года. За сравнительно короткий срок в Лефортовском архиве было отобрано и систематизировано огромное число документов и материалов, вошедших в публикацию» [63].

Вероятно, с 1913 г. здоровье Н.П. Поликарпова стало ухудшаться. С 1 мая 1914 г. его переместили на должность управляющего Петербургским отделением Общего Архива Главного Штаба [64], что фактически означало понижение по службе. С 6 июня 1914 г. полковник Н. П. Поликарпов считается больным [65]. Канцелярия штаба Московского военного округа 15 мая 1914 г. уведомила В.В. Бонч-Осмоловского о том, что полковник Н.П. Поликарпов «подал рапорт о выздоровлении и отправился к месту своего постоянного служения в город Санкт-Петербург» [66]. Однако историк так и не явился в Главный Штаб, в связи с чем В.В. Бонч-Осмоловский 10 сентября 1914 г. предписал начальнику штаба Московского военного округа сделать распоряжение о назначении комиссии для освидетельствования здоровья Н.П. Поликарпова [67]. Свидетельствовавшие врачи, отмечая у полковника Н.П. Поликарпова «ослабление памяти <...> и рез-

ко выраженное общее угнетенное состояние его психики» [68], сделали заключение, что «поименованный офицер нуждается в исследовании в Московском генеральном императора Петра Великого военном госпитале при участии специалистов врачей невропатологов» [69].

В предписании от 9 октября 1914 г. В.В. Бонч-Осмоловский сообщал Н.П. Поликарпову, что «начальник Главного Штаба <...> признал невозможным дальнейшее оставление Вас на службе и приказал предложить Вам в месячный срок подать прошение об отставке, с предупреждением, что при неисполнении сего Вы будете уволены от службы без прошения» [70].

Получив предписание, полковник Н. П. Поликарпов, видимо, так и не успел подать прошения. Он скончался в ночь с 19 на 20 ноября у себя на квартире [71]. В его послужном списке за 1913–1914 гг. не сделано ни одной записи о выделении пособия на лечение [72].

Но, несмотря на столь прискорбный факт и трудное положение, в котором оказался Н.П. Поликарпов, труды его получили весьма высокую оценку: в 1885 г. он награжден орденом Святого Станислава 3-й степени, в 1902 г. – Святого Владимира 4-й степени с бантом, 1 января 1906 г. – Святого Станислава 2-й степени, 30 августа 1909 г. получил Высочайшее благоволение, 14 августа 1912 г. – Благодарность, 29 августа 1912 г. – вновь Высочайшее благоволение, а 6 декабря 1913 г. – удостоился ордена Святой Анны 2-й степени [73].

Деятельность Н.П. Поликарпова в качестве заведующего Московского отделения Общего архива Главного Штаба имела весьма важное значение. Именно ему удалось начать систематическое описание документов архива и сделать описание наиболее ценных документов. Благодаря архивным разысканиям, проведенным Н.П. Поликарповым, в научный оборот введены новые факты и документы по истории Отечественной войны 1812 г.

Приложение

**Доклад Н.П. Поликарпова
о событиях Отечественной войны 1812 года, прочитанный на
заседании Московского отделения Императорского Русского
военно-исторического общества 1 апреля 1911 года***

Публикуемый документ хранится в деле «О производстве дознания по поводу доклада полковника Н.П. Поликарпова о праздновании юбилея Отечественной войны». В программе доклада указано: «Начало Отечественной войны 1812 г. – когда, где и как произошла в действительности, а не по данным нашей военной истории, переправа французской армии

* РГВИА. Ф. 400. Оп. 21. Д. 3987. Л. 63–81. Автограф.

через реку Неман в июне 1812 г., в чем заключалась Немано-Виленская операция с 11 по 17 июня 1812 г. и как эта операция была выполнена».

Интересен этот документ не только потому, что доклад Н.П. Поликарпова стал «сенсационным» и отразил нетрадиционный взгляд на Отечественную войну 1812 г., но и потому, что в документе представлена и традиционная официальная точка зрения на события войны. Последняя отразилась в замечаниях начальника Главного штаба генерала от кавалерии Н.П. Михневича, сделанных на полях доклада, и его резолюции. Замечания Н.П. Михневича (сделаны на полях доклада синим карандашом) даны в примечаниях. Сноски к примечаниям поставлены после тех слов Н.П. Поликарпова, к которым замечания Михневича относятся по смыслу.

Текст публикуется по орфографии времени составления документа. В целях единообразия исправлены только окончания «-ою», «-ею» на «-ой», «-ей», так как автор документа использует и те, и другие. Сохранены общеупотребительные сокращения слов. Транскрипция географических названий и имен передается согласно тексту документов. В некоторых предложениях для удобства прочтения поставлены дополнительные, а в некоторых – исключены знаки препинания.

Слова, набранные жирным курсивом, подчеркнуты Н.П. Михневичем.

Слова, заключенные в угловые скобки, зачеркнуты автором документа. Дописанные части слов заключены в квадратные скобки.

* * *

Находящийся не за горами, а стоящий уже лицом к лицу с нами, канун чествования юбилея приснопамятной и великой Отечественной войны 1812 г. невольно заставляет подвести баланс совершенного нами для достойной встречи его или учесть, что же мы, нынешние потомки деятелей этой войны, сделали для своего ознакомления хотя бы с одной только фактической стороной этой войны. Окажемся ли мы в день юбилея во всеоружии знания этой стороны войны?

Полное всестороннее ознакомление наше с историей войны 1812 г., понимая под этим ознакомлением знание духовной стороны войны, тогдашней политической обстановки, состояния общества и войск 1812 г., их взглядов и настроения, индивидуальных особенностей характера главных деятелей войны, остается еще в области мечтаний и пожеланий.

Уподобимся ли мы в день юбилея тем пяти «мудрым» Евангельским девам, которые, выходя на встречу грядущему жениху, взяли и светильники свои, и масло для них, или же уподобимся другим пяти «неразумным» Евангельским девам, которые, готовясь к встрече того же жениха, взяли

с собой светильники свои, но не взяли для них масла. И когда в полночь раздался крик «се жених грядет, исходите в сретение его», то «мудрыя» девы встретили жениха с горящими светильниками и вошли с ним на брачный пир, а «неразумныя» девы пошли покупать масло для своих светильников, и не могли уже войти на брачный пир, ибо двери были уже заперты [74]. Хорошо, если мы будем иметь нравственное право повторить в день чествования слова великопостного канона: ... «се жених грядет в полунощи и блажен раб его же обрящет бдяща» [75]...

Насколько мне известно, мы, как ни горько в этом сознаться, остаемся ко дню юбилея в неведении фактической стороны Отечественной войны 1812 г. Шуму относительно чествования этого юбилея много, даже очень много; предположений и проектов, в большинстве неосуществимых по их величавой помпезности и сопряженным с этою помпезностью значительным денежным затратам, имеется тоже немало. Вообще же говоря, мы переживаем еще только разговорный период чествования юбилея, а пора бы приняться уже и за дело нашего ознакомления с фактической стороной войны 1812 г.

Необходимые для этого ознакомления первоисточники – подлинные документы 1812 г. – лежат спокойно в архиве и их не только не печатают, но не делают даже и попыток для всестороннего их исследования. Много таких важных во всех отношениях и не исследованных еще военными и историками документов хранится во вверенном мне Московском Отделении Общего Архива Главного Штаба (известном в общезнании и среди ученых и исследователей более под именем Лефортовского архива, по месту нахождения его в московском Лефортовском дворце). Если эти первоисточники не будут полностью опубликованы теперь, когда интерес всех к юбилею Отечественной войны еще не остыл, то опубликования их можно ожидать только в 2012 году, когда, несомненно, будут готовиться к чествованию двухсотлетнего юбилея Отечественной войны.

Но к тому времени эти первоисточники могут и не уцелеть, так как судьба архивных документов подвержена многим случайностям, предвидеть которые или гарантировать от которых документы громаднейшего в России военного архива – дело прямо таки почти невозможное.

А между тем эти первоисточники проливают ясный исторический свет на многие еще не освещенные вполне нашей военной историей темные эпизоды Отечественной войны 1812 г. (например, Смоленская операция с 22 июля по 9 августа 1812 г., Бородинское сражение) и говорят своим правдивым языком, не имеющим ничего общего с льстивым языком реляций, о многих таких эпизодах этой войны, которые донныне еще не известны нашей военной истории (например, боевые действия с 11

по 17 июня 1812 г. от реки Немана до Вильны, не считая сражения при Вилькомире; сражение 22 сентября 1812 г.).

Во всяком случае, те, которые в 2012 году будут готовиться к чествованию двухсотлетнего юбилея Отечественной войны 1812 г., не помянут злом Московский Отдел Императорского Русского Военно-Исторического Общества. Отдел сознает и знает дефекты в истории войны 1812 г., знает средство для устранения этих дефектов, но не может, за отсутствием надлежащих денежных ресурсов, воспользоваться этим средством – не в состоянии напечатать нужные в данном случае документы. Равным образом и тени деятелей и участников войны 1812 г. не могут упрекнуть тот же Отдел в нежелании осветить в надлежащем, строго соответствующем действительности, виде темные еще эпизоды войны 1812 г. или поведать современному обществу о <боевых делах и подвигах> неописанных нашей военной историей боевых делах и подвигах этих деятелей и участников, память о которых да сохранится в роды родов.

Знакомство наше с фактической обстановкой Отечественной войны 1812 г. зиждется пока на знании нами эпизодов, изложенных в наиболее распространенном и наиболее доступном всем сочинении ген. Богдановича «История Отечественной войны 1812 года по достоверным источникам» (издание 1859 г.). Но именно этому сочинению следует доверять далеко не во всем и, сверх того, оно дает описание не всех сражений 1812 г. Эпиграфом к нему можно поставить фразу из соборного приговора 1678 г. в Москве по поводу одного апокрифического жития: «В писании сем не мало, но многое писано неправды, и того ради аще бы отчасти нечто было и праведно писано, ни в чесом же ему верити подобает...» [76].

По заведенному истари обычаю при чествовании юбилеев в собраниях и в заседаниях в день юбилея войны 1812 г. будут прочитаны публичные доклады и рефераты или вообще по этой войне, или об отдельных ее эпизодах, например, только о Бородинском сражении. Все лекторы основываться будут на сочинении генерала Богдановича, то есть «читать по Богдановичу» и неизбежно при этом будут повторять и некоторые его сказки, и в этом отношении я не вижу разницы между лектором офицером Генерального Штаба и лектором из юнейших подпоручиков, которому командир полка поручит сделать доклад в офицерском собрании. Разница в докладах обоих лекторов, пожалуй, будет: если офицер Генерального Штаба, описывая Бородинское сражение и основываясь на сочинении генерала Богдановича, упомянет, что при атаке французами батареи (укрепления) Раевского, саксонская кирасирская бригада «перенеслась» через ров и через бруствер (вал) этого укрепления, то слушатели промолчат, а если то же скажет подпоручик, то слушатели, вероятно, и не пове-

рят возможности такого подвига для кавалерии и при том для кавалерии тяжелой – для рослых, закованных в латы кирасир, сидящих на не менее рослых тяжелых лошадях, неспособных по своим физическим свойствам не только к таким гигантским прыжкам, но и вообще к каким бы то ни было большим прыжкам. Да военная история и не знает примера атаки кавалерией полевых укреплений не с горжи, т.е. не с тыла укрепления, ничем обыкновенно не защищаемой, а со стороны его фасов, т.е. со стороны наружного рва и вала. Примеры атаки кавалерией окопов, т.е. самых простейших небольших земляных заслонов для стрелков, имеются. Напр., Лейб-гвардии Гусарский полк успешно атаковал под Телишем в 1877 г. турецкие окопы. Но атака кавалерией окопов и атака ею же сильных полевых укреплений с их фронта далеко не одно и то же.

Насколько вообще <можно> следует доверять сочинению генерала Богдановича, можно судить по следующим данным.

Он, например, не только не описал весьма важного для нас (да и для французов тоже) сражения 22 сентября 1812 г., но даже и не упомянул об этом сражении. Это сражение, признанное и самим кн. Кутузовым «важным сражением», происходило на участке старой московско-калужской дороги между селом Вороновым и деревней Винкова (деревня Чернишина тоже) и действительно весьма важно во всех отношениях: и по количеству войск, участвовавших в нем с нашей стороны, и по их потерям (особенно, если принять во внимание тогдашний слабый численный состав наших войсковых частей), и по своим конечным результатам – и нравственным и стратегическим. Впервые 1 Западная армия (не считая корпуса Витгенштейна, успешно действовавшего против французов) увидела, что отступили не мы, а французы. Стойкость и мужество сражавшихся 22 сентября наших войск дали армии князя Кутузова, только что прибывшей на позицию при Тарутине, остаться на этой позиции.

Именно это сражение 22 сентября 1812 г., а не Бородинское сражение, явилось кризисом войны 1812 г. и оказало весьма важное влияние на дальнейший ход ее, имевший столь роковые последствия для французов: 6 октября князь Кутузов перешел в наступление и затем начал преследовать и теснить французов до тех пор, пока окончательно не вытеснил из России остатков Великой Армии. Следовательно, это «важное» сражение 1812 г. подлежит самому тщательному с нашей стороны изучению, самому возможно широкому и полному освещению.

Краткий отчет о забытом военной историей сражении 22 сентября 1812 г. я имел честь сделать и в Отделе и в Московском Кружке ревнителей памяти 1812 г. [77].

Производя дальнейшие архивные розыски, я собрал необходимые данные и еще о сорока семи крупных и важных сражениях 1812 г. (действия неболь-

ших отрядов здесь в счет не идут), не описанных генералом Богдановичем, который только об очень немногих из числа этих сражений упоминает в своей «Истории». Оценка важности этих сражений и перечень их не входят в программу моего доклада, но я полагаю, что историк войны 1812 г. не имел права обойти обидным молчанием в своей истории эти сражения, почему и составленная им история не только не полная, но и в некоторых своих местах даже дающая неправильное представление о ходе военных действий.

Например, генерал Богданович крайне поверхностно описал отступление наших 1 и 2 Западных армий от города Смоленска до деревни Шевардина в течение 8–23 августа, и из его описания читатель получит неверный взгляд на это отступление: согласно описания генерала Богдановича обе армии отступали спокойно, не тревожимые французами, и только кое-когда происходили незначительные стычки нашего арьергарда с французским авангардом. На самом же деле, наши арьергарды генерала Платова и барона Розена, весьма сильные по своему численному составу и постоянно подкрепляемые новыми войсковыми частями из главных сил, чуть не ежедневно с утра до позднего вечера, а иногда и ночью, задерживали натиск французов и выдерживали упорные и кровопролитные сражения, из которых ген. Богданович не описал ни одного, несмотря на всю их важность и на всю их поучительность в тактическом отношении (умелое пользование родами оружия, искусное применение войск к местности, ночные бои при освещении местности и противника светящимися ядрами, действия в пешем строю казаков и кавалерии, казачьи лава и «вентерь»). Из числа этих сражений генерал Богданович упомянул только о некоторых.

Большой или меньший успех боевых действий арьергардов генерала Платова и барона Розена всецело отражался на отступлении наших 1 и 2 Западных армий. Так, и сильную нашу позицию при селе Цареве-Займище князь Кутузов вынужден был оставить не потому, что она оказалась невыгодной для обороны, хотя эта позиция и являлась, и считалась в 1812 г. лучшей оборонительной позицией на всем пространстве от Смоленска до Москвы, а потому, что и генерала Платова и барона Розена уже с трудом сдерживали напор французов и, находясь сравнительно в недалеком расстоянии от наших главных сил, могли втянуть эти силы в решительное (генеральное) сражение, которого князь Кутузов тогда избегал.

Может быть для военной истории и безразлично, все ли решительно сражения какой-либо кампании будут описаны или только некоторые избранные из них, но в истории Отечественной войны 1812 г. пропуск описания 48 сражений является весьма существенным недостатком по нижеследующей причине.

В Москве имеется величественный вещественный памятник Отечественной войны 1812 г. – храм Христа Спасителя, который, помимо его значения как храма, воздвигнутого в память этой войны, является и великим военно-историческим памятником той же войны, так как на мраморных памятных плитах этого храма увековечены сражения 1812 г., войска, участвовавшие в них, фамилии Георгиевских кавалеров, фамилии убитых и раненых в этих сражениях генералов и офицеров.

Крайне обидно, что в надписях на памятных плитах встречается масса неправильностей, неточностей и даже аномалий. Но не менее того обидно и незанесение на эти плиты сражений, не описанных генералом Богдановичем, чинов и фамилий убитых <в эти> и раненых в этих сражениях генералов и офицеров, наименований войсковых частей, доблестно подвизавшихся в тех же сражениях. Вследствие пропуска многих сражений в сочинении генерала Богдановича, на памятных плитах храма Христа Спасителя отсутствуют фамилии свыше 300 генералов и офицеров, убитых и раненых в забытых и не описанных нашей военной историей сражениях.

Полагаю, что раз постановлено занести на эти плиты фамилии всех убитых и раненых в 1812 г. генералов и офицеров, то такое постановление и должно быть выполнено точно, а между тем оно выполнено только отчасти и очень небрежно: часть убитых и раненых в 1812 г. генералов и офицеров занесена на памятные плиты, часть не занесена. Справедливо ли это и не обидно ли такое отношение к памяти участников войны 1812 г. для нынешних их потомков и родственников?

Из вышеизложенного очевидно, что храм Христа Спасителя в Москве нельзя считать вещественным военно-историческим памятником войны 1812 г. до тех пор, пока текст надписей на находящихся в этом храме памятных плитах не будет исправлен и дополнен вполне и по надлежащему.

Другим источником, из которого не только можно бы, но и следовало бы черпать необходимые сведения для нашего ознакомления с фактической стороной Отечественной войны 1812 г., являются печатаемые отдельными выпусками документы Военно-Ученого Архива Генерального Штаба под общим заглавием «Отечественная война 1812 г.».

Ныне вышли в свет том XIII (боевые действия в июне) и том XIV (боевые действия в июле). Подзаголовок этих томов – «боевые действия» – не соответствует содержанию напечатанных в тех же томах документов: весьма значительная часть их совершенно не касается боевых действий в июне и июле 1812 г. и относится к категории документов, трактующих о подготовке к войне, о тайной агентуре, об организации и о передвижениях войск.

В этих томах нет, например, документов о переправе французов в июне через реку Неман, а из реляций о сражениях напечатаны только две реляции графа Витгенштейна о сражении 16 июня при городе Вилькомире. Очевидно, что в Военно-Ученом Архиве Генерального Штаба нет <более> документов по боевым действиям в июне и в июле 1812 г.

Такова в общих чертах, конечно, характеристика главнейших источников, из которых мы ныне можем воспользоваться сведениями о фактической стороне войны 1812 г. Неполнота этих источников служит причиной и неполноты знания нами этой стороны.

В доказательство слабого знания нами фактической стороны войны 1812 г. приведу несколько данных, но предупреждая заранее, что эти данные основываются не на военно-исторических сочинениях по истории войны 1812 г., а на подлинных документах 1812 г., хранящихся во вверенном мне Архиве, или малоисследованных, или и совсем неисследованных нашими военными историками. Я, согласно инструкции, не имею права выносить на сторону документы архива и по сему не имею возможности предъявить их слушателям в доказательство излагаемых мною фактов, но желающие убедиться документально в этих фактах могут пожаловать в Лефортовский архив.

Начну с того, что в течение войны 1812 г. с нашей стороны действовали не четыре, а шесть армий. Дольше еще полагают, что действовали у нас в 1812 г. армии: 1 Западная (генерала Баркляя де Толли), 2 Западная (князя Багратиона), 3 Резервная Обсервационная (генерала Тормасова) и Дунайская (адмирала Чичагова). В действительности же, кроме этих четырех армий существовали и действовали 1 Резервная армия (генерала Меллер-Закомельского, впоследствии генерала Эссена 1), и 2 Резервная армия (генерала Эртеля), причем последняя своею численностью превосходила даже 2 Западную армию. И Резервная Обсервационная армия именовалась еще и третьей не потому, что существовали 1 и 2 Западные армии, а потому, что существовали 1 и 2 Резервные армии.

Хотя эти последние армии и были вскоре наименованы 1 и 2 Резервными корпусами, но ни численный их состав, ни их важное стратегическое значение не уменьшились с такого переименования и они, именуясь корпусами, продолжали самостоятельно действовать на отдельных театрах войны 1812 г. и выполнять свои самостоятельные стратегические задачи.

Несмотря на такую важность этих двух корпусов (армий), действия их обеих описаны весьма поверхностно нашей военной историей и мы, вследствие этого, почти ничего не знаем о боевых действиях корпусов (армий) генерала Эссена 1 и Эртеля, которые не значатся и на памятных

плитах храма Христа Спасителя. А много славных боевых дел совершили эти корпуса (армии).

Неосновательно приписывать князю Кутузову идею осуществления народной войны, а подполковнику Давыдову инициативу партизанской войны. И народная, и партизанская война, эти два могучие средства в борьбе нашей в 1812 г. с французами, обязаны и своей идеей, и своим осуществлением, и своим развитием одному только генералу Барклаю де Толли: князь Кутузов только впоследствии, при отступлении французов из Москвы, воспользовался испытанным на практике опытом генерала Барклая де Толли по ведению народной и партизанской войны и применил этот опыт у себя на деле, но обе эти войны возникли, как увидим ниже, задолго до того времени, когда князь Кутузов воспользовался ими в районе, занятом его армией.

Первыми в 1812 г. открыли народную войну против французов потомки былых «порубежников» – смелые и решительные смоляне, всячески поддерживаемые и инспирируемые в этом великом деле народной обороны против французов генералом Барклаем де Толли. Особенно сильно начала проявляться народная война смолян с 20 июля 1812 г., то есть со дня прибытия армии генерала Барклая де Толли к Смоленску, но началась она несколько ранее, почти одновременно со вступлением этой армии в пределы Смоленской губернии.

Из Смоленской губернии волна народной войны перекатилась в соседний Мосальский уезд Калужской губернии, а затем распространилась и по всей этой губернии. Первыми инициаторами народной войны в Мосальском уезде были крестьяне помещика Нарышкина – сокольничий Василий Половцов и бурмистр Федор Анофриев. Они сформировали отряд из 300 вооруженных крестьян и действовали с ним так успешно и умело, что оба были награждены Георгиевскими крестами.

Равным образом и первые по времени наши партизаны появились и действовали в 1812 г. не по идее князя Кутузова и не в районе его армии, а по идее генерала Барклая де Толли и в районе его же 1 Западной армии.

Генерал Барклай де Толли после соединения 1 и 2 Западных армий при Смоленске вознамерился перейти в наступление против левого фланга французской армии и для овладения пространством на этом фланге между городами Велижею и Суражем назначил сильный кавалерийский отряд генерала Винценгероде, который немедленно и успешно открыл свои действия против французов. В ночь с 26 на 27 июля генерал Барклай де Толли получил уже важное известие от генерала Винценгероде из города Велижа о намерении Наполеона двинуться из города Поречья к Смоленску и отрезать нам путь отступления к Москве. Это-то известие, оказавшееся

вполне верным, заставило генерала Барклея де Толли отказаться от перехода в наступление и стянуть опять обе наши армии к Смоленску, где и произошли затем сражения 4 и 5 августа.

Отряд генерала Винценгероде, разбившись на маленькие отряды, действовал во все время Отечественной войны на весьма обширном районе и причинил немало бед французам. Когда генерал Винценгероде в начале октября был взят в плен, то его отряд был поручен генерал-фельдмаршалу Голенищеву-Кутузову.

Никто из военных историков не именуется отряд генерала Винценгероде партизанским отрядом, но по задачам, лежавшим на нем, по образу его действий, этот отряд был безусловно партизанским отрядом и при том первым по времени нашим партизанским отрядом в 1812 г.

Как бы то ни было, но наши знаменитые партизаны 1812 г. Давыдов, Дорохов, Сеславин, Фигнер, Кудашев появились и начали действовать только в сентябре 1812 г. (один набег Дорохова был в августе), в период расстройств и нравственного упадка французской армии, партизанский же отряд генерала Винценгероде появился и действовал уже 23 июля 1812 г. в период могущества и силы французской армии.

В подтверждение высказанного мною мнения о слабом знании нами фактической стороны войны 1812 г., я приведу еще несколько фактов, касающихся Бородинского сражения.

Для большинства война 1812 г. олицетворяется Бородинским сражением, признаваемым всеми великим и даже святым событием, касаться которого считается чуть ли не <святотат> кощунством, и внешнее проявление чествования юбилея Отечественной войны сводится, как кажется, к чествованию Бородинского сражения. Но если на это сражение посмотреть не с точки зрения большинства, а под углом зрения исторической истины, то окажется, что оно было великим и святым событием только в духовном или в моральном отношении, так как значительно и сильно подняло дух и войск и народа в 1812 г. Да, это было великое солдатское и народное событие (Наполеону не удалось разбить окончательно нашу армию), но в тактическом, а тем более в стратегическом, отношении бородинское сражение отнюдь не было великим событием.

Несмотря на то, что большинство считают Бородинское сражение великим событием 1812 г. во всех решительно отношениях [78], мы и ныне очень мало знаем правды о нем: многие его эпизоды, не освещенные надлежащим образом нашей военной историей, остаются и донныне темными и загадочными, а некоторые эпизоды так и продолжают оставаться неизвестными. Хотя генерал Богданович и признает в своем вступлении к описанию Бородинского сражения, что описание его «изложено не сов-

сем удовлетворительно даже в лучших военно-исторических сочинениях», тем не менее он и сам не изобразил в своем сочинении этой важной и при-снопамятной битвы достойно ее великого значения, то есть не дал вполне правдивого описания этой битвы и не выяснил некоторые, темные еще и до сих пор, ее эпизоды.

Прежде всего, надо решить вопрос – бородинское сражение было нашей победой или нашим поражением? [79].

Князь Кутузов в своей реляции (донесении) Императору Александру I о Бородинском сражении написал, как истинный верноподданный, всю правду об этом сражении и все в реляции князя Кутузова справедливо, кроме фразы, будто бы «**неприятель** нигде не выиграл ни на шаг земли» [80]. В своей реляции князь Кутузов называет Бородинское сражение «кроваполитнейшим», доносит о расстройстве своей армии в сражении, невозможности ей удержаться на бородинской позиции, об отступлении ее с этой позиции на 6 верст (расстояние по тому времени, когда артиллерия могла открывать огонь только за версту, а пехота лишь с 300–500 шагов большое между сражающимися сторонами), о полном почти израсходовании боевых припасов (патронов и снарядов).

Это подлинное донесение князя Кутузова было радикально изменено, не было опубликовано, и посему не только публике, но и нашим и иностранным историкам в 1812 г. стал известен вариант донесения Государю князя Кутузова, в котором уже не заключаются подлинные вышеупомянутые фразы князя Кутузова, вследствие чего ставший известным в 1812 г. публике вариант давал представление о нашей победе в Бородинском сражении, тогда как из подлинного донесения князя Кутузова нельзя вывести заключение о наличии этой победы.

Текст подлинного донесения князя Кутузова напечатан в «Истории Отеч[ественной] войны 1812 года» генерала Богдановича, причем строки этого текста, не ставшие достоянием публики 1812 г., напечатаны курсивом.

И наши и иностранные военные историки единогласно утверждают, что донесение князя Кутузова Государю о Бородинском сражении было умышленно изменено, но не объясняют, кто именно изменил текст этого донесения.

Виноват в изменении текста донесения князя Кутузова **всесильный граф Аракчеев**, который 30 августа 1812 г. прислал управляющему Военным Министерством генерал-лейтенанту князю Горчакову I для опубликования не подлинное донесение князя Кутузова о Бородинском сражении, а переделанный им, то есть графом Аракчеевым, текст этого донесения.

Из сопоставления между собою двух хранящихся в Лефортовском архиве указанных документов (официальной копии донесения князя Кутузова и варианта графа Аракчеева) явствует, что граф Аракчеев умышленно изменил текст подлинного донесения тем, что исключил из него вышеприведенные фразы и добавил фразу «ночевав на месте сражения» [81].

Такое существенно измененное графом Аракчеевым донесение князя Кутузова было напечатано, по распоряжению князя Горчакова I, во всеобщее сведение в №70 газеты «Северная Почта» от 31 августа 1812 г. В таком же измененном виде донесение князя Кутузова было прочитано во всеуслышание 30 августа 1812 г. в соборе Александро-Невской Лавры после литургии, на которой присутствовали Император Александр I и обе Императрицы.

*Вот почему **стоустая молва** [82] и приписала нашей армии решительную победу под Бородином. Виновником же создания и распространения **легенды о нашей** [83] победе в Бородинском сражении является граф Аракчеев.*

Было ли доложено Государю подлинное донесение князя Кутузова – неизвестно. Генерал А. П. Ермолов, начальник Главного Штаба армии князя Кутузова, пишет в своих записках, что «неприятель одержал победу, не соответствующую его ожиданию», и что «Государю представлено донесение о совершенной победе», одержанной нами.

Фраза в донесении князя Кутузова – «неприятель нигде не выиграл ни на шаг земли» – так и остается фразой, не имеющей фактического основания [84].

Под конец Бородинского сражения наши войска не только были вынуждены оставить первоначальную свою Бородинскую позицию, но и были «оттеснены» французами на вторую позицию, не представляющую для нас никаких выгод в оборонительном отношении, почему князь Кутузов приказал им оставить и эту вторую позицию и отступить до города Можайска [85]. Генерал Барклай де Толли это приказание «получил в полночь», следовательно, князь Кутузов еще до наступления полночи решился отступить и по сему его армия никоим образом не могла «ночевать на поле сражения». Некоторые же наиболее пострадавшие в сражении войска вынуждены были отступить сами, до получения этого приказа, то есть сейчас же по окончании сражения.

В тактическом отношении значение Бородинского сражения ничтожно – во время сражения встречались технические промахи с нашей стороны [86], Бородинская позиция была нами оставлена, в резерве у князя Кутузова не имелось ни одного солдата, почти все патроны и заряды были израсходованы. Так же ничтожно значение этого сражения и в стратеги-

ческом отношении [87], ибо оно не оказало никакого решительно влияния на дальнейший ход войны 1812 г.: и после Бородинского сражения продолжалось отступление нашей армии, по прежнему ее теснили французы, Москва была оставлена нами без боя.

В духовном же или в моральном отношении победа в Бородинском сражении была, безусловно, наша: французам не только не удалось разбить окончательно «остатки армии» князя Кутузова (подлинное его выражение в донесении Государю 9 сентября 1812 г.), но и поколебать дух этих остатков [88]. Святость подвига русского солдата в Бородинском сражении выше всякой похвалы: он был готов вполне продолжать и окончить бородинское сражение, но приказание кн. Кутузова об отступлении лишило нашего героя-солдата возможности проявить на деле такую его готовность.

Не менее интересным является вопрос, как следует по настоящему называть укрепление Раевского, какого типа было это укрепление, и существовало ли оно в действительности во все время Бородинского сражения.

На том центральном холме поля нашей Бородинской позиции, где ныне возвышается величественный монумент, освященный 26 августа 1839 г. в память этого сражения, находилось в начале Бородинского сражения укрепление, слышущее не только среди читающей публики, но и среди ученых и историков «батарея Раевского», то есть полевое укрепление, предназначенным для его занятия и обороны исключительно только одной артиллерией.

Двадцать второго августа 1812 г. предполагено было у нас построить на этом холме сильное полевое укрепление, но предположение это осталось не выполненным до ночи с 24 на 25 августа 1812 г., когда на холме действительно стали насыпать не «батарею», а люнет с двух исходящих углов, то есть полевое укрепление, предназначенное для его занятия и обороны [89] пехотой совместно с артиллерией. К утру 25 августа эта работа, по неизвестной причине, была приостановлена и в результате на вершине холма **явилась бесформенная земляная насыпь** с выемкою вместо рва впереди нее – куча земли, в половину требуемой высоты, беспорядочно набросанная к стороне неприятеля.

После полудня 25 августа вновь приступили к окончанию постройки этого люнета, но так как назначенные для **работ ратники не имели ни лопат, ни кирок** и для руководства их работами не были присланы пионеры, то в сборе инструмента и в назначении пионер прошло два часа и посему строить люнет начали только около **5 часов пополудни 25 августа** Ратники не умели плести туры и вязать фашины, вследствие чего до рассвета успели приготовить **в люнете амбразуры только для 10 орудий,**

а вскоре за сим, с первым пушечным выстрелом французов, все работы по постройке люнета прекратились и он, будучи в полу готовом виде, не мог служить преградой не только для французской пехоты, но и для французской кавалерии, которой легко можно было взъезжать и съезжать через ров и вал полу оконченного люнета.

Когда же французская пехота генерала Бонами овладела первый раз этим люнетом и была затем вытеснена из него генералом Ермоловым, то вал и ров люнета оползли (осыпались) так, что не могли уже представлять абсолютно никакой преграды для вторичного захвата французами люнета и саксонские, и французские кирасиры действительно ворвались в пространство, огороженное невысокой кучей земли, но не «перенеслись», как пишет генерал Богданович, через ров и бруствер (вал) люнета, уже не существовавшие к моменту атаки его французской кавалерией.

В Саксонском военном министерстве (в Дрездене) имеется картина, изображающая атаку этого люнета саксонской кирасирской бригадой генерала Тилеманна – пресловутый люнет на этой картине не изображен, вместо него изображены небольшие бесформенные кучи земли.

Таково было в действительности то злополучное укрепление, которое все историки называют большим и сильным и при том называют его весьма различными фортификационными терминами, то «батареей», то «люнетом», то «редутом», что не одно и то же. Например, генерал Богданович в своем описании Бородинского сражения упоминает об этом укреплении десятки раз и каждый раз называет его различно, что, не выясняя сути, только затрудняет чтение.

Занимала и защищала в день Бородинского сражения этот люнет батарея № 26 рота (то есть батарея) 26 артиллерийской бригады под начальством своего командира подполковника Шульмана 2, который вместе с тем был и комендантом люнета. Рота эта, именуемая ныне 1 батареей 11 артиллерийской бригады, оказала чудеса храбрости при обороне защищаемого ею люнета.

Из сказанного следуют выводы: 1) с 5 до 12 часов утра Бородинского сражения в центре нашей позиции существовала не «батарея», а существовал «люнет» о двух исходящих углах (однофасный с двумя фланками); 2) люнет этот к началу боя был в полу готовом виде; 3) после первого взятия его французами и отбития затем его генералом Ермоловым и полковником Монахтыным, люнет перестал существовать, ибо вал его осыпался и завалил собою ров; 4) люнет этот должен называться, по фамилии его коменданта «Шульманским люнетом», а не «батареей Раевского».

С отбитием генералом Ермоловым у французов этого люнета связана всем известная легенда, повествующая о титаническом, почти полу

баснословном подвиге генерала Ермолова. Фабула легенды заключается в том, что генерал Ермолов, видя люнет в руках двух французских дивизий генералов Брусье и Морана [90], взял батальон Уфимского пехотного полка и лично повел его в атаку на люнет. Атаку Уфимцев поддержали подоспевшие остатки 18, 19 и 40 егерских полков и люнет был не только [91] взят нами обратно, но и удержан нами, несмотря на неоднократные упорные контратаки на люнет двух французских дивизий. Как могли семь слабых численно наших батальонов, нравственно уже обескураженных отступлением отбить люнет у двух французских дивизий (24 батареи) [92] и защищать его еще почти четыре часа против тех же двух французских дивизий? Подвиг не под силу семи нашим слабым и численно, и нравственно батальонам.

Дело же объясняется очень просто документами, неизвестными еще историкам: одновременно с контратакою генерала Ермолова на люнет повел контратаку на тот же люнет по своей инициативе и начальник штаба 6 пехотного корпуса полковника Монахтин с 7-й пехотной дивизией (12 батальонов). В то же самое время 2 пехотный корпус генерала Баггувута переходил с правого фланга нашей позиции на левый, и генерал Барклай де Толли задержал временно 4-ю пехотную дивизию этого корпуса (12 батальонов) для выручки люнета и для поддержки войск генерала Ермолова и полковника Монахтина.

Успеху атак генерала Ермолова и полковника Монахтина сильно помогло еще одно обстоятельство, тоже до сих пор не исследованное вполне нашей военной историей: атаман Платов со своим казачьим отрядом зашел в тыл левого флага французской армии и довольно сильно смял его, вследствие чего Наполеон, полагая, что его левый фланг атакован значительными нашими силами, прекратил на некоторое время (почти на два часа) атаку люнета, и это в свою очередь оказало огромное влияние на ход Бородинского сражения – русские войска успели устроиться, к люнету подошли части из резерва, а 4 пехотный корпус перешел с правого фланга нашей позиции и расположился между люнетом и деревни Семеновской.

Все без исключения историки приписывают только одному генералу Ермолову честь отбития нашего люнета у французов и не объясняют, как ему удалось совершить такой подвиг. Из вышеизложенного же явствует, что слава этого подвига должна быть разделена между генералом Ермоловым и полковником Монахтиным, но так как последний во время отбития им люнета у французов был смертельно ранен и вскоре скончался, то с его смертью умерло, и воспоминание об его подвиге и только архивные документы хранят память о нем.

Программа моего доклада и недостаток времени лишают меня возможности привести еще несколько фактов, подобных уже сказанным.

Не могу, однако, умолчать о том, что нам существенно необходимо определить, какие именно войсковые части какие занимали и полили своей кровью пункты поля Бородинского сражения. Необходимо же такое определение потому, что полки и батареи собираются воздвигнуть на таких пунктах особые памятники, тип которых еще не выработан, а так как расположение войсковых частей в день Бородинского сражения не только не установлено точно нашей военной историей, но и в некоторых случаях означено не верно, то полки и батареи, руководствуясь имеющимися в военной истории сведениями, очень легко могут воздвигнуть свои памятники не на тех пунктах, на которых они действовали в бородинском сражении, что будет делом неверным исторически и по сему крайне нежелательным.

Затем не могу не доложить, что будет в высшей степени несправедливо, если в день чествования юбилея Отечественной войны 1812 г. на Бородинском поле, будут, как я слышал, чествовать и поминать только одних наших Бородинских героев.

Такое чествование и такие поминки должны быть посвящены не только одним Бородинским героям исключительно, но и всем решительно участникам войны 1812 г. И по этим участникам тоже надлежит творить на Бородинском поле поминки, или по-славянски «править тризну», так как и они не менее бородинских героев заслужили неоспоримое право на нашу память о них доблестным своим участием во многих боях 1812 г., несравненно важнее Бородинского боя, который, в сущности, был не нашей победой, а нашим поражением.

Этим заканчиваю первую часть своего доклада и перехожу к изложению второй его части [93], касающейся Немано-Виленской операции с 11 по 17 июня 1812 г. [94].

Полковник Поликарпов

Литература и источники. Комментарии

1. Михайловский-Данилевский А.И. Описание Отечественной войны в 1812 году. СПб., 1839. Ч. 1–4.; Троицкий Н.А. 1812: Великий год России. М., 1988; Он же. Отечественная война 1812 год: История темы. Саратов, 1991; Шенин И.А. Война 1812 года в отечественной историографии. М., 2002.

2. Бутурлин Д.П. История нашествия императора Наполеона на Россию в 1812 году. СПб., 1837. Ч. 1; СПб., 1838. Ч. 2; Богданович М. И. История Отечественной войны 1812 года по достоверным источникам. СПб., 1859. Т. 1–3.

3. Пыпин А. Н. Исследования и статьи по эпохе Александра I. Пг., 1918. Т. III: Общественное движение. С. 291.

4. Алексеев В. П. Отечественная война в русской исторической литературе // Отечественная война и русское общество. М., 1912. Т. VII. С. 300.
5. Там же. С. 299.
6. Там же. С. 299–300.
7. Симанский П. Н. Отечественная война: (работы по обнаружению документов). Варшава, 1902. С. 2.
8. Русский инвалид. 1911. 8 апр.
9. Богданов Г. В. К истории собирания русских военных архивов // Вопросы архивоведения. 1964. № 4.
10. Самоквасов Д.Я. Архивное дело в России. М., 1902. Кн. первая: Современное русское архивное нестроение, 1852–1902. С. 55.
11. Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 799. Оп. 1. Д. 858. Л. 44.
12. Там же. Л. 44–44 об.
13. Там же. Л. 34 – 34 об.
14. РГВИА. Ф. 400. Оп. 42. Д. 39. Л. 32. Ф. 799. Оп. 1. Д. 858. Л. 46 об.–47.
15. РГВИА. Ф. 400. Оп. 42. Д. 39. Л. 46, 46 об.
16. РГВИА. Ф. 400. Оп. 21. Д. 4134. Л. 71.
17. Там же. Л. 70–71.
18. РГВИА. Ф. 492. Оп. 1. Д. 101. Л. 35.
19. РГВИА. Ф. 400. Оп. 42. Д. 39. Л.1 об., 2.
20. РГВИА. Ф. 400. Оп. 21. Д. 4134. Л. 71.
21. Там же. Л. 72.
22. РГВИА. Ф. 400. Оп. 21. Д. 3624. Л. 1, 1 об.
23. Там же.
24. РГВИА. Ф. 400. Оп. 21. Д. 3827. Л. 1.
25. Там же.
26. РГВИА. Ф. 400. Оп. 21. Д. 3827. Л. 11.
27. Там же.
28. РГВИА. Ф. 400. Оп. 21. Д. 3827. Л. 13.
29. РГВИА. Ф. 400. Оп. 21. Д. 3827. Л. 45.
30. РГВИА. Ф. 400. Оп. 42. Д. 370. Л. 32.
31. РГВИА. Ф. 799. Оп. 1. Д. 1583. Л. 39 об., 40.
32. РГВИА. Ф. 799. Оп. 1. Д. 1581, 1582, 1586, 1588, 1590.
33. РГВИА. Ф. 799. Оп. 1. Д. 1582. Л. 2, 19–20, 21–27.
34. РГВИА. Ф. 400. Оп. 21. Д. 3987. Л. 11. Кроме того, отметим, что перу Н.П. Поликарпова принадлежит «Боевой календарь – ежегодник Отечественной войны 1812 года».
35. Там же.
36. Там же. Л. 7 об.
37. Там же.
38. РГВИА. Ф. 799. Оп. 1. Д. 1582. Л. 13 об.
39. Там же. Л. 56, 56 об.
40. Там же.

41. Там же.
42. РГВИА. Ф. 400. Оп. 42. Д. 160. Л. 8 об.
43. РГВИА. Ф. 400. Оп. 21. Д. 3827. Л. 15.
44. Там же.
45. РГВИА. Ф. 400. Оп. 21. Д. 370. Л. 34.
46. Исторический вестник. 1910. Т. 122. С. 1034–1057.
47. РГВИА. Ф. 400. Оп. 42. Д. 370. Л. 34 об.
48. РГВИА. Ф. 400. Оп. 21. Д. 3987. Л. 14.
49. Там же. Л. 13 об.
50. Там же. Л. 63, 64.
51. Там же. Л. 74.
52. Там же. Л. 69.
53. Там же. Л. 71.
54. Там же. Л. 9 об.
55. Там же.
56. Там же. Л. 21.
57. Там же.
58. Там же. Л. 21 об.
59. РГВИА. Ф. 400. Оп. 42. Д. 370. Л. 34 об.
60. РГВИА. Ф. 400. Оп. 21. Д. 3987. Л. 7.
61. Боевой календарь-ежегодник Отечественной войны 1812 года. М., 1913. Ч. 1. С. VI.
62. Там же. С. V.
63. Самоквасов Д. Я. Архивное дело в России. М., 1902. Кн. первая: Современное русское архивное нестроение, 1852–1902. С. 241.
64. РГВИА. Ф. 799. Оп. 1. Д. 1740. Л. 1–1об.
65. Там же. Ф. 400. Оп. 21. Д. 4134. Л. 12 об.
66. Там же. Л. 16.
67. Там же. Л. 37–38 об.
68. Там же. Л. 41–41 об.
69. Там же.
70. Там же. Л. 50–50 об.
71. Там же. Л. 56 об.
72. Там же. Л. 69–76 об.
73. Давыдов Б. Б. Архивист Божьей милостью... (Н.П. Поликарпов) // Дворец и архив: Сборник материалов и документов. М., 2001. Вып. III. С. 394.
74. Пересказывается притча о десяти девах из Евангелия от Матфея. Мф. 25; 1–13.
75. Троиць постная.
76. Вероятнее всего, имеется в виду приговор Церковного Собора 1677–1678 г. Собор рассматривал дело об освидетельствовании мощей святой благоверной княгини Анны Кашинской и постановил упразднить ее почитание как святой. Обращает на себя внимание тот факт, что ранее цитата, приводимая Н.П. Поликарповым, была использована И.П. Липранди в качестве эпитафии к сочинению «Война 1812 года: Замечания на книгу «История Отечественной войны 1812 года

по достоверным источникам / Соч. ген.-майора Богдановича» (СПб., 1859–1860) со ссылкой «Соборный приговор 1678 г. об одном апокрифическом Житии». Источник цитирования не установлен.

77. Доклад о сражении опубликован: Журналы Императорского Русского военно-исторического общества за 1911 год. Кн. 2. Разд. IV: Доклады в собраниях общества. СПб., 1911. С. 1–10.

78. Замечание Михневича на полях: «И даже бедный Наполеон считал его таким».

79. Замечание Михневича на полях: «История давно это решила».

80. Замечание Михневича на полях: «верно – т. к. он отступил за р. Колочу».

81. Замечание Михневича на полях: «Действительно Платов ночевал на поле сражения».

82. На полях Михневичем поставлен вопросительный знак.

83. На полях Михневичем поставлен вопросительный знак.

84. Замечание Михневича на полях: «Верная фраза».

85. Замечание Михневича на полях: «И французы очистили занятую собой позицию и атаку на 2-ю позицию решили произвести на следующее утро».

86. Замечание Михневича на полях: «И со стороны Наполеона отмечают промахи».

87. Замечание Михневича на полях: «Ермолов смотрел иначе».

88. Замечание Михневича на полях: «Так это и есть самое важное на войне».

89. Слова «и обороны» вписаны над строкой автором документа.

90. Замечание Михневича на полях: «вздор». В данном случае трудно сказать относится ли замечание ко всему предложению или к какой-то его части.

91. Слова «не только» вписаны над строкой Н. П. Поликарповым.

92. Замечание Михневича на полях: «Разве две дивизии Могли занимать не-большой люнет?».

93. В деле отсутствует.

94. Резолюция Михневича (синим карандашом): «Документальные данные приведены верные, но оценка фактов не умелая: надо понимать значение слов часто не точно обрисовывающих действительность. В этом и заключается работа историка. Война 1812 г. такое огромное историческое событие и так всесторонне изучена и объяснена многими серьезными историками, что попытка установить на нее новую точку зрения – задача неблагодарная, если не сказать хуже».

А.А. Смирнов*

**«ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1812 ГОДА И РУССКОЕ ОБЩЕСТВО»
(к юбилею выхода в свет выдающегося памятника
исторической мысли)**

Под влиянием военных событий начала XX в. в мире, а также приближающегося столетия Отечественной войны 1812 г., значительных мероприятий по усилению оборонного могущества страны военные вопросы в самом широком их понимании и историческом аспекте приобрели особый интерес в различных кругах русского общества. Это подвигло известного издателя И.Д. Сытина на создание «Военной энциклопедии», объединившей в себе и органически связавшей воедино все важнейшие сведения по различным отраслям военных знаний, которая в преемственной связи настоящего с прошлым осветила все вопросы бытования вооруженных сил и, популяризируя знания, необходимые как воину, так и гражданину, давала материал для всестороннего и верного суждения о военном деле от его зарождения до дней издания энциклопедии. Только имея под рукой добротный справочный материал, каждый интересующийся получит возможность правильно и полно судить о явлениях, совершающихся в многогранной области военной деятельности человеческого общества, являющейся частью культуры человечества на всем протяжении его эволюции, тесно связанной со всеми другими направлениями функционирования этого общества. Закрепив на своих страницах все добытое разумом и опытом человека в течение определенного исторического периода времени, энциклопедия дает мощный толчок к дальнейшему познанию мира, к новым взлетам человеческой мысли и духа. Фиксируя все достигнутое во всей его полноте и разнообразии, энциклопедия знаменует или подводит итог целой эпохи. Энциклопедии делают эпоху. Именно в этом огромная значимость энциклопедического коллективного труда ученых. Всего за два года с начала издания, т. е. за 1911 и 1912 гг. увидели свет десять томов «Военной энциклопедии».

*Смирнов Александр Александрович (Москва) – главный научный сотрудник Государственного Исторического музея, председатель Кружка ревнителей памяти 1812 г., составитель многотомного сборника научных трудов «Эпоха 1812 года: Исследования. Источники. Историография» (М., 2002–2012), соавтор энциклопедий «Отечественная война 1812 года» (М., 2002) и «Заграничные походы русской армии 1812–1814 годов» (М., 2011), автор многочисленных публикаций по истории Отечественной войны 1812 г.

Параллельно с «Военной энциклопедией» И.Д. Сытин задумал и осуществил издание многотомного, не менее грандиозного, коллективного труда энциклопедического характера «Отечественная война и русское общество». Однако в этой ситуации сегодня возникает вопрос: «Что же помешало И.Д. Сытину создать и издать “Энциклопедию Отечественной войны 1812 года”?». При наличии «Военной энциклопедии» «Энциклопедия Отечественной войны 1812 года», вероятно, во многом дублировала бы ее, что, несомненно, подорвало бы ценность последней. Вместе с тем столетие Отечественной войны требовало подвести определенный итог комплексного изучения событий 1812 г., которым к этому времени было посвящено около 2 500 историографических работ. Правда, это были произведения различного характера, научной значимости, достоверности материала, объективности содержания и направленности.

Первая половина XIX в. ознаменовалась появлением четырех крупных военно-исторических монографий участников Отечественной войны 1812 г. – Д.И. Ахшарумова, Д.П. Бутурлина, А.И. Михайловского-Данилевского и профессора Императорской военной академии М.И. Богдановича. Эти труды по сей день не потеряли интереса среди исследователей. Первые историки Отечественной войны 1812 г., собрав большой документальный массив по теме и базируя на нем описание войны, создали по возможности достоверное и довольно подробное описание военных действий. Неслучайно, поэтому труд генерал-лейтенанта М.И. Богдановича был удостоен полной Демидовской премии Академии наук за 1861 г. Анализ военных событий 1812 г. продолжили и военные историки второй половины XIX – начала XX в. В.А. Афанасьев, П.М. Андрианов, П.Г. Васенко, А.В. Висковатов, А.Н. Витмер, А.В. Геруа, М.И. Драгомиров, С.А. Князьков, Б.М. Колюбакин, А.П. и Н.П. Михневичи, Н.Д. Неелов, А.В. Нефедович, П.А. Ниве, А.А. Нилус, Н.А. Окунев, Н.П. Поликарпов, Г.М. Ранч, А.И. Савостин, А.П. Скугаревский, В.П. Федоров, В.И. Харкевич, А.И. Хатов и др. Весьма существенной была в то же время и роль периодической печати в публикации многочисленных записок воспоминаний и писем участников, критических статей и рецензий, а также документов Отечественной войны 1812 г. Особенно много такого рода публикаций встречается в журнальных изданиях: «Военно-исторический сборник», «Военный журнал», «Военный сборник», «Русская Старина», «Русский Архив», «Старина и новизна», «Старые годы», «Вестник Европы», «Голос минувшего» и других, а также в газете «Русский инвалид». Конечно же, периодика не могла сделать достоянием исследователей весь огромный документальный материал, находящийся в государственных и частных собраниях, но она пробудила интерес к документам, сделала знакомство с документами потребностью публики.

Приближение столетия Отечественной войны 1812 г. стало серьезным поводом для публикации документов. В первое десятилетие XX в. увидели свет такие значительные сборники как многотомное издание систематизированных документов Военно-ученого архива Главного штаба, десять томов (частей) «Бумаг, относящиеся до Отечественной войны 1812 года, собранных и изданных П.И. Щукиным», четыре тома сборника «1812 год в дневниках, записках и воспоминаниях современников», подготовленные к изданию генерал-лейтенантом В. И. Харкевичем, два тома «Актów, документов и материалов для политической и бытовой истории 1812 года», а также различные однотомники, сосредоточившие документы по отдельным вопросам, связанным с событиями 1812 г. В общей сложности число томов, собравших документы различных архивов, превысило шесть десятков. Документы сделались неотъемлемыми приложениями историографий, в том числе и посвященных отдельным «начальникам народных наших сил, покрытых славою чудесного похода и вечной памятью Двенадцатого года».

В сложившихся условиях информационного потока и повышенного интереса к Отечественной войне нужен был солидный авторитетный труд, подытоживающий изучение эпохи 1812 г. за столетие. Таким трудом стал задуманный и изданный товариществом И.Д. Сытина семитомник «Отечественная война и русское общество», который не только подвел итог, но и поставил новые задачи перед исследователями. В его создании приняли участие 67 видных ученых различных областей науки. Редакторами выступили известные историки А.К. Дживелегов, С.П. Мельгунов и В.И. Пичета. «Отечественная война – один из самых драматических и вместе самых значительных по последствиям моментов русской истории. В ней все захватывает и все заставляет работать научную мысль. В ней и в тех событиях, которые из нея развернулись, найдут неисчерпаемый кладезь и художник, и социолог, и политик, и дипломат...», – писали редакторы во вступительной статье. – Составляя план нашей книги, мы руководились именно такими взглядами на Отечественную войну. Именно по этим соображениям мы не могли считать ее событием исключительно военным. Сквозь дым пожаров, сквозь кровавый туман, поднимающийся с бесчисленных полей битв, мы хотели сделать попытку разглядеть облик русского общества, определить долю участия в войне русских общественных групп, выяснить ту меру признательности, какой потомки обязаны каждой из них. В свою очередь, такая постановка задачи заставляла нас отказаться от взгляда на Отечественную войну, как на явление обособленное, тянувшееся каких-нибудь несколько месяцев. Мы считали невозможным начинать историю ея с перехода через Неман и даже с Тильзита. Мы думали, что только поставленная в рамки европейской истории, изучаемая в тес-

ной связи со всей эпохой она может быть понята и оценена надлежащим образом. Наша цель – дать книгу, объективную в полном смысле слова... Мы будем удовлетворены, если русское общество признает, что книга добросовестно старалась нарисовать верную картину Отечественной войны, поставленной в правильные исторические рамки. Научное изучение эпохи Отечественной войны представляет в настоящее время серьезные затруднения... Исследователь очень затруднен в выборе материала. Большинство архивов еще совершенно не разработано и мало доступно... Можно сказать с уверенностью, что когда начнется архивное изучение 1812 года, то господствовавшая до сих пор в исторической литературе точка зрения на многие вопросы должна будет существенно измениться...».

Нельзя не признать справедливости концептуальных суждений редакторов, отразившихся на структуре семитомника. Он начинается с характеристики взаимоотношений России и Франции до французской буржуазной революции, во время нее и вплоть до объявления Франции империей в 1804 г. В этом же разделе рассматриваются и походы А.В. Суворова в Италии и Швейцарии, как первое военное столкновение России и Франции. В следующем разделе анализируется европейская обстановка в начальный период наполеоновских войн. Читатель найдет здесь и описание походов 1805–1807 гг., и судеб Великого герцогства Варшавского (Польша – *А.С.*), и реакции на эти события в России, и экономического положения Англии, и континентальной системы на европейской части Света. Особое внимание уделено Тильзитскому миру и последующему периоду, включавшему международную политику России, войны в Испании, Австрии, за Финляндию и восточный вопрос, а также вопросы внутренней жизни России во всем ее многообразии. Третий том начинается характеристикой военных потенциалов России и Франции, включая и характеристики «вождей» армий. Вторую половину тома занимает описание Отечественной войны от подготовки, разрыва дипломатических отношений и вторжения в Россию до вступления в должность главнокомандующего светлейшего князя, генерала от инфантерии М.И. Голенищева-Кутузова 17 августа 1812 г. Четвертый том целиком посвящен войне от Царева-Займища до бегства неприятеля из России с акцентом на период пребывания завоевателей в Москве и партизанские действия на оккупированной врагом территории («малую войну» – *А.С.*), и сопротивление крестьян. Пятый том разделен на две части, первая из которых освещает реакцию на войну правительства России, великосветского общества, дворянства, крестьянства и купечества. Более подробно затронут вопрос о губернских ополчениях. Вторая часть тома характеризует отражение Отечественной войны в журналистике, литературной прозе и поэзии, народном фольклоре, драматургии и театре, а

также в живописи. В шестом томе читатель находит три цикла статей, посвященных заграничным походам 1813–1814 гг. и событиям в Европе в те же годы, судьбе Наполеона после реставрации королевской власти во Франции в 1814 г. и после сражения при Ватерлоо в 1815 г., образу Наполеона в литературе. В последнем томе рассматриваются положение в Европе после наполеоновских войн, в том числе Венский конгресс и создание Священного союза; послевоенное состояние промышленности, сельского хозяйства, экономики и финансов, общества и армии в России, образование тайных организаций и мятеж 14 декабря 1825 г. в Санкт-Петербурге; отражение Отечественной войны во французской, немецкой, английской и русской исторической науке и литературе.

Сборник включает 119 статей таких известных в свое время историков, как Н.П. Василенко, В.Н. Бочкарев, А.К. Дживилегов, В.И. Пичета, В.И. Семевский, В.П. Федоров, А.М. Васютинский, С.П. Мельгунов, В.А. Бутенко, А.А. Кожевников, И.М. Катаев, С.А. Князьков, В.П. Алексеев, Н.П. Сидоров, Л.С. Козловский, И.М. Херасков, К.В. Сивков, В.Я. Богучарский, В.Н. Перцев, Б.М. Колубакин, Е.В. Тарле и др. Причем специалисты в военных вопросах – генерал-майор А.Н. Апухтин, профессор, полковник А.С. Лыкошин, профессор, генерал-лейтенант Н. П. Михневич, и ряд других исследователей – принимали участие как в создании семитомника, так и «Военной энциклопедии». Связь авторских коллективов этих равнозначных трудов повышала их научный авторитет и общественное доверие. Нельзя не согласиться с высокой оценкой труда, высказанной профессором Н.А. Троицким: «Семитомник представил собой уникальное явление в историографии 1812 г. не только по объему материала, но и по масштабам и разнообразию тематики, охватывая широкий спектр военных, дипломатических, экономических, социальных, идейных, культурных сюжетов от Великой Французской революции конца XVIII в. до восстания декабристов включительно. Война 1812 г., таким образом, впервые была поставлена “в рамках европейской истории” и рассмотрена “в тесной связи со всей эпохой”».

Итак, в 1912 г. российская и мировая историография Отечественной войны 1812 г. пополнилась эпохальным коллективным трудом энциклопедической значимости, не потерявшим актуальности и сегодня.

МИКРОИСТОРИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 ГОДА

В изучении Отечественной войны 1812 г. уже давно сложились свои традиции, привычные темы, привычный набор методологических подходов и технических приемов. По большей части они связаны с достаточно традиционными представлениями о ремесле историка и соотносятся, прежде всего, с позитивистским взглядом на мир и его прошлое. Именно в этом ключе написаны наиболее известные работы М.И. Богдановича, статьи к семитомному изданию «Отечественная война и русское общество», книги Е.В. Тарле, Л.Г. Бескровного, П.А. Жилина и даже Н.А. Троицкого. В основу методологического подхода этих авторов положена принципиальная идея о познаваемости прошлого с помощью ряда известных технических приемов, а именно – через обращение к так называемым достоверным источникам, через их убедительное соединение и сопоставление, через использование частностей, деталей для иллюстрации и подтверждения общих, в сущности, социологизированных схем. Нет сомнения, что и дальше эта традиция будет развиваться. Однако все же стоит обратить внимание на то, что эта стратегия развития науки о 1812 г. имеет два важных ограничителя: первым является ограниченность источниковой базы (при чисто позитивистском отношении к понятию «источник»), вторым – пределы верификации, проверки полученных выводов.

Поясним. Источник с точки зрения позитивистской науки – это некий застывший «сколок» прошлого, адекватный этому прошлому, и чем больше этих «сколков» историк наберет, тем более достоверной будет картина, которую составляет исследователь. Однако уже давно правомерность такого рода отношения к источнику (тем более, что чаще всего берутся традиционные типы и виды источников – законодательные акты, делопроизводственная документация, наконец, дневники и мемуары) ставится под сомнение. Сам по себе источник – это акт творения *субъекта* прошлого, а мы, «непредвзятые» историки – сами *субъекты*, люди, порожденные принципиально иной, нежели историк, социальной, культурной и языковой средой. Эта проблема адекватного прочтения источника тесно смыкается с другой – проблемой «объективной» проверки наших сугубо субъективных выводов. В целом, можно сказать, что, в сущности, любые самые коррек-

*Земцов Владимир Николаевич (Екатеринбург) – заведующий кафедрой всеобщей истории Уральского государственного педагогического университета, доктор исторических наук, профессор.

тные исследования можно оценивать не иначе как известной формулой: «интерпретация интерпретаций».

Все более глубокое осознание историками, в том числе военными, этой ограниченности позитивистского восприятия прошлого, привело в последние полтора десятилетия к своего рода «антропологическому повороту» [1]. Другими словами, исследователей сегодня все более интересуют, во-первых, мысли, чувства, коды поведения и отклонения от них людей разных общественных горизонтов, а, во-вторых, соотнесение своего рода «субъективной» стороны событий со стороной «объективной». Ярким примером такого рода поворота в нашей науке к «человеку воюющему» стал ряд значительных исследований [2], конференций [3] и, с 2000 г. – регулярные «круглые столы» под названием «Военно-историческая антропология», проводимые Институтом российской истории РАН. Достаточно хотя бы обратиться к тематике последних, как становится очевидным, насколько современная военно-историческая проблематика отличается от той, которая была привычной в течение десятилетий: сегодняшних исследователей интересуют, прежде всего, психологические, гендерные, антропологические, ментальные аспекты военного прошлого. Большое внимание уделяется эволюции представлений о противнике, о себе самих, различным аспектам исторической памяти и т. д.

Впрочем, анализ тематики ряда конференций последних лет, посвященных изучению Отечественной войны 1812 г. (конференций, ежегодно организуемых Государственным Бородинским военно-историческим музеем-заповедником, Малоярославецким военно-историческим музеем 1812 года, музеем-панорамой «Бородинская битва», конференций в Саратове и в Вологде в 2002 г.), позволяет надеяться, что такой поворот происходит и в изучении этой войны: от разбора чисто военных действий, вклада промышленности, мы всё более перемещаемся в «человеческое» измерение. А это с неизбежностью выводит нас на интереснейшую систему методологических подходов, условно называемых микроисторией.

У микроистории есть уже своя история. Возникнув в интеллектуальной атмосфере 1970–1980-х гг., когда М. Фуко и Ж. Деррида «уничтожали» основы привычной исторической науки, микроистория вначале была своего рода антитезой наук о глобальных, вековых колебаниях в развитии человеческих сообществ. Так, итальянская микроистория (К. Гинзбург, Э. Гренди) обратилась к судьбе одного человека, к событию одного дня. Оказалось, что эпизод, казус нередко становятся более богатыми по содержанию, чем обезличенный общесоциальный и общементальный фон эпохи. Параллельно развивали методологические подходы микроистории немцы (Alltagsgeschichte), англо-американцы (важным этапом на этом пути

были знаменитые Case Studies; упомянем Х. Уайта, К. Гирца) и, конечно, французы (Ж. Ревель, Б. Лепти и другие историки). При этом для французских исследователей этот поворот к микроистории, кажется, был наименее резким. Представители научной школы «Анналов» начали его давно. Так, еще Ф. Бродель в работе «Средиземное море и мир Средневековья эпохи Филиппа II» [4] попытался совместить разные временные срезы: время истории «неподвижной» (long durée), время средней длительности (историю социальную) и краткосрочные структуры истории событийной. Историк Ж. Дюби в книге «Бувинское воскресенье. 27 июля 1214» [5], посвященной событию одного дня, сражению при Бувине, смог наложить чисто событийный материал на широкий контекст материальных, социальных и политических процессов. Наконец, в чисто микроисторическом ключе была выдержана работа С. Лорига «Солдаты. Лаборатория дисциплины: пьемонтская армия XVIII века» [6].

Методологические корни для развития микроистории, как оказалось, есть и в отечественной исторической науке. Идеи ряда медиевистов, которые впервые заговорили у нас о микроистории – Ю.Л. Бессмертного, М.А. Бойцова и всех тех, кто принял участие в организации альманаха «Казус» – питаются традицией А.С. Лаппо-Данилевского, М.М. Бахтина, Ю.М. Лотмана и других исследователей. Причем отечественная традиция микроистории отличается повышенным вниманием к проблеме «свободы воли» индивидуума, границам этой свободы, вниманием к альтернативности ситуаций исторического прошлого.

Методологические споры вокруг микроистории привели в среде отечественных исследователей к появлению двух полярных точек зрения. Одна из них, представленная М.А. Бойцовым, сводится к тому, что кроме микроистории («истории в осколках»), в сущности, вообще ничего нет; другая – сформулированная Н.Е. Копосовым – утверждает, что существование самой микроистории невозможно, так как она отрицает социологическую основу исторической науки, превращая последнюю в беллетристику [7]. Полагаем, что обе точки зрения чересчур категоричны, ибо отвлечены от специфики конкретных исторических исследований. Микроистория обладает великими возможностями, которые, однако, не следует абсолютизировать. Опираясь на свой скромный опыт, выскажем следующее суждение: решение проблемы применимости или неприменимости микроисторических подходов заключается в том, чтобы не оставлять микроисторические сюжеты в одиночестве, но вписывать их в более широкий социологизированный, либо «ментализированный», контекст. Работая над проблемой «Великая армия Наполеона в Бородинском сражении» [8], в том числе и

в микроисторическом разрезе, я пришел к следующей, наиболее, на мой взгляд, органичной архитектонике исследования.

1. Первоначально были проанализированы наиболее устойчивые элементы исторического прошлого. В нашем случае они оказались представлены структурами исторической памяти разных народов о Бородине. Это позволило увидеть, как мы назвали, «ловушки исторической памяти». Нашим стремлением было не только избежать в дальнейшем эти «ловушки», но, прежде всего, осознать саму относительность каких-либо определенных выводов, так как, во-первых, взгляд на историческое событие оказался, в сущности, порожден неким состоянием души его участника, а, во-вторых, обусловлен колебаниями в последующей истории того или иного народа, принимавшего участие в битве или наблюдавшего за битвой со стороны. Главным оказалось все-таки состояние души участников сражения. В сущности, прошлое пыталось донести до нас тот смысл события, который был наиболее близок его участникам. Весь последующий за этим характер диалога между теми, кто принимал участие в сражении, и теми, кто выступил в будущем «толмачем», рассказчиком, был предопределен еще в 1812 г. В ходе этого диалога разворачивались те многочисленные смыслы происходившего, которые изначально уже тогда, под Бородином, присутствовали в «свернутом виде».

2. Вторым историческим срезом стал уровень среднесрочных временных структур, представленных, в сущности, привычной «онаученной» социологизированной историей. Правда, представлена она оказалась в разных ракурсах и стала выглядеть наподобие того, что историки нередко называют тотальной историей. А именно, речь пошла о Великой армии как о социальном организме с акцентом на человеческий элемент. Помимо вопросов происхождения, комплектования, характеристики личного состава, мы попытались вскрыть особенности национальных и межнациональных взаимоотношений, характер взаимосвязи между Властью и Человеком, обрисовать структуры повседневности и дать картину ментальных структур (они оказались представлены через анализ таких понятий, как «солдатская честь и солдатская дружба», «ритуалы и символы», «религия, суеверия и культ Императора», «язык и музыка», «смерть» и «любовь») Великой армии.

Именно этот – среднесрочный срез – стал своего рода мостиком, должным соединить длительные структуры исторической памяти и то, что называется микроисторией.

3. Третий уровень исследования, вобравший в себя мириады частных историй, оказался представленным событиями нескольких дней. На этом уровне прошлое, выступая в виде микроистории, приняло подлинно «очеловечен-

ный» образ. Присутствие живого человека прошлого неизбежно должно было обострить осознание окказиональности поступков людей. Люди начали действовать в «живом историческом поле», не зная еще, что будет «потом», а, значит, исходили не только из своих представлений о социально-должном, но и испытывали не поддающийся контролю взлет энергии и таланта, либо, наоборот, ощущая слабость и растерянность.

Наконец, в завершение этого «микроисторического блока» мы остановились на том, как в сознании людей-участников сражения стали оформляться представления о том, что же именно они недавно перенесли, как и под влиянием каких факторов началось формирование национальной памяти. Таким образом, круг замкнулся – и от микроистории мы вновь обратились к структурам большой, вековой длительности.

Таким образом, представляется, что совмещение микроисторических подходов с традиционной макроисторической тематикой вполне возможно, и это открывает перед исследователями 1812 г. новые горизонты. В сущности, та проблематика, которая ранее считалась явно маргинализованной, не заслуживающей внимания «большой» науки, сегодня становится востребованной как никогда. Частные, на первый взгляд, сюжеты, посвященные событиям, казалось бы, малозначительным, – поступку отдельного человека, рядовому происшествию какого-либо дня, внезапно предпринятому поступку или неожиданно возникшему ощущению участника того или иного события, – теперь приобретают новый смысл. Именно они, но не социологизированные схемы должны постепенно заполнять контуры той картины, которая отражает грандиозную эпопею 1812 г. Представляется, что такой поворот в тематике Отечественной войны 1812 г. сегодня уже обозначился.

Дальнейшее изучение проблем 1812 г. будет связано, во-первых, со значительным расширением источниковой базы. Это выразится не только в появлении в научном обороте ранее неизвестных нам комплексов документальных материалов, но и с принципиально новым подходом к самому пониманию источника как носителя разноплановой информации. Во-вторых, с широким использованием новых методов изучения прошлого – от количественных (блестящим тому примером могут служить работы Д.Г. Целорунго [9]) до микроисторических подходов. Особо следует отметить те перспективы, которые открывает перед нами герменевтика: новое прочтение старых документов заставит пристальнее отнестись и к ритму речи авторов документов, и к недоговоренности текстов. Должен пережить известный взлет и нарративный жанр. Еще Р. Барт отметил важнейший момент: детали на фоне связного повествования почти неизменно создают эффект реальности. В рассказе прошлое как бы само собой обрисовывается в виде

взаимодействия реальных участников события. Именно в этом – в ощущении реальности, достигнутом через повествование, – и заключается магия работ таких известных исследователей 1812 г., как А.А. Васильев и А.И. Попов. В-третьих, будут видоизменяться содержание и смысл историографических работ. От простой констатации факта, о чем именно писали историки, историографы займутся интерпретацией текстов путем воссоздания внутреннего мира их создателей, займутся проникновением в историческую и конкретно-психологическую ситуацию той эпохи, когда писались эти произведения. Пожалуй, ближе всех к такому пониманию историографии подошел в свое время А.Г. Тартаковский. Наконец, в-четвертых, как мы уже указывали, значительно расширится привычная тематика – историки будут переключаться на изучение историко-антропологических, ментальных процессов и процессов межкультурного взаимодействия. В этом, комплексном контексте, микроистория обретет свою значимость и для изучения Отечественной войны 1812 г.

Литература и источники

1. См., например: Бекер Ж.–Ж. Новое в изучении истории Первой Мировой войны во Франции // Новая и новейшая история. 1999. № 2. С. 44–52.
2. См., например: Сенявская Е.С. Психология войны в XX веке: Исторический опыт России. М., 1999; Поршнева О.С. Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат России в период первой мировой войны (1914 – март 1918 г.). Екатеринбург, 2000; и др.
3. См., например: Человек и война. Война как явление культуры: Материалы международной научной конференции (Челябинск, 2000). М., 2001.
4. Braudel F. La Méditerranée et le monde méditerranéen à l'époque de Philippe II. P., 1949.
5. Duby G. Le dimanche de Bouvines. 27 Juillet 1214. P., 1973.
6. Loriga S. Soldats. Un laboratoire disciplinaire: l'armée piémontaise au XVIII siècle. P., 1991.
7. См.: Казус. 1999. Индивидуальное и уникальное в истории. М., 1999; Казус. 2000. Индивидуальное и уникальное в истории. М., 2000.
8. Подробнее см.: Земцов В. Н. Великая армия Наполеона в Бородинском сражении: Дис... д-ра истор. наук. Екатеринбург, 2002.
9. Целорунго Д. Г. Офицеры русской армии – участники Бородинского сражения: (историко-социологическое исследование). М., 2002.

СТАТЬИ И СООБЩЕНИЯ

О.В. Золотарев*

ПРЕПОДАВАНИЕ ИСТОРИИ И ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ В СОВЕТСКОЙ ШКОЛЕ НАКАНУНЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В начале 1930-х гг. в политике властей в Советском Союзе произошел явный поворот. Был взят курс на национально-государственное выживание страны, в рамках его проводилось широкое общественное и политическое реформирование.

Реализация данного курса должна была обеспечить создание «великого и могучего советского русского государства» [1]. Это требовало коренной перемены отношения власти к истории дореволюционной России. Воспитание гражданина-патриота не могло сочетаться с тем сугубо негативным отношением к «отсталой», «вечно битой» России, что преобладало в государственной пропаганде в 1920-х гг. Очень ярко характеризуют подобное отношение к прошлому нашей страны статьи в Малой Советской энциклопедии, вышедшей в 1930–1932 гг. Вот какие оценки давались в ней величайшим фигурам российской истории: «Александр Невский... оказал ценные услуги новгородскому торговому капиталу... подавлял волнения русского населения, протестовавшего против тяжелой дани татарам». Минин-Сухорук... нижегородский купец, один из вождей городской торговой буржуазии... Буржуазная историография идеализировала М.-С. как бесклассового борца за единую «матушку Россию» и пыталась сделать из него национального героя». «Пожарский... князь... ставший во главе ополчения, организованного мясником Мининым-Сухоруком на деньги богатого купечества. Это ополчение покончило с крестьянской революцией». «Петр I ... был ярким представителем российского первоначального накопления... соединял огромную волю с крайней психической неуравновешенностью, жестокостью, запойным пьянством и безудержным развратом» [2]. Конечно, такие пренебрежительные характеристики, преобладавшие в официальной историографии 1920-х гг., не могли воспитывать любовь к России. Между тем международная обстановка ясно указывала на быстрое приближение новой войны. И в этих условиях отрицание патриотического воспитания могло очень дорого обойтись стране.

* Золотарев Олег Васильевич (Сыктывкар) – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и экономической теории Коми государственного педагогического института.

Именно поэтому власть, совершившая поворот к национально-государственному строительству, уже с середины 1930-х гг. пыталась восстановить и патриотическую составляющую агитационной работы. Так, с 1934 г. о многих русских исторических деятелях говорили уже в другом тоне. О них начали снимать пропагандистские кинофильмы, которые с восторгом смотрела вся страны («Петр I» (1937), «Александр Невский» (1938), «Суворов» (1940) и др.).

Были реабилитированы не только многие исторические фигуры, но и сама историческая наука, и ученые-историки. Во второй половине 1930-х гг. возвратились к научной работе виднейшие российские историки, арестованные в 1929–1930 гг. (Е.В. Тарле, Б.А. Романов, Б.Д. Греков, С.В. Бахрушин и др.). Переиздаются ныне ставшие уже классическими исторические труды дореволюционной исторической школы.

Правящая партия призывала преодолеть «левацкий интернационализм» в понимании отечественной истории, говорила о том, что коммунисты «не должны отгораживаться от положительной оценки прошлого своей страны». В передовых статьях «Правды» подчеркивалось, что «партия всегда боролась против каких бы то ни было проявлений антиленинской идеологии «Иванов, не помнящих родства», пытающихся окрасить все историческое прошлое нашей страны в сплошной черный цвет» [3].

Со второй половины 1930-х гг. и само слово «отечество» приобретает в официальном языке свой настоящий смысл. Причем утверждение патриотического сознания произошло чрезвычайно быстро. Это означало, что оно продолжало существовать в сознании людей, только не имело возможности открыто выразиться. И Сталину не было нужды «насаждать» русский патриотизм. Он только «санкционировал» то, что продолжало жить в душах русских людей [4].

Данный поворот в политической линии совпал с проведением простой и эффективной сталинской реформы народного образования. Эта реформа была вызвана потребностями индустриализации в грамотных и хорошо подготовленных рабочих и инженерных кадрах. Советская школа 1920-х гг., увлеченная различными педагогическими экспериментами и новациями, оказалась не в состоянии подготовить такие кадры. Власти стояли перед выбором: или продолжать поиски новой, социалистической школы, с довольно неясным исходом. Или возвратиться к традициям старой, дореволюционной педагогики. Это позволяло в короткие сроки улучшить подготовку выпускников советских школ. Прагматики, стоявшие в тот момент у власти в Советском Союзе, выбрали последнее. Школьная политика 1930-х гг. предусматривала и резкое усиление воспитательной составляющей в советской школе. Причем теперь упор делался не только на воспитание «борца, защищающего завоевания революции» [5], но граж-

данина-патриота. В условиях приближающейся войны это была, возможно, единственно правильная линия.

Между тем положение с преподаванием отдельных предметов в связи с наметившимися изменениями вызывало серьезные опасения властей. Поэтому в начале 1930-х гг. выходит целый ряд постановлений центральных органов власти, устанавливающих принципы и особенности преподавания различных предметов в школе. Особое место в этом перечне занимают общественные дисциплины, главной среди них называется история. В 1930-е гг., дабы ускорить процесс переориентации учебных заведений на усиление патриотической составляющей в воспитательном процессе, в целом ряде документов высших органов партийного и государственного руководства определяются пути, методы и формы преподавания исторической науки в школе. Среди данных решений особое место занимает Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О преподавании гражданской истории в школах СССР» (май 1934 г.). Постановление констатировало, что преподавание истории в школах СССР «поставлено неудовлетворительно». Связное изложение гражданской истории заменено «абстрактными социологическими схемами». В данном документе верно отмечалось, что «решающим условием прочного усвоения учащимися курса истории является соблюдение историко-хронологической последовательности в изложении» исторических событий «с обязательным закреплением в памяти учащихся важных исторических явлений, исторических деятелей, хронологических дат». Только такой курс отечественной истории в состоянии обеспечить «доступность, наглядность и конкретность исторического материала». И только на такой основе возможен «правильный разбор и правильное обобщение исторических событий». Достижению этих же целей должен был служить и объявленный конкурс на лучший учебник отечественной истории. Была восстановлена и работа исторических факультетов университетов [6].

В январе 1936 г. Постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР была создана специальная комиссия под руководством секретаря ЦК А.А.Жданова для «просмотра, улучшения, а в необходимых случаях и для переделки уже написанных учебников по истории». Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) подчеркивало, что новый учебник по истории должен быть «конкретен и исторически правдив... изложение его должно быть ярким, интересным, художественным и вполне доступным для учащихся». Были опубликованы и замечания И.В.Сталина, А.А.Жданова и С.М.Кирова от 8 августа 1934 г. по поводу конспекта учебника по истории СССР. В этих замечаниях акцентировалось, что это должен быть именно учебник, «где должно быть взвешено каждое слово и каждое определение», где недопус-

тима безответственная болтовня «обо всем и как угодно». СНК СССР и ЦК ВКП(б) указывали, что изучение истории «имеет важнейшее значение для дела нашего государства, нашей партии и для обучения подрастающего поколения», поэтому преподаванию исторической науки в школе придается «исключительное значение» [7].

В свете данных решений дорабатывается и содержание школьных учебников по истории. Так, написанный группой преподавателей-историков Московского государственного пединститута во главе с А.В. Шестаковым «Краткий курс истории СССР» для 3-4 классов теперь рассматривал советский период истории как логическое продолжение развития российской государственности. Доводку этого учебника осуществляла специальная группа наиболее авторитетных ученых-историков под руководством А.А. Жданова. В эту группу входили представители старой исторической школы К.В. Базилевич, С.В. Бахрушин, Б.Д. Греков, В.И. Пичета, Н.М. Дружинин и др. Утвержденный в июле 1937 г. текст «представлял своеобразный сплав двух главных идей – идеи возвеличивания старой государственности и идеи неизбежности и благотворности победы социализма в России». В октябре 1937 г. учебник вышел в свет. Воплощенная в данном издании государственно-патриотическая концепция российской истории, высказанная в нем идея преемственности лучших традиций предков новыми поколениями граждан СССР, в последующем в течение многих лет повторялась в других учебных изданиях [8].

Во многом отличие новой исторической концепции было в изменении трактовки места и роли русского народа в отечественной и всемирной истории. Утверждалось, что русский народ показал блестящие образцы борьбы за освобождение человечества. И на этих примерах будут воспитываться будущие поколения борцов за коммунизм. Характерно в этой связи предисловие, написанное академиком Е.В. Тарле (и напечатанное в журнале «Большевик») к переизданию «Истории XIX века» Э. Лависса и А. Рамбо. В нем указывалось, что Россия оказала в XIX в. «колоссальное влияние на судьбы человечества... Этот век был временем, когда русский народ властно занял одно из центральных, первенствующих мест в мировой культуре... когда впервые русский народ дал понять, какие великие возможности и интеллектуальные и моральные силы таятся в нем и на какие новые пути он может перейти сам и в будущем повести за собой человечество» [9].

Конечно, ведущая роль по-прежнему отводилась марксистскому пониманию истории, что было закреплено выходом «Краткого курса истории ВКП(б)» и активной пропагандой положений этой книги. Причем в некоторых регионах изучение «Краткого курса» пытались ввести даже в средней школе. Однако подобные шаги были тут же пресечены центральным руководством специальным Постановлением СНК СССР в декабре 1939 г. [10].

Ведь для власти марксистское понимание школьниками истории хоть и оставалось главным, теперь огромный смысл приобретало и государственно-патриотическое изучение отечественной истории.

Но, хотя и руководство придавало «исключительно важное значение преподаванию истории в школе как могучему орудию политического воспитания» и прилагало серьезные усилия, дабы наиболее эффективно использовать это «орудие», однако знания учащихся по истории еще долгое время оставались слабыми. Например, ученики многих школ Коми области «совершенно» путались и в конце 1930-х гг. даже в датах и фактах.

Конечно, перемены к лучшему и не могли быть столь быстрыми, как рассчитывали власти. К тому же усиление внимания к преподаванию гражданской истории на местах встретилось с целым рядом сложностей. Это, прежде всего, явно недостаточные знания самих педагогов. Ведь подготовку они получали по тем программам, где порой и самого такого предмета, как отечественная история не было. Поэтому некоторые учителя, судя по сообщениям с мест, не знали самых элементарных сведений из истории. Да и не только из истории, но и современных им политических событий. Многие школьные педагоги Коми края в середине 1930-х гг. ничего не слышали о фашистах, не отличали Февральской революции от Октябрьской, не знали, кто такие Ленин, Сталин, Гитлер, стахановцы, не могли ответить на вопрос, где работают Молотов, Каганович. Школьные работники, в то время как все газеты писали о гражданской войне в Испании, на вопрос, что там происходит, отвечали: Испания воюет с Японией. Подобные примеры свидетельствовали о недопустимо низком уровне политических знаний коми учителей. Естественно, подобное положение дел приводило к тому, что многие преподаватели истории не только оказывались не в состоянии увязать исторические события с современным днем, как этого требовали руководство Наркомпроса и советская пропаганда, но и не могли ответить на самые элементарные вопросы о современных событиях [11].

Причем нередко педагоги, обладая столь невысокой подготовкой, не стремились к ее повышению. Некоторые учителя совсем не выписывали (а, значит, и не читали!) ни газет, ни журналов (например, в Ньючиме в конце 30-х гг. 80% учительства не выписывало никакой прессы – конечно, надо помнить, что в данном случае могли играть свою роль и материальные причины) [12].

Попытки же властей восполнить лакуны в исторических и политических знаниях педагогов, такие, например, как организация специальных курсов по изучению «Краткого курса истории ВКП(б)» наталкивались на пассивность учительства. Так, в Коми автономии на подобные занятия приходило, несмотря на строгие предупреждения партийно-государствен-

ных структур о важности и необходимости посещения этих мероприятий, не более 20-25% учителей [13].

При этом надо отметить, что интерес к истории и у педагогов, и у учащихся был. Причем немалый. Но проявлялся он в основном в повышенном внимании к истории родного края. Школьники даже сетовали на то, что в учебных программах недостаточно краеведческого материала. Однако власти на местах, еще не осознавшие важность и фундаментальность поворота в отношении к патриотическому воспитанию и отечественной истории, не смогли в должной мере использовать этот интерес. Более того, составленные на местах программы изучения истории родного края отнюдь не способствовали усилению внимания школьников к краеведению. В краеведческих программах нередко грубо, в стиле еще 1920-х гг., искажались исторические факты. Вот как, например, характеризовался в программах по истории Коми края Стефан Пермский: это был миссионер, «подсланный московскими феодалами» к народам коми с завоевательными целями. Коми ученый Г.С.Лыткин назывался родоначальником контрреволюционного коми национализма, переводчиком религиозных книг с русского на коми язык в русификаторских и религиозных целях. Его обвиняли в классовом подходе при собирании коми фольклора: по мнению авторов программ, Г.С.Лыткин собирал лишь то, что было выгодно помещикам и буржуазии, отбрасывая те песни и сказки, где высмеивались царь и священники. Примерно в таком же духе говорилось и о другом коми ученом – К.Ф.Жаков: «ярый реакционный буржуазный писатель, мистик и белоэмигрант» [14]. Список можно продолжить. Конечно, на содержании данных краеведческих программ, вероятно, сказалась развернувшаяся в конце 1930-х гг. борьба с местным, в том числе и коми, национализмом. Однако власти Коми автономии явно не осознавали, что интерес к истории родного края можно было с большой пользой использовать для усиления внимания к изучению гражданской истории и, таким образом, способствовать делу становления патриотического воспитания в школах.

Таким образом, некоторое недопонимание властями на местах важности политики общенационального советского патриотизма, естественные сложности, понятные при столь резком повороте от отрицания российской истории к осознанию важности знания истории Отечества привели к определенным проблемам при становлении как преподавания гражданской истории, так и патриотического воспитания в школах. Этот процесс еще далеко не был завершен к началу Великой Отечественной войны. Однако без решительного перехода правящей Коммунистической партии на патриотические позиции, воспитания подрастающего поколения в национально-патриотическом духе, победа в грядущей войне вряд ли была достижимой.

При этом особенно разительными были эти перемены в школе. Огромная роль в воспитании подрастающего поколения отводилась учительству. И, хоть и не без трудностей и проблем, советское учительство справилось с задачей воспитания советской молодежи в духе уважения и преданности к своей Родине. И это в немалой степени способствовало военным победам. Поэтому можно, перефразируя известную фразу О. фон Бисмарка, сказать, что в Великой Отечественной войне победу одержал советский учитель, прививший школьникам, будущим солдатам Великой Отечественной, любовь к своему Отечеству.

Источники и литература

1. Такер Р. Сталин у власти. История и личность. 1928–1941. М., 1997. С. 494.
2. Малая Советская Энциклопедия. М., 1930. Т. 1. С. 216; М., 1931. Т. 5. С. 229; М., 1931. Т. 6. С. 447, 651.
3. Правда. 1936. 10 фев. С. 1.
4. См.: Кожин В. Россия. Век XX. (1901–1939). М., 2002. С. 401.
5. Зикмунд А. Основы советской системы физкультуры. М., 1926. С. 6.
6. Народное образование в СССР. Сборник документов. М., 1974. С. 166.
7. См.: Там же. С. 172–173; Правда. 1936. 27 янв. С. 1; Сталин И.В. Соч. М., 2007. Т. 14. С. 32.
8. См.: Барсенков А., Вдовин А. История России. 1917–2004. М., 2006. С. 267.
9. Тарле Е.В. От редактора // История XIX века / Под ред. Э. Лависса и А. Рамбо. М., 1938. Т. 1. С. 8.
10. Народное образование в СССР. Сборник документов. С. 176.
11. ГУРК НА РК. Хр. №1. Ф. 241. Оп. 1. Д. 86. Л. 1; Д. 41. Л. 1; Д. 20. Л. 11; Д. 16. Л. 10; Д. 42. Л. 3–4; Хр. № 2. Ф. 1. Оп. 1. Д. 296. Л. 164; За Новый Север. 1935. 16 мая (№ 53). С. 3.
12. ГУРК НА РК. Хр. № 2. Ф. 70. Оп. 1. Д. 508. Л. 34.
13. За Новый Север. 1930. 23 авг. (№ 10). С. 3.
14. ГУРК НА РК. Хр. № 1. Ф. 593. Оп. 1. Д. 37. Л. 6об.; Ф. 186. Оп. 1. Д. 34. Л. 36; Ф. 241. Оп. 1. Д. 36. Л. 2–3.

О.Е. Бондаренко*

ЖИЛИ-БЫЛИ ПУНЕГОВЫ

Жизнь часто преподносит нам сюрпризы. Я обратила внимание на то, что когда начинаю заниматься какой-либо темой, неожиданно появляются документы, которые с ней связаны. В последнее время научными сюжетами были – русско-финляндская война (1939–1940 гг.) и история Коми областной партийной школы, о которой мой дипломник О. Куратов писал выпускную работу. Так получилось, что мне передали для изучения дневник участника этой войны Ф.П. Парилова, а на одной из встреч в музее пединститута рядом со мной оказалась выпускница этой школы. На этом приятные неожиданности не закончились. В семейном архиве Виктора Васильевича Пунегова сохранились личные дела деда Николая Степановича Пунегова и его супруги Августы Ивановны. Николай Степанович был слушателем советско-партийной школы в Усть-Сысольске. В личных делах представлены различного рода документы – справки, удостоверения, газетные статьи, свидетельства о рождении, благодарности, медицинские книжки, автобиографии, телеграммы, листы по учету кадров, письма, написанные участниками войн советско-финской и Великой Отечественной.

Эти документы позволили проследить судьбу выходцев из коми крестьян – Николая Степановича и Августы Ивановны, успехи в служебной карьере Николая Степановича, познакомиться и впервые ввести в научный оборот письма участников двух войн, родных этой семьи.

Николай родился 18 декабря 1905 г. в дер. Тепловской Пыелдинского сельского совета Сысольского района Коми АССР. Его родители – Степан Григорьевич и Людмила Васильевна Пунеговы были крестьяне, оба по национальности коми. Отец стал вести самостоятельное хозяйство с 1914 г., получил в наследство сельскохозяйственный инвентарь и небольшое количество земли. Положение семьи ухудшилось со смертью матери в 1913 г. и уходом отца на империалистическую войну. Дети остались с мачехой. Николаю пришлось батрачить у чужих людей, чтобы помочь семье. После возвращения отца ситуация изменилась в лучшую сторону, во второй половине 1920-х гг. хозяйство считалось середняцким.

Закончив земское начальное училище, в дальнейшем отмечал недостаток образования, нелестно отзывался о школе: «школа много хорошего ничего не давала, кроме зубрежки о разных богах».

***Бондаренко Ольга Евтихеевна** (Сыктывкар) – кандидат исторических наук, член-корреспондент академии военно-исторических наук, доцент Сыктывкарского государственного университета.

После Октябрьской революции последовали изменения в политической, общественной жизни страны, Коми края. Как и многие другие, Николай вступил в ряды ВЛКСМ, но как он сам отмечал в автобиографии – «сперва конечно никакого понятия не имел о комсомоле, т.к. в условиях деревни были только зачатки комсомола и работа ни в чем не выражалась с моей стороны».

В 1919 г. в г. Усть-Сысольск была открыта областная партийная школа, в которой учились, главным образом, выходцы из трудовых слоев населения. Среди них оказался и Николай Пунегов. В 1924 г. ему было вручено удостоверение, «что он состоял слушателем Усть-Сысольской совпартшколы первой ступени с сентября 1923 г. по 18 мая 1924 г.».

Как писал сам Н. Пунегов, характеризуя свое обучение, «много получить не удалось... но все же кое-что удалось почерпнуть, несмотря на свою неподготовленность». Большое внимание он уделял самообразованию – чтению книг, газет, журналов. Закончить полный курс обучения ему не удалось, но для того времени и это обучение открывало возможности продвижения по службе.

В 1928 г. после прохождения кандидатского стажа он был принят в ряды ВКП(б). В рекомендациях отмечалось, что «Товарищ Пунегов вполне подготовлен, чтобы стать действительным членом ВКП(б)», «является выдержанным, добросовестным товарищем. Политически развит». Рекомендации были получены от Епова и Горчакова, членов ВКП(б) с 1918 г.

Самостоятельно начал работать с октября 1919 г. Первое занятие – переписчик в Сысольском уездном продовольственном комитете, ему только 14 лет. Был делопроизводителем в Визингском райсоюзе с сентября 1920 по апрель 1921 г. Освобожден от должности после сокращения штатов. После окончания учебы в совпартшколе был направлен в Пыелдинский волисполком делопроизводителем, в 1925 г. стал секретарем этого же волисполкома. Как отмечалось в характеристике, «работу, возложенные на него обязанности... выполнял четко и добросовестно». От должности секретаря был освобожден в связи с призывом в ряды Красной армии, где и прослужил с 1927 по 1929 г.

В 1930 г. ему была предоставлена командировка на учебу. В личном деле сохранилась почтовая карточка, в которой сообщалось, что необходимо явиться для обучения на подготовительные курсы для поступления в вуз. Обучение на курсах уже началось, поэтому на карточке было слово «спешно». Непонятно о каком вузе шла речь, возможно, о пединституте. Неясны причины, по которым он не приехал на курсы, ему были возвращены документы. Так была упущена возможность получения высшего образования.

В 1932 г. он окончил трехмесячные областные курсы пропагандистов при Культпропе ОК ВКП(б). Кроме удостоверения ему была выдана характеристика следующего содержания: «За время пребывания на трехмесячных курсах при Культпропе ОК ВКП(б) т. Пунегов проявил себя вполне дисциплинированным и идеологически выдержанным. Активность средняя, общественно-политической жизнью интересуется. Курс усвоил вполне удовлетворительно. Может быть использован в качестве райпропагандиста». В дальнейшем Н.С. Пунегов работал зав. общим отделом Сысольского РК КПСС (шесть месяцев), секретарем партиячейки и зав. избы-читальни в селе Ужга (шесть месяцев), секретарем Койгородского комитета КПСС (шесть месяцев). Пять с половиной лет на разных должностях проработал в Коми обкоме – технический секретарь, инструктор по учету, зав. учетным сектором. В 1938 г. он стал зав. сектором кадров Исполкома Коми АССР, проработал в этой должности пять месяцев.

Произошли изменения и в личной жизни. Состоялась встреча с Турышевой Августой, знакомство переросло в сердечную привязанность. В 1939 г. родилась дочь Тамара. Официальные отношения были оформлены только 21.11.1948 г. Августа (в семье ее называли Густя) была моложе мужа на 5 лет. Она родилась в Визинге, коми. Родители занимались крестьянским трудом. Августа закончила вечернюю школу (6 классов), курсы по подготовке работников детских садов, работала воспитательницей детских садов в Койгородке, Сыктывкаре, Объячево, Корткеросе. Десять лет она проработала в детском саду № 6 комбината «Комилес» в Сыктывкаре. В 1938 г. за образцовую постановку работы в детском саду треста «Комилес» зав. детским садом Туркиной Анастасии Яковлевне и воспитательнице Турышевой Августе Ивановне была объявлена благодарность, и они были «премированы в день 21-й годовщины Великой Октябрьской Социалистической революции месячным окладом зарплаты каждая».

В личном деле сохранилось удостоверение, выданное Пунеговой Августе Ивановне о прохождении курсов повышения квалификации дошкольных работников при Министерстве просвещения Коми АССР с 15 декабря 1953 г. по 15 января 1954 г. Отмечалось, что «тов. Пунегова А.И. прослушала полный курс лекций в соответствии с учебным планом и приняла участие в семинарских занятиях». Педагогический стаж работы в 1960 г. составил 23 года и 3 месяца.

Советско-финская война (1939–1940 гг.) коснулась и близких семьи Пунеговых. Брат Августы Ивановны Семен был мобилизован на эту войну. Сохранились два письма, написанные после войны Семеном Николаю Степановичу и Августе Ивановне. Письма написаны карандашом, на коми языке, текст трудно понять. Первое письмо датировано 30.04.1940 г.,

оно из Выборга. Семен поздравляет родных с праздником 1 мая. Делится своими впечатлениями: «Вот сегодня я смотрю везде висят плакаты. Гуляем по земле, чувствуем под ногами твердь. А давно ли эта территория была в руках финских капиталистов, откуда они хотели пламя очага войны принести на нашу территорию, напасть на г. Ленина, где я гуляю свободно. Где шли бои, видны одни трубы, мусор, глыбы земли и лес как-будто после грозы. Г. Выборг – только один мусор в городе, видно, что авиация и артиллерия сильно громили. И Хельсинки, как говорят, надо ожидать такого же». 70-я дивизия, в составе которой был и С. Турышев, была награждена орденом Ленина. Автор письма отмечал, что эта война была для него академией после окончания школы (очевидно, школа младшего командного состава), он узнал на практике бой в масштабе полка, был командиром полка.

Отмечает в письме, что «сам тов. Сталин оценил нашу работу на отлично, чем можешь гордиться, ...остался здоровым, считаю себя счастливым, идет нормальная учеба, в мирных условиях».

Второе письмо (11. 08. 1940) написано уже из Ленинградской области. Автор писал: « От Выборга прошли пешком 140 км. Я вел роту с честью. Ни одного отстающего. Сейчас продолжаем учиться в лагере. Я одновременно работаю командиром 8 стр. роты и начальником санитарной команды при полку. Работы здесь очень много, редко удается отдохнуть. Продолжаю получать 725 рублей. Мне, конечно, хорошо хватает, но одному расходов больше. Едим в столовой, за стирку и т.д. Уходит много. Но я, Густя, помогать пока могу, в числах 15-х отправлю рублей 200. Густя, я сейчас очень рад, что на меня уже второй раз прислал командир полка характеристику за участие в боях на награждение орденом. Теперь нужно ждать указ президиума».

Семен очень тосковал о доме, сообщал родным, что в июле или в августе хочет съездить домой, во втором письме уточнял: «в отпуск выеду в сентябре месяце, когда завершу подготовку снайперов». Но судьба распорядилась иначе. Августа Ивановна получила извещение о том, что ее брат, лейтенант Семен Иванович Турышев погиб 18.12.1940 г. в результате несчастного случая. Из письма родственникам стали известны подробности его смерти – «Дело было так. В выходной день трое лейтенантов уехали за город провожать одного из них в отпуск. Когда возвращались, при посадке Семен попал под поезд. Насчет похорон. Похоронили хорошо. На похоронах были весь комсостав батальона и его рота бойцов полностью. Участвовал и Герой Советского Союза капитан тов. Марченко». Да, человек прошел через войну, не был ранен, а погиб так неожиданно. В «Книге памяти. Советско-финляндская война 1939–1940» содержится ошибочная информация о том, что Турышев Семен Иванович погиб в советско-финляндской войне.

В личном деле Н.С. Пунегова сохранилось еще одно письмо участника советско-финской войны, двоюродного брата – Ивана Мисаиловича Горчакова. Письмо написано незадолго до окончания войны, приводим его полностью.

5 февраля 1940 г.

«Здравствуйте брат Коля и ваша супруга Густя. Шлю горячий привет Желая наилучшего во первых сообщаю Коля я нахожусь в Финляндии. Коля я вам написал одно письмо, но ответа не получил. Не знаю получали нет. Коля я с 7 сентября 1939 года нахожусь на службе. Был на Истонской границе потом на Латвийской границе а теперь с 30 октября нахожусь на Финском фронте. В настоящее время нахожусь Финляндии на Карельском перешейке под Выборгом. Жизнь на фронте вам наверно известно. Теперь живем землянках. Места Финляндии сплошные озера горы и леса. Местность очень скверная погода здесь теперь стояла холодная морозы, было до 47⁰ мороза. На нас и вообще армия одета ничего. Фуфайках теплые брюки и валенках но и то мороз берёт. Но Коля много писать не буду есть хотя много интересного. Коля пиши ответа буду ждать пока жив, здоров того и вам желаю. С приветом ваш брат Горчаков. Мой адрес Действующая Красная Армия

Полевая почтовая станция №267

37 О.С.Р. Горчакову Ивану Мисаиловичу

Коля передай привет от меня дяде Степану Григорьевичу и Макару Григорьевичу и остальные родные как поживают.

С приветом И. Горчаков».

Неизвестно, как сложилась в дальнейшем судьба автора этого письма. К сожалению, его фамилия не внесена в список участников этой войны, не названа в «Книге памяти. Советско-финляндская война».

В годы Великой Отечественной войны на фронте были два брата Николая Степановича – Иван и Алексей, братья Августы Ивановны – Фёдор, Григорий, Василий. Письма родным были написаны на русском языке, но встречаются отдельные выражения на коми. Нами эти фразы подчеркнуты. Иван Степанович в письме от 17.11.41 г. сообщал, что находится в г. Минусинске, «приехал недавно с Игарки сами знаете зачем. Нас привезли 25.08.41 г. Будем всемирно защищать Родину. Пишите письмо, буду ждать. Адрес г. Минусинск, Красн. край п/я 2807. В этом письме он послал справку родителям для пользования красноармейской льготой. Автор переходит к использованию родного языка, чтобы его, в данном случае, не заподозрили в трусости, а также он, очевидно, не имел права писать, где они находились и как долго там задержатся.

Во втором письме от 30.10.41 г. Иван уточнил, что такую же справку он уже послал своей семье. Автор письма благодарен брату, что тот поддерживает его жену Цилю, пишет ей письма, а также проявляет заботу о родителях, которые живут в Сыктывкаре. Циле он сейчас писем не пишет, так как навигация на Игарке закрылась. «Когда откроется зимняя, может мы тогда уже не будем в живых. Возможно с вами уже не увижусь. Сказать нельзя или предсказать нельзя. Здоровье плохое. А ходить пешком сами знаете (очевидно имеет в виду трудно). Пока находимся в Минусинске... не знаем где и что будем. Что-то говорили, что здесь будем жить до 15 декабря, а возможно и раньше переведут, увезут». Он посылает брату в письме фотокарточку. И обращается к нему с просьбой: «Возможно, меня не будет, так с нее перепишите и отправьте семье, если им потребуется. Возможно, я не смогу послать. Наперед ничего не знаешь. До свиданья. После разгрома фашизма встретимся».

Следующее письмо от него датировано 20.11.41 г. Письмо пишет в пути, адреса пока нет. Уточняет, «что отправились из Минусинска 11 ноября, конечный путь следования на Запад... едем последние дни очень тихо. Где остановка будет неизвестно. Это сами знаете едем не в гости, а уничтожать фашистских гадов». Сообщает брату, что успел получить от жены деньги, еще в Минусинске, посылку с теплыми вещами, но «все это пошло на горькую, редкий день приходилось, чтобы были трезвые. Дальше что и как будет напишу, если дорогой не уьют, уже сейчас боюсь». С одной стороны он прощается с родными, отмечает, что «возможно уже не увидимся». В то же время тешит себя надеждой, что «ничего, живы будем, на обратный (очевидно, имеет в виду путь) заедем в гости».

Затем связь с Иваном прервалась, письма не приходили. Алексей Степанович Пунегов, тоже находившийся на фронте, писал Николаю в 1942 г.: «Коля, все ничего, но только одно плохо от брата Васи ни одного письма не получал... может быть уже и живого нет уже». Николай Степанович в 1944 г. сделал запрос в Москву, в управление по персональному учету потерь действующей армии. В ответе сообщалось, что военнослужащий И.С. Пунегов по спискам потерь в управлении не значился. В деле И.С. Пунегова есть от руки написанный список умерших родственников на тетрадном листе. Составлен он был приблизительно в 60-е гг. XX в. Против Ивана Степановича обозначен год смерти – 1942 г.

Письма от Алексея Степановича сохранились без конвертов, поэтому не всегда можно определить, где он воевал, но они содержат некоторые бытовые подробности фронтовой жизни. В письме от 2.06.42 г., он раскрывает их: «Теперь про свою жизнь. Живу пока хорошо. Сейчас живем в лесу. Со старого места ушли в другое место, повыше за 40 верст к месту

боя. Правда, еще о самом бое неизвестно. В лесу жить хорошо. В лесу очень чистый воздух, только комаров очень много. Никогда не болел до настоящего времени, но это наступило. Стало подводить здоровье. Сейчас ноги постоянно сводит, ничего не могу сделать. Вторая болезнь привязалась. Целый день не спал. Болит внутри груди, голова. Не могу знать, что будет впереди. Больше писать нечего».

Текст письма Алексея брату (8.07.42 г.) весьма лаконичен – «новостей особых нет, а фронтовые вам известны. Сегодня мы идем в бой проклятого врага бить, что будет впереди, неизвестно. Может будут планы нарушены. Сильно не осуди что жизнь разрушил, так получилось». Не очень понятна последняя фраза. Возможно, Алексей не исключал своей смерти в предстоящем бою.

Последнее, сохранившееся письмо от Алексея, датировано 23.09.44 г. Оно написано из Эстонии, или, как у него указано в письме, – Истонии. Алексей подтверждал получение письма от Николая. Ответ пишет с опозданием, потому что «двигаемся вперед». Иносказательно объясняет родным свое местонахождение – «Коля, мы сейчас находимся, где пропал наш младший брат Ваня в 1941 году. Едем все дальше и дальше на Запад». Алексей вернулся живым с войны, работал закройщиком в портновских мастерских в городе Н. Тагил Свердловской области.

Воевали на войне и братья Августы Ивановны – Василий и Федор. Писем от Василия не сохранилось, но в письме Алексея Пунегова есть строки – «от дяди Васи получил письмо, он писал, что был ранен, его снова положили в госпиталь, раны загноились». Василий Иванович остался жив. После войны работал зав. райторготделом в Койгородке. Старший брат Федор пропал без вести в 1941 г. От него сохранилось единственное письмо (26.09.41 г.), в котором он писал о трудностях, с которыми столкнулись бойцы в начале фронтовой жизни, как трудно было привыкать к военной дисциплине. Автор выразил надежду, что «привыкнем к военному делу. Это есть армия, поэтому всем нужно встать на защиту своей Родины. Нужно всем с ним (Гитлером) бороться. ...как бы скорее разгромить этого фашиста, жуткого Гитлера, и чтоб у него духу не было на нашей земле». Текст письма очень трудно читать, так как оно писалось, как сообщал автор, на руках. Содержание письма было небольшим. Как пояснил Федор, он кончает писать, «потому что бумаги нет, куда и писать».

В письмах, адресованных родным, прослеживаются забота и внимание к родителям, братьям и сестрам. Есть понимание необходимости борьбы с врагом (Гитлером, фашистами), страх смерти и надежда на то, что все обойдется, они обязательно вернутся домой, к своим близким.

В годы войны умер отец Николая – Степан Григорьевич (1942), в 1941 г. погиб на фронте муж сестры Шишкиной Марии Степановны.

С 1938 г., как писал в автобиографии Н.С. Пунегов, он находился в кадрах Советской Армии на офицерских должностях в органах местного военного управления в Коми АССР: начальник мобилизованной части Сыктывкарского горвоенкомата (с 1938–1942), райвоенком Прилузского райвоенкомата (1942–1943), начальник отдела в военном комиссариате Коми АССР (1944–1945). Работа была непростой, приходилось нести персональную ответственность за ход мобилизации, ему удавалось с ней успешно справляться. За добросовестную и четкую работу в проведении мобилизационных мероприятий, большую помощь работникам других частей горвоенкомата начальнику 1-й части, технику-интенданту 1-го ранга Н.С. Пунегову была объявлена в 1942 г. благодарность горвоенкома Пыстина. Когда он работал в военном комиссариате Коми АССР, был наделен определенными полномочиями. В удостоверении, выданном ему, отмечалось, что «Старший лейтенант тов. Пунегов имеет право проверять на территории Коми АССР: 1) состояние всех видов учета военнообязанных рядового и начальствующего состава запаса во всех военно-учебных органах; 2) состояние работ по бронированию и спецучету во всех предприятиях, учреждениях и организациях Коми АССР; 3) организовывать проверку военных документов у всех граждан в любом населенном пункте или общественном месте в любое время дня и ночи; 4) задерживать и направлять в рай(гор)военкоматы и отделения милиции подозрительных».

В 1947 г. Н.С. Пунегов был награжден медалью «За боевые заслуги».

Частые переводы мужа на новое место работы приводили к тому, что Августе Ивановне приходилось нередко писать заявления об увольнении ее с работы «по семейным обстоятельствам». В годы войны она была воспитателем детских садов «Комилес» (Сыктывкар), в Объячево и снова в Сыктывкаре.

В годы войны Пунеговы, как и остальные жители страны, подписывались на займы, приобретали билеты денежно-вещевой лотереи. В 1942 г. Августе Ивановне была дана справка в том, что с нее действительно удержано по месту работы «за военный заем денег в сумме 125 рублей и за лотерею 40 рублей». В 1946 г. Августа Ивановна была награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

После окончания войны в июне 1945 г. Николай Степанович был назначен военкомом в Корткеросский район. В 1950 г. ему было присвоено звание майора. Только в 1955 г. они возвращаются в Сыктывкар, Николай Степанович будет работать в Сыктывкарском военкомате начальником второй части, а Августа Ивановна – воспитательницей в одном из детских

садов города. Дочь Тамара училась в школе № 12, а Августа Ивановна – член родительского комитета. За свою работу она получила благодарность школы. Это документ своего времени, можно только удивиться, какие замечательные слова приведены на школьном листе. Приводим содержание полностью.

«Дорогая Августа Ивановна!

Коллектив учителей нашей школы глубоко благодарит Вас за весь 3-х летний труд на общественной работе в качестве родительского комитета. За время работы, Августа Ивановна, Вы проявили себя, как прекрасный товарищ, были энергичным, заботливым и чутким помощником всему коллективу учителей нашей школы. С материнской любовью и заботливостью относились вы ко всем нуждам учащихся, и не жалея сил и времени, делали всё возможное для них Мы очень сожалеем, что Вы августа Ивановна, оставляете общественную работу в школе, но уверены, что всегда, в нужное время, можем надеяться на помощь с Вашей стороны.

Учительский коллектив выносит Вам свою большую благодарность за бескорыстный общественный труд, с которым Вы справились прекрасно».

В январе 1957 г. Николай Степанович уволен в запас. Майору Пунегову Николаю Степановичу за 20 лет выслуги в Советской Армии назначена пенсия 880 рублей в месяц. Августа Ивановна к этому времени уже не работала. После выхода на пенсию началась новая страница в жизни семьи Пунеговых.

Н.И. Сурков*

НА ЗАЩИТЕ ОТЕЧЕСТВА

1. Степан Лыткин, участник сражения в болгарском городе Елена

Степан Иванович Лыткин, уроженец Вильгортской волости, родился в 1842 г. в крестьянской семье. В январе 1865 г. его призвали по рекрутскому набору на военную службу. Он был зачислен рядовым в 36-й запасной пехотный батальон [1]. Принял активное участие в русско-турецкой войне. Вместе с десятками своих земляков солдат русской армии принес освобождение от османского ига единоверцам-болгарам.

22 ноября 1877 г. Степан Лыткин сражался у городка Елена. Там небольшой русский отряд генерала Домбровского прикрывал дорогу на Тырново.

Учитывая свое недавнее поражение, турецкий военачальник Сулейман-паша обеспечил значительный перевес своих войск, собрав около 30 тыс. чел. На его стороне были: неудачный выбор русскими оборонительной позиции – в котловине между гор с недостаточным обзором и обстрелом, беспечность командира корпуса Деллинсгаузена, который своевременно не учел серьезности угрозы малочисленному отряду генерала Домбровского. На реальные опасения своих подчиненных Деллинсгаузен ответил: «Вы таких страстей наговорили, что ночью приключится кошмар» [2]. Кстати, о готовящемся наступлении турок под Еленой заранее предупреждали болгары, в том числе и женщины. Они знали турецкий язык и, прислушиваясь к разговорам турецких солдат и офицеров, смогли узнать об их планах. Довели эти сведения до русских [3].

На рассвете 22 ноября 1877 г., охватив оба фланга, турки бросились на лагерь русских войск. Началась настоящая резня. Русские солдаты спроне, полураздетые, едва успев захватить ружья с патронами, пошли врукопашную. Под натиском наступавшей массы вражеских сил русские стали отступать. Улицы Елены были загромождены людьми, лошадьми, орудиями. Трудно было выйти из ущелья на равнину, поперек которой была большая возвышенность, что являлось своеобразным барьером. В этой критической обстановке две роты Орловского полка бросились в штыки на численно превосходящих турок и остановили их наступление. Благодаря этому большинство русских сумело выбраться из ущелья и занять удобную позицию. Но почти все смельчаки полегли в неравном бою [4]. Отряд

* **Сурков Николай Иванович** (Сыктывкар) – кандидат исторических наук, доцент Коми государственного педагогического института, член-корреспондент Академии военно-исторических наук.

Домбровского во время этого боя потерял треть своего состава. Многие были ранены. В том бою тяжелое ранение получил и Степан Лыткин. Но турки не решились продолжать наступление, да и к тому же, захватив город, они принялись его грабить.

Во время этого сражения Степан Лыткин был тяжело ранен, а именно: «пуля вошла сзади нижнего края большой ягодичной мышцы и, направляясь сверху вниз и вперед, вышла на средней поверхности бедра чрез ... прямой бедренной мышцы» [5].

16 августа 1879 г. солдат С. Лыткин уволен в отставку. Сразу же прибыл на родину. 22 октября 1879 г. на него был составлен инвалидный список в Усть-Сысольском уездом по воинской повинности присутствию. Состоявшаяся медицинская комиссия в итоге удостоверила, что Степан Лыткин «среднего роста, слабого телосложения, жалуется на болезненное разгибание и схождение левой ноги от последствий перенесенного им ранения в бедро этой ноги» [6]. Из-за ранения его причислили к третьему классу инвалидности [7]. За участие в русско-турецкой войне Степан Иванович Лыткин имел светло-бронзовую медаль.

Источники и литература

1. НА РК. Ф. 34. Оп. 1. Д. 371. Л. 44.
2. Фортунатов Ф.К. Война 1877–1878 гг. и освобождение Болгарии. М., 1950. С. 129.
3. Улунян А.А. Болгарский народ и русско-турецкая война 1877–1878 гг. М., 1971. С. 73.
4. Фортунатов П.К. Война в 1877–1878 гг. и освобождение Болгарии... С. 128–129.
5. НА РК. Ф. 74. Оп. 1. Д. 371. Л. 43.
6. Там же.
7. Там же. Л. 45.

2. Виктор Жебов, освободитель Софии

Виктор Прохорович Жебов родился 29 января 1855 г. Происходил из государственных крестьян Уркинской волости (с. Лойма, дер. Филипповка). Признан годным к строевой службе и зачислен новобранцем 2 декабря 1876 г. В документах приведены его физические данные, в частности, рост его составлял 2 аршина 6 4/8 вершка (171 см) [1]. Указано, что он православного вероисповедания, неграмотный, обучен крестьянским работам. 8 февраля 1877 г. В. Жебова перевели в Егерский полк.

Солдат Жебов с 23 августа 1877 г. по 3 сентября 1878 г. находился в Европейской Турции, с войсками прошел территорию Румынского княжества и 19 сентября 1877 г. переправился через Дунай у г. Систова. После

форсирования Дуная направлен в Плевну, где вошел со своим полком в Плевенский отряд под начальством князя Карла Румынского. С 19 октября 1877 г. участвовал в тесной блокаде Плевны в Высочайшем Государя Императора присутствии. Тесная блокада Плевны совершенно прервала получение осажденными турками всякой помощи извне в виде боеприпасов и продовольствия.

Положение турецких войск в Плевне становилось все тяжелее. С середины октября солдатам стали выдавать по 0,5 пайка, а с 25 октября продовольствия осталось на шесть дней. Большую помощь русским войскам оказывали болгары, которые прятали продовольствие, передавали русским сведения о положении осажденных и их настроении. Все это привело позднее к капитуляции турок [2].

В начале декабря 1877 г. В. Жебова перевели в Западный отряд под командованием генерал-адъютанта И.В. Гурко. Спустя две недели (19 декабря) В. Жебов в составе Западного отряда под общим начальством И.В. Гурко переходил Балканы [3]. Генерал Гурко в приказе по Западному отряду писал: «Занятием Софии отличился этот блестящий период настоящей кампании переход через Балканы, в котором не знаешь, чему удивляться: храбрости ли мужеству вашему в боях с неприятелем или же стойкости и терпению в перенесении тяжелых трудов в борьбе с горами, морозами и глубокими снегами. Пройдут годы, и потомки наши, посетив эти дикие горы, с гордостью и торжеством скажут: «Здесь прошли русские войска и воскресили славу суворовских и румянцевских чудо-богатырей» [4].

Утром 23 декабря русские войска торжественно вступили в Софию [5]. В числе солдат, которых встречали жители города, был В. Жебов. Позднее он, видимо, неоднократно рассказывал своим землякам об этих волнующих минутах. Свидетель и участник освобождения Софии Н.А. Епанчин писал: «Нас встретили жители с духовенством во главе, с крестами, иконами, хоругвями. Болгары осыпали путь наш зелеными ветками букуса – род мирты, которая и зимой не теряет листьев» [6]. Во главе войск проследовал генерал И.В. Гурко.

До февраля 1878 г. В. Жебов находился в Софии и мог пользоваться гостеприимством освобожденных от османского ига единоверцев болгар. Из Софии В. Жебова направили в Константинополь, вблизи которого у деревни Сафракия он расположился бивуаком со 2 марта по 4 мая 1878 г. С 4 мая по 13 августа он находился в поселениях Чифу, Чифтлик, Ай-мама. 13 августа прошла посадка на суда. В Россию возвратился пароходом по Мраморному и Черному морям. 15 августа высадился на берег в России.

Солдат В. Жебов служил в одно время обозным рядовым. Потом снова зачислен в строй. 30 января 1878 г. назначен казенным денщиком.

С 30 января 1880 г. он постоянный вестовой, а с 8 февраля 1881 г. – снова казенный денщик. В запас армии он уволен 29 апреля 1881 г. По окончании общего срока службы переведен из запаса в ратники ополчения до 43-летнего возраста по свидетельству от 23 декабря 1894 г. Исключен из ратников государственного ополчения в отставку 31 декабря 1898 г. Виктор Прохорович Жебов прослужил 4 года и 7 месяцев в одном и том же Лейб-Гвардии Егерском полку. За доблестную службу он имел светло-бронзовую медаль в память войны 1877–1878 гг. и Румынский железный крест [7]. Старый солдат получил жалование 2 р. 10 к. в год.

Источники и литература

1. Национальный архив Республики Коми (НАРК). Ф. 36. Оп. 1. Д. 38. Л. 1.
2. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. М., 1977. С. 151.
3. НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 38. Л. 5.
4. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. М., 1977. – С. 163.
5. НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 38. Л. 5.
6. Епанчин Н.А. На службе трех императоров. М., 1996. С. 119.
7. НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 38. Л. 2об.

3. Балтийский матрос Илья Самсонович Осипов

Илья Самсонович Осипов родился 18 июня 1880 г. Происходил будущий матрос из мещан г. Усть-Сысольска. Его отец – Самсон Осипович Осипов – служил рядовым Усть-Сысольской уездной полицейской команды. В мае 1886 г., находясь в отставке, проходил медицинское освидетельствование на предмет получения пенсии, в результате которого врачами был установлен диагноз – хронический бронхиальный катар при ослаблении зрения на оба глаза вследствие катаракты. Врачи единогласно высказались за выдачу пособия.

Данное пособие назначалось отставным военным служащим на основании Указа Правительствующему Сенату, подписанного императором Александром II от 25 июня 1867 г. Согласно Указу назначалось пособие в сумме 3 руб. в месяц. Но получить его можно было не только по состоянию здоровья, но и еще по двум причинам – при неимении родственников, могущих прокормить старого солдата, и при отсутствии каких-либо доходов.

В 1901 г. Илья Осипов был призван на действительную военную службу и зачислен матросом на эскадренный броненосец «Петропавловск», входивший в состав Балтийского флота. С началом русско-японской войны И. Осипов на своем корабле был отправлен на Дальний Восток. 31 марта 1904 г. флагманский корабль «Петропавловск», на котором находились Главнокомандующий Тихоокеанским флотом вице-адмирал С.О. Макаров,

знаменитый русский художник-баталист В.В.Верещагин, подорвался на mine и в считанные минуты пошел на дно.

По поводу гибели «Петропавловска» разгорелся спор между подполковником А.Н. Крыловым и главным инспектором кораблестроения генерал-лейтенантом Н.Е. Кутейниковым. А.Н. Крылов, в будущем знаменитый кораблестроитель, академик, составил таблицы непотопляемости корабля. По его утверждению, Н.Е. Кутейников проявил медлительность при их внедрении в практику. Но на самом деле А.Н. Крылов примерял свои таблицы на макете, и ему были высказаны замечания, ошибки в расчетах, да не в каждом случае могли быть применены эти таблицы. Но спор продолжался многие десятилетия, хотя сам Н.Е. Кутейников умер в 1906 г. [1].

В числе погибших матросов броненосца «Петропавловск» оказался и И. Осипов. Командир броненосца капитан 1 ранга Яковлев, кстати, оставшийся в живых, согласно существовавшему порядку обратился к Вологодскому губернатору с просьбой сообщить сведения о матросе И. Осипове, чтобы поставить вопрос о материальной поддержке семьи погибшего. В свою очередь, Вологодский губернатор 23 июня 1905 г. предписал Усть-Сысольскому уездному полицейскому исправнику В.П. Сорохтину «представить сведения о материальном и семейном положении погибшего на означенном броненосце нижнего чина Ильи Самсонова Осипова, происходившего из мещан г. Усть-Сысольска, а также о том, не имеется ли каких писем или документов относительно денег, вложенных погибшим в сберегательную книжку» [2]. Если у матроса были какие-либо деньги, в том числе и на сберкнижке, то их отсылали семье.

Полицейский исправник поручил собрать сведения об И. Осипове полицейскому надзирателю г. Усть-Сысольска. В итоге выяснилось, что И. Осипов был холост, никакого имущества (движимого и недвижимого) не имел. В Усть-Сысольске проживала его мать – вдова Парасковья Фоминична, 57 лет, бедного состояния, земли не имела. Кроме погибшего старшего сына были еще два сына – Иван 20 лет, который ушел добровольцем в армию, но неизвестно в какую часть, и Николай 16 лет. Кроме сыновей была еще дочь Ульяна 36 лет, проживавшая в г. Чердынь Пермской губернии. Каких-либо «документов относительно денег, вложенных погибшим Осиповым в сберегательную книжку, не имеется» [3].

В октябре 1914 г. Парасковья Фоминична обращалась с просьбой к Усть-Сысольскому воинскому начальнику о выделении ей пособия. Она мотивировала свою просьбу тем, что после гибели старшего сына ни от города, ни от казны никакого пособия не получала. В прошении указано: «Покорнейше прошу Ваше Высокоблагородие ходатайствовать мне, как бедной вдове какого-либо пособия на содержание, в чем очень нуж-

даюсь в настоящее время в виду дороговизны жизненных продуктов» [4]. Положение бедной вдовы усугублялось еще и тем, что ее младший сын Николай был отправлен в действующую армию к границе с Австрией.

По поводу ходатайства Парасковьи Осиповой уездный воинский начальник подполковник Демидов обязал полицейского надзирателя объявить просительнице, что она за сына Николая, находившегося на действительной службе, не имеет права на получение пособия в течение полного срока службы, а это три года. Если он будет задержан на службе свыше трех лет, то тогда можно ставить вопрос о выделении пособия. Что касалось старшего сына Ильи, то ей необходимо было обратиться с прошением в местное по воинской повинности Присутствие. Вопрос о назначении пособия мог решиться положительно, если у нее не было других способных к труду сыновей [5]. Очень сложно было добиться пособия. Мы не имеем сведений, удалось ли решить этот вопрос положительно.

Имя мужественного матроса Ильи Самсоновича Осипова, уроженца г. Усть-Сысольска, должно храниться в памяти земляков.

Источники и литература

1. Глебов А.П. Н.Е. Кутейников и А.Н. Крылов: спор о причинах гибели броненосца «Петропавловск» // Вопросы истории. 1999. № 4–5.
2. НА РК. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1772. Л. 34.
3. НА РК. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1772. Л. 32.
4. НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 629. Л. 186.
5. Там же. Л. 187.

4. Михаил Ногиев – герой штурма Плевны

Михаил Иванович Ногиев родился в 1851 г. в с. Усть-Кулом. Православного вероисповедания. На действительную службу принят по жеребьевке в Усть-Сысольском по воинской повинности присутствии 18 января 1873 г. Зачислен рядовым в переменный состав 80 пехотного резервного батальона 16 марта 1873 г. Переведен в 51 пехотный резервный батальон 20 марта 1873 г. Спустя три месяца, 28 июня 1873 г., включен в состав 7 пехотного Ревельского полка [1]. Через три года М. Ногиеву присвоили звание унтер-офицера, а через полмесяца, 5 июля 1876 г., он стал старшим унтер-офицером. Быстрое продвижение по службе свидетельствует о том, что М. Ногиев зарекомендовал себя отличным солдатом. Как указано в послужном списке солдата: «В походах и делах был противу турок в 1877–1878 годах» [2]. В составе Ревельского полка старший унтер-офицер Михаил Ногиев участвовал в конце августа 1877 г. в третьем штурме Плевны. Но штурм снова оказался неудачным. Отрицательно сказалось отсутствие

единого командования атакующих. Формально во главе Западного отряда, куда входил Ревельский полк, стоял румынский князь Карл. Но фактически руководил войсками начальник штаба отряда генерал П.Д. Зотов. Он же командовал русскими войсками. Румынские войска были в ведении своего генерала Черноты. Под Плевной находились Александр II, военный министр Д.А. Милютин и главнокомандующий Дунайской Армией великий князь Николай Николаевич. Все это не позволило обеспечить четкое управление войсками [3].

Многие солдаты и офицеры сражались геройски. К примеру, в отряде Скобелева бессмертный подвиг совершил майор В.М. Горталев. Его рота захватила турецкий редут Каванлык и отбила пять атак врага, но при шестой – турки ворвались в редут и подняли Горталева на штыки [4]. Успешно действовал весь отряд Скобелева, вклинившийся в середину турецкой обороны, но отряд был малочисленным и без поддержки не смог развить успеха и вынужден был отойти от захваченных турецких редутов [5]. За участие в этом сражении старший унтер-офицер М. Ногиев получил светло-бронзовую медаль в память войны с Турцией в 1877–1878 гг.

29 октября 1878 г. солдат М. Ногиев был уволен в запас армии и вернулся в родное село. В 1880-х гг. XIX в. Михаил Иванович занялся строительством дома. За разрешением заготовить строительный лес он обратился в Управление государственным имуществом Вологодской губернии. Просьба его была удовлетворена, чему способствовали верная служба солдата царю и Отечеству и его участие в русско-турецкой войне, а также его заслуженная награда. К тому же он служил исправно, имел высокое солдатское звание и не подвергался наказаниям в течение службы. Когда солдат получал наказание, то это обязательно отмечалось в послужном списке, что было препятствием при всевозможных ходатайствах солдата. М. Ногиеву выдали билет от 12 сентября 1882 г. за № 100 на порубку безденежно ста пятьдесят сосновых бревен в Веслянской даче, объезд № 3, обход № 10. Подписал билет заведующий Вычегодским лесничеством.

В 90-х гг. XIX в. умерла жена солдата – Елена Ивановна. Из-за этого 28 января 1894 г. ему пришлось вступить в очередной брак с крестьянской девицей Евдокией Дмитриевной 23,5 лет православного вероисповедания, как указано в соответствующем документе. Обряд венчания исполнили священник Николай Доброумов, дьякон Николай Латкин и псаломщик Федор Попов. Скончался Михаил Иванович Ногиев 2 июня 1901 г. В последний путь его проводили священник Дмитрий Попов, дьякон Александр Соснин и псаломщик Александр Трубачев [6].

Литература и источники

1. Национальный архив Республики Коми (НАРК). Ф. 34. Оп. 1. Д. 320. Л. 3.
2. Там же. Л. 4.
3. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. М., 1977. С. 146.
4. Виноградов В.И. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. и освобождение Болгарии. М., 1978. С. 178.
5. Там же. С. 184.
6. НАРК. Ф. 34. Оп. 1. Д. 320. Л. 5.

5. Михаил Паниюков – кавалерист-гвардеец

Михаил Дмитриевич Паниюков родился 13 сентября 1855 г. Происходил из крестьян Богородской волости деревни Большелужской. Вероисповедования православного, неграмотный, владел ремеслом хлебопашества. Рост имел 2 аршина 7 вершков, что соответствовало 173,5 см [1]. В службу вступил 9 декабря 1876 г. «При распределении назначен в Лейб Гвардии Драгунский полк и зачислен налицо 5 февраля 1877 года» [2]. Вместе с полком 4 августа 1877 г. был отправлен в поход против турок. В местечке Скуляны 25 августа 1877 г. Драгунский полк перешел границу Российской империи и вступил в Румынию. Несколько ранее, 16 апреля 1877 г., Россия подписала с Румынией конвенцию о проходе русских войск через румынскую территорию. Россия гарантировала Румынии полную независимость от Турции. Через полтора месяца Румыния официально вступила в войну против Турции. 24 апреля в Кишиневе был обнародован царский манифест, и русские войска перешли румынскую границу [3].

Движение русских войск по румынской территории проходило в образцовом порядке. Один из адъютантов князя Карла Румынского, Т.В. Вакареску, писал: «Русские солдаты вели себя на марше примерно, соблюдая строгую дисциплину. Национальный суверенитет, закон и порядок нашей страны не были нарушены». Капитан Финляндского полка Вольский отметил в своем дневнике: «Солдаты вели себя хорошо. На дневке под Бухарестом не было ни одной неприятности и не поступало ни одной жалобы от жителей». Румынское правительство выразило командованию Дунайской армии благодарность «за образцовое поведение войск» [4].

Этот поход по Румынии проводился без преодоления какого-либо сопротивления со стороны врага, но для русских солдат он оказался крайне тяжелым. Один современник описывал этот 600-километровый поход частей VIII корпуса следующим образом: «Тяжело доставались частям войск эти переходы; пришлось вязнуть и шаг за шагом выкарабкиваться, а для вытягивания из грязи повозок не только припрягать в помощь лошадям волов, но и наряжать команды усталых нижних чинов... В походном дви-

жении через Румынию до самого Бухареста войска были преследуемы неудачами: разлив бурных южных рек и речек, снося мосты, везде натворили столько бед, что прибытие войск в столицу Румынии запоздало почти на две недели против расчета, сделанного полевым штабом и объявленного к исполнению» [5]. Некоторые русские воины отмечены Румынским железным крестом. Среди награжденных были и солдаты Коми края.

14 сентября 1877 г. в составе своего полка Михаил Панюков форсировал Дунай. С 6 по 26 октября находился в составе Плевенского отряда. Затем его включили в Западный отряда генерал-адъютанта И.В. Гурко, где находился с 26 октября 1877 г. по 19 января 1878 г. Активно участвовал М. Панюков во втором периоде войны. Смело проявил себя в демонстративной атаке под Телишем, где шел с отрядом флигель-адъютанта полковника Челищева 12 октября 1877 г. Был при взятии генерал-адъютантом И.В. Гурко Телишской укрепленной позиции со всем гарнизоном 28 октября 1877 г. Наступление на Телиш было предпринято после боя под Горным Дубняком. Первый штурм оказался неудачным. Тщательно готовились к следующей атаке. Главным средством овладения Телишем Гурко признал артиллерию. 16 (28) октября началось второе наступление на Телиш. В нем задействовали четыре бригады и 72 орудия. Меткий и мощный огонь русской артиллерии сломил волю противника. После трехчасовой бомбардировки гарнизон Телиша в количестве 5 тыс. чел. капитулировал. Русские потеряли составили 50 чел. [6].

После овладения этими пунктами блокада турок стала полной. Турецкое командование попыталось деблокировать свои войска. Но русские по плану генерала Гурко нанесли упреждающий удар. Они выдвинулись в район Орхание, где турки сосредоточили 25 тыс. чел., разгромили их. После этого вражеские солдаты отошли на позиции у Араб-Конака. В составе кавалерийского отряда генерала Леонова Михаил Панюков брал укрепленный город Врацы [7]. Состоял он и в отряде Гурко, который тремя колоннами 13 декабря начал штурм хребта через Араб-Конакский перевал. Намечалось в течение 48 часов преодолеть его, но в действительности ушло шесть дней. Утром 23 декабря 1877 г. (3 января 1878 г.) русские войска заняли Софию. Все отряды русских, преодолевшие Балканы, насчитывали 165 тыс. чел. при 732 орудиях [8].

Кавалерист М. Панюков находился на Балканском полуострове со дня заключения перемирия в Айраболе с 10 по 23 января 1878 г., в Родопо – с 25 января по 14 марта. В составе авангарда действующей армии находился под Константинополем в Арнаутской, Имбрикинской и у Галатории с 17 марта по 27 августа 1878 г. Участвовал в обратном походе в Россию с 27 августа по 21 сентября 1878 г. Перешел границу в Черном море на

пароходе 28 августа 1878 г. Высадился в Севастополе 29 августа 1878 г. Наказаниям солдат М. Панюков не подвергался. Уволен в запас 8 декабря 1882 г., а в отставку отправлен 31 декабря 1898 г. Имел он светло-бронзовую медаль за участие в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. и Румынский железный крест. Получал пособие в сумме 7 руб. 35 коп. в год.

Литература и источники

1. НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 112. Л. 1об.
2. Там же.
3. История СССР. М., 1968. Т. V. С. 252.
4. Виноградов В.И. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. и освобождение Болгарии. М., 1978. С. 103.
5. Фортунатов П.К. Война 1877–1878 гг. и освобождение Болгарии. М., 1950. С. 74–75.
6. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. М., 1977. С. 150.
7. НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 112. Л. 3.
8. Золотарев В.А., Межевич М.Н. История нелегкой победы. М., 1979. С. 13.

6. Покоритель Балкан

Василий Михайлович Калимов родился 31 декабря 1854 г. Он происходил из государственных крестьян с. Айкино Яренского уезда. В русскую армию был призван в 1875 г. В 1877–1878 гг. участвовал в походах и военных действиях в Европейской Турции во 2, 3 и 4-м периодах кампании в лейб-гвардии Финляндском полку. 28 августа 1877 г. у г. Яссы перешел границу России. 9 октября зачислен в состав Плевенского отряда князя Карла Румынского. Этому отряду поручалось обеспечение блокады турецких войск. В результате чего окруженные турецкие войска лишались связи с внешними силами и не могли получать от них подкрепление. Василий Калимов был и в составе левой колонны Западного отряда генерал-адъютанта И.В. Гурко [1]. 12 октября под начальством Свиты Его Величества генерал-майора Розенбаха участвовал в сражении у деревни Горный Дубняк. 17 и 19 ноября под начальством Свиты Его Величества генерал-майора Рауха находился при обстреливании турками позиции и участвовал в перестрелке против Араб Конака и Шандорика [2]. С 21 по 24 ноября отбивал три атаки турок на Финляндскую гору. С 29 ноября по 15 декабря был в ежедневных ружейных перестрелках на позициях у Араб Конака и Шандорика.

Серьезным препятствием на пути русских войск стали Балканские горы, которые представляли собой узкий хребет с пологой покатостью к северу и обрывисто спускающихся к югу. Северный скат – параллельные, извилистые, узкие долины, сжатые отвесными скалами высотой до 70 м. Южный склон – короткие отроги, круто спускающиеся вниз. Дороги большей

частью идут по гребням. Особую опасность для прохождения войсками главного хребта создавали недостаток воды, плохое качество дорог – местами 2-3 шага от скалы до пропасти. Трудности значительно усиливались из-за суровой зимы и действий турок, которые имели в разных местах гор свои укрепления. К тому же русское командование до войны из-за слабости разведки не представляло всей сложности преодоления гор.

По поводу перехода Балканских гор у русских не было общего мнения. Например, генерал Э. Тотлебен был против этого шага, но командующий русской армией на Балканах Великий Князь Николай Николаевич настойчиво высказался за переход через горы, утверждая, что для русского офицера и солдата нет ничего невозможного. Кстати, он всегда высоко отзывался о героизме русских воинов. В конце войны, оставляя пост командующего, он сказал: «Я горжусь, что мне пришлось командовать такой славной армией» [3].

По свидетельству участника Русско-турецкой войны Н.А. Епанчина, будущего генерала, был разработан порядок перехода через Балканы. По ротам распределили орудия и зарядные ящики. Причем каждой роте доставалось что-то одно: орудие или зарядный ящик. Артиллерию можно было перебрасывать через горы только с помощью людей. Они тащили орудия и боеприпасы на себе. Из-за того, что солдаты постоянно находились на морозе, почти все страдали катаром дыхательных путей. Не умолкал общий кашель. Конечно, надо было иметь железное здоровье, чтобы вынести эти трудности, нужна была железная воля к победе. Русские солдаты безропотно переносили эти испытания и показали себя истинными наследниками суворовских «чудо-богатырей» [4]. Среди них был и солдат Коми края Василий Калимов, преодолевший Балканы 19 декабря 1877 г. После перехода через Балканы в рядах русских войск сложилась песня с припевом: «Мы Балканы проходили, потому что был приказ» [5]. В последний день декабря 1877 г. он участвовал в перестрелке в дер. Баня. Затем отряд Гурко освобождал Софию. Но Василий Калимов, по-видимому, не участвовал в этой операции, так как свидетельств об этом в документах не имеется.

После изгнания турок из Софии отряд генерала Гурко ставил своей целью окончательный разгром неприятеля на р. Марица. Как и в горах, главным препятствием для русских были холод, снег, дожди и распутица. На преодоление 16-20 км требовалось 15-18 часов. Выступили в пятом часу утра. Еще тяжелее было движение на подходе к Филиппополю (ныне – Пловдив). Продвигаясь по глубокому снегу, отряд встретил на пути р. Марица шириной до 180 метров при глубине выше пояса. По реке шел лед, температура была 7-8 градусов мороза, дул резкий сильный ветер. Но все это не остановило русские войска. Солдаты перешли реку вброд [6]. Мокрые

после перехода реки русские лишь частично смогли разместиться по домам. Большинство из них, в том числе и Калимов, провело всю ночь перед боем прямо на снегу. Но, несмотря на это, сражение под Филиппополем, длившееся с 3 по 5 января 1878 г., русские выиграли, враг был разбит. Благодаря этому путь туркам на Адрианополь был отрезан. Их оттеснили к Родопским горам. Русским войскам открылась дорога на Стамбул, на пути к которому оставался Адрианополь. Турки попытались там устроить новую Плевну. Но стремительно наступавшие русские прошли за 40 часов около 90 км, оказались у Адрианополя раньше, чем их ожидали там турки, которые без боя оставили город.

Но В. Калимову не пришлось участвовать в освобождении Адрианополя. 6 января он тяжело заболел, после чего попал в лазарет, откуда направили в запасной батальон этого полка в г. Санкт-Петербург. В столицу он прибыл 9 февраля 1878 г. [7]. Ратный труд Василия Калимова был отмечен двумя наградами – светло-бронзовой медалью за войну с Турцией и Румынским железным крестом в память перехода через Дунай [8]. Солдат В. Калимов получил небольшое жалованье – 4 руб. 95 коп. в год. Уволился он из армии 10 ноября 1880 г. рядовым Гвардейской инвалидной команды при штабе войск гвардии Петербургского гарнизона. Доживал свой век старый солдат в родном селе.

Литература и источники

1. НАРК. Ф. 34. Оп. 1. Д. 65. Л. 65.
2. Там же.
3. «Я горжусь, что мне пришлось командовать такой славной армией» // Военно-исторический журнал. 2001. № 8.
4. Епанчин Н.А. На службе трех императоров. М., 1996. С. 115.
5. Там же. С. 113.
6. Фортунатов П.К. Война 1877–1878 гг. и освобождение Болгарии. М., 1950.
7. НАРК. Ф. 34. Оп. 1. Д. 65. Л. 68.
8. Там же. Л. 65.

7. Семен Логинов – герой Плевны

Семен Михайлович Логинов родился в 1844 г. в дер. Кужевской Усть-Куломской волости. До службы в армии занимался привычным делом – крестьянствовал, охотился в родной Парме, ловил рыбу в Вычегде. 2 января 1865 г. его призвали по рекрутскому набору на действительную военную службу. Определили молодого солдата в 117-й пехотный Ярославский полк. Спустя двенадцать лет Семен Логинов вошел в Дунайскую армию для ведения боевых действий против турок на территории Болгарии. В

составе русских войск солдат Логинов участвовал в освобождении еди-новерцев-болгар от османского ига. К тому времени Семен Логинов был уже опытным солдатом и участвовал в штурме Плевны, где засел сильный турецкий отряд. 30 августа 1877 г. состоялся третий штурм. До этого дважды – 8 и 18 июля – безуспешно русские пытались захватить Плевну, но и в оче-редной раз она не покорилась. Русские генералы торопились препод-нести победу под Плевной в качестве подарка ко дню рождения императора Александра II, который находился в то время в войсках. Штурм Плевны не был тщательно подготовлен, поэтому вместо подарка царю вышел больш-шой конфуз. Погибли 12 тыс. русских и 3 тыс. румынских солдат.

После этого неудачного сражения некоторые русские генералы пред-лагали поставить вопрос об отводе войск от Плевны и возвращении в Ру-мынию. Но военный министр Д.А.Милютин настоял блокировать и, в конце концов, сломить сопротивление неприятеля.

В этом сражении участвовал солдат Семен Логинов. Бой для солдата имел тяжелые последствия. Он был ранен двумя пулями в левое колено. Одна пуля вошла в среднюю заднюю часть поверхности левого бедра, причинив повреждение бедренной кости, другая – вошла несколько выше коленного сустава с внутренней стороны и, пробив нижний край мышцы, остановилась на бедренной кости, не причинив последней никакого вреда. Пуля эта была свободно вынута из раны. Раненый, к счастью, не потерял много крови.

Раненого солдата отправили в Новогеоргиевский лазарет, где он на-ходился с 12 октября по 8 ноября 1877 г., а 22 ноября его уволили в от-пуск на родину на один год. Спустя год он был освидетельствован в Усть-Сысольском уездном по воинской повинности присутствии и признан ввиду неизлечимости своих ран вовсе неспособным к службе. Да к тому же инвалиду войны трудно было добывать средства собственным трудом. А средств никаких он не имел, чтобы прокормить себя и свое семейство. Поэтому он обратился с прошением к начальнику Вологодской губернии, в котором, в частности, писал: «Покорнейше прошу Ваше Превосходительство на основании объявленного мне приказа по войскам Московского ок-руга № 48 сделать распоряжение об освидетельствовании меня комиссией для причисления к разряду раненых по выдаче инвалидного списка на предмет получения пенсии от Александровского Комитета раненых» [1]. Просил он также, чтобы медицинская комиссия освидетельствовала его в г. Усть-Сысольск, так как следовать пешком до Вологды он не мог да и не было денег для найма подводы [2]. Семен Логинов был неграмотным, и по его личной просьбе расписался капитан Владимир Попов. Это про-шение следовало представить уездному воинскому начальнику, который с

сопроводительным письмом от 23 февраля 1879 г. отправил его начальнику Вологодской губернии. В сопроводительном письме сообщалось: «Настоящее прошение отставного рядового 117 пехотного Ярославского полка Семена Михайлова Логинова с приложением его свидетельства о выполнении воинской повинности за № 451 и медицинского освидетельствования о болезни от 7 ноября 1877 года за № 480 имею честь представить на благоусмотрение Его Превосходительства Начальника Вологодской губернии» [3].

Усть-Сысольскому полицейскому управлению 6 апреля 1879 г. было сообщено, что Логинову разрешено пройти обследование в Усть-Сысольске [4]. Медицинская комиссия подтвердила уже упоминавшийся выше факт ранения и добавила, что на передней и задней поверхности левого бедра из-за образования пулевых ходов вызвана опухлость мягких тканей. На основании проведенного медицинского освидетельствования Семен Логинов был отнесен к 3-му классу раненых, что давало ему право на получение пособия.

Литература и источники

1. НАРК. Ф. 34. Оп. 1. Д. 371. Л. 4 об.
2. Там же.
3. НАРК. Ф. 34. Оп. 1. Д. 371. Л. 5.
4. Там же. Л. 10.

ДОКУМЕНТЫ. МАТЕРИАЛЫ. ВОСПОМИНАНИЯ

И.Л. Жеребцов, М.В. Таскаев*

КОМИ АССР В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: ХРОНИКА СОБЫТИЙ (1943 г.)**

1943***

– В Воркуте развернулось движение за добычу сверхплановых тонн угля, которые записывались во «фронтowych счетах».

– В Сыктывкаре взбунтовались и устроили массовый побег заключенные. Почти всю группу беглецов в лесу расстреляли с аэропланов.

– Немцы создали для диверсионной работы в Приуралье группу «Ульм» в количестве 50 чел.

– Основан поселок Кожвинской лесоперевалочной базы «Печор-желдорстроя» НКВД СССР (будущий рабочий поселок Кожва).

– При участии Восточного углехимического института в Воркуте построили экспериментальную коксовую печь.

– Заложены воркутинские шахты № 9, 10, 11 и 40.

– Завершено строительство подъездных путей к интинской шахте № 1.

– Дала нефть ярегская нефтешахта № 3.

– Организованы райпищекомбинаты в Удорском, Летском и Усть-Куломском районах, горпищекомбинат в Сыктывкаре.

– Сдан в эксплуатацию первый в республике водопровод в Сыктывкаре.

– В Сыктывкаре построена первая коммунальная прачечная (строительство велось с 1940 г.).

– Разведка Северного геологического управления обнаружила у села Ыб Сыктывдинского района четыре пласта горючих сланцев мощностью от 0,74 до 2,43 м.

* **Жеребцов Игорь Любомирович** (Сыктывкар) – доктор исторических наук, академик Академии военно-исторических наук, директор Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН. **Таскаев Михаил Владимирович** (Сыктывкар) – кандидат исторических наук, член-корреспондент Академии военно-исторических наук, заведующий сектором отечественной истории Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН.

** Публикация осуществлена при поддержке Программы фундаментальных исследований Уральского отделения РАН, проект № 12-У-6-1001.

*** Хронику за 1939–1942 гг. см.: Труды КО АВИН. Сыктывкар, 2006. Вып. 5; Сыктывкар, 2009. Вып. 7.

– Введена в строй теплоэлектростанция на территории строившегося Жешартского фанерного завода.

– В Сыктывкарском горпромкомбинате открыта трикотажная мастерская.

– Открыт кожкомбинат Наркомата легкой промышленности РСФСР в поселке лесозавода близ Сыктывкара.

– Организована пекарня ОРСа Вычегодской судовой верфи.

– Начала работать портновская мастерская в затоне «Красный водник».

– В Инте построены мельница, пекарня, столовая, детский сад.

– В Красном Яге организован совхоз для снабжения Интестроя овощами, мясом, молоком.

– Коми обком ВКП(б) и Совнарком Коми АССР обратились в Президиум АН СССР с просьбой организовать комплексную экспедицию для исследования природных ресурсов Северо-Востока европейской части СССР и Северного Урала.

– Создана театральная студия при коми национальном театре (руководители – Г. Мирский, Н. Дьяконов, Н. Шамраев), которую заканчивали Э. Попов, М. Красильников, Г. Лыткина, К. Леканова и др.

– Открыт лагерный театр в Абези.

– В Помоздино организовали госплемпитомник охотничье-промысловых собак (руководитель – И.Т. Игнатов), просуществовавший до конца 1946 г.

– Участковая больница из поселка Ниашор переведена в поселок Бортом-база.

– В Сыктывкаре открылось дошкольное педучилище.

– В Инте открылся клуб.

– В Коми АССР проведена Декада искусства.

Январь

– Введены в эксплуатацию первые четыре сажевых завода на Крутянском промысле, выпускавшие канальную сажу.

– Состоялась первая научная сельскохозяйственная конференция Коми АССР, обсудившая состояние сельского хозяйства и задачи его развития, пути хозяйственного использования почв, положение животноводства и пути улучшения его кормовой базы.

11 января

– В Коми АССР поступила телеграмма председателя Государственного Комитета Обороны И.В.Сталина, в которой выражалась благодарность за сбор средств на вооружение Красной Армии.

19 января

– Совнарком Коми АССР принял постановление об организации Союза советских художников Коми АССР; председателем союза стал В.В.Поляков.

23 января

– Указом Президиума Верховного Совета Коми АССР «за самоотверженную работу в колхозном производстве по выполнению военно-хозяйственного плана сельскохозяйственных работ и обязательств по всесоюзному социалистическому соревнованию за получение высокого военного урожая в 1942 году» 359 колхозников награждены Почетными грамотами Президиума Верховного Совета Коми АССР.

28 января

– В составе Воркутстроя организован энергокомбинат.

Февраль

– Сдана в промышленную эксплуатацию первая нефтешахта в Яреге.

12 февраля

– В красноармейской газете «Вперед» напечатана статья майора Н. Костерина «Воины коми» о бойцах 28-й Краснознаменной Невельской стрелковой дивизии.

15 февраля

– В Сыктывкаре начались занятия на трехмесячных курсах партийных и советских работников, на которых готовилась замена ушедшему на фронт партийно-советскому активу республики.

16 февраля

– Указом Президиума Верховного Совета Коми АССР «за успешное выполнение плана заготовки сельхозпродуктов и сырья» 15 лучших работников заготовительных организаций награждены Почетными грамотами Президиума Верховного Совета Коми АССР.

– Начала действовать диспетчерская служба при производственно-транспортном отделе Интастроя.

28 февраля

– Началось патриотическое движение по заготовке 100 тыс. кубометров сверхплановой деловой древесины для восстановления Сталинграда и других городов.

Февраль–март

– В Сыктывкаре состоялась первая выставка Союза художников Коми АССР. На ней было представлено свыше 170 произведений живописи, книжной и станковой графики, плакатов, прикладного искусства.

Весна 1943

– На деревообрабатывающем комбинате Интастроя установлена новая пилорама.

Март

– Введена в работу вторая турбина Воркутинской ТЭЦ.

6 марта

– Состоялся первый слет мастеров угля Воркуты, в котором участвовали 314 горняков.

10–20 марта

– В Коми АССР состоялась декада по оказанию помощи семьям военнослужащих и инвалидам Отечественной войны.

16 марта

– В Интастрое создана отдельная колонна для строительства ТЭС и шахты № 9.

26 марта

– В Интастрое создана служба шахтной геологии.

27 марта–7 апреля

– В Коми АССР состоялась декада искусства, в которой участвовали более 300 профессиональных и самодеятельных артистов.

Апрель

– По постановлению Ленинградского горкома ВКП(б) в Воркуту с бумажной фабрики им. Горького направлен турбогенератор мощностью 3 тыс. кВт со всем необходимым оборудованием для Воркутинской ТЭЦ.

4 апреля

– На сцене Коми драмтеатра состоялась премьера пьесы В.В.Юхнина «Зарни кыв» («Золотое слово»).

5 апреля

– Указом Президиума Верховного Совета Коми АССР Безбожниковский сельсовет Летского района Коми АССР переведен в состав Мурашинского района Кировской области.

– На шахтах Интастроя введено «Положение о Мастерах угля», которым вводилось почетное звание Мастеров угля **I, II и III класса для вольнонаемных и заключенных рабочих.**

10 апреля

– Указом Президиума Верховного Совета Коми АССР впервые присвоены почетные звания «Народный артист Коми АССР» П.О.Мысову и А.С. Тарабукиной. Почетное звание «Заслуженный артист Коми АССР» присвоено С.П. Бутикову, Т.А. Дальской, С.И. Ермолину, Н.Н. Шамраеву, А.М. Эманину. Почетное звание «Заслуженный деятель искусств Коми АССР» впервые присвоено В.А. Баусову, Н.М. Дьяконову, Г.А. Мирскому.

– Указом Президиума Верховного Совета Коми АССР 19 театральных работников награждены Почетными грамотами Президиума Верховного Совета Коми АССР.

22 апреля

– Принят указ Президиума Верховного Совета СССР «О мерах на-

казания изменникам Родины и предателям, о введении для этих лиц, как меры наказания, каторжных работ», согласно которому в Воркутлагте организованы каторжные отделения с установлением особого режима.

27 апреля

– Указом Президиума Верховного Совета Коми АССР 84 передовика производства предприятий местной, мясо-молочной, пищевой и кооперативной промышленности награждены Почетными грамотами Президиума Верховного Совета Коми АССР.

28 апреля

– Совнарком Коми АССР принял постановление «О развитии местной промышленности и жилищно-коммунального хозяйства Коми АССР», в котором, в частности, предусматривалось создание специальной технологической лаборатории для выявления и изучения местного сырья и отходов для промышленного освоения, разработки технологии новых видов изделий из местного сырья, производства химических анализов и испытаний различного сырья.

Май

– Организовано железнодорожное отделение Интастроя.

5 мая

– И.В.Сталин прислал руководству «Воркутстроя» телеграмму с благодарностью за средства, собранные работниками «Воркутстроя» на строительство боевых самолетов.

14 мая

– Президиум Верховного Совета РСФСР принял Указ о передаче Безбожниковского сельсовета из Летского района Коми АССР в Мурашинский район Кировской области.

27 мая

– Издан приказ начальника Интастроя «О мероприятиях по осуществлению проектов планировки и застройки рабочих поселков, озеленению их, сохранению зелени и недопущению бессистемной вырубке леса». Учреждена должность главного архитектора рабочих поселков Интастроя.

28 мая

– Строительство интинской ТЭС стало вестись круглосуточно.

Лето 1943

– В Воркутинском лагере появилась новая категория заключенных – каторжане. Приговоренные к каторге использовались на самых тяжелых работах и постоянно были закованы в кандалы.

– Возник первый поселок на Хальмерьюсском угольном месторождении.

Июнь

– Завершено строительство интинской шахты № 3.

6 июня

– Немецкая диверсионная группа парашютистов (из числа советских военнопленных, среди которых был один ухтинец и один бывший заключенный, отбывавший срок в Коми) в количестве 12 человек высадилась в Кожвинском районе Коми АССР для взрыва железнодорожного моста через Печору. Двое диверсантов сдались в плен в тот же день, двое были убиты (в том числе руководитель группы – самими десантниками), остальные добровольно сдались частям НКВД **8 июня**. Никто из сдавшихся парашютистов не был репрессирован.

10 июня

– Организовано подсобное хозяйство на переданных Интастрою землях колхоза им. Кирова на базе инвалидного городка (Адзьвавом).

16 июня

– Началось строительство трансформаторной станции на Водном промысле, продолжавшееся два года.

20 июня

– На Интастрое организована колонна № 12 из мобилизованных немцев-переселенцев, направленная на строительство ТЭС с продолжительностью рабочего дня 12 часов.

30 июня

– Завершено строительство интинских шахт № 6, 7, 8.

Июль

– Введена в эксплуатацию первая высоковольтная линия в Воркуте.

– К интинским шахтам подведена железнодорожная ветка (станция Предшахтная); отгружен первый эшелон интинского угля, предназначенный Ухтижемлагу.

– Выбрана площадка под центральную усадьбу совхоза «Большая Инта».

1 июля

– В соответствии с приказом Наркомата лесной промышленности СССР началось строительство Жешартского фанерного завода («Спецжешартстрой»). Начатая ранее стройка лесозавода была прекращена.

10 июля

– Интинские шахты № 3, 6, 7, 8 введены в действие и переданы на баланс основной деятельности.

15 июля

– На локомотивной электростанции Вычегодской судоверфи введен в эксплуатацию второй локомотивный агрегат.

15–18 июля

– Пленум Коми обкома ВКП(б) обсудил проблемы добычи угля в Печорском угольном бассейне, отметил важные сдвиги в его развитии.

В Воркуте количество действующих шахт увеличилось до шести, завершалось строительство трех шахт, в Инте введены в строй четыре шахты.

18 июля

– Представитель Центрального штаба партизанского движения, член Военного совета Карельского фронта генерал-майор С.Вершинин написал секретарю Коми обкома ВКП(б) А.Г. Тараненко о боевых подвигах коми партизан в отрядах имени Чапаева и имени Антикайнена.

21 июля

– Издан приказ по управлению Интастрой об организации энергокомбината.

Август

– Для угольных шахт открыты фронтные счета сверхплановой добычи в фонд Главного командования Красной Армии.

– Центр Усть-Вымского района перенесен из Усть-Выми в Айкино.

– Проведена республиканская спартакиада школ ФЗУ и РУ (ДСО «Трудовые резервы»), в программу входили городки, легкая атлетика, гранатометание, штыковой бой.

– В Сыктывкаре состоялась конференция изобретателей и рационализаторов.

6 августа

– Трест «Ухтижемстрой» преобразован в Ухтинский комбинат НКВД СССР.

7 августа

– В Ленинград отправлен первый (из десяти) эшелон с воркутинским углем, добытым горняками сверх плана.

8 августа

– Начальник «Воркутстрой» НКВД М.М.Мальцев подписал приказ о создании с **1 октября 1943 г.** «в целях наилучшего систематического обслуживания населения Воркутинского угольного бассейна художественно-зрелищными мероприятиями» Воркутинского музыкально-драматического театра (с **1951 г.** – Воркутинский драматический театр, с **марта 1975 г.** – Воркутинский государственный драматический театр). Его труппа состояла из заключенных (Б.С. Дейнека, Д.А. Козин, В.К. Владимирский и др.) и «вольнонаемных» (Н.И. Глебова, В.М. Пясковская, А.П. Пилацкая и др.). Художественным руководителем театра стал бывший главный режиссер Большого театра Б.А. Мордвинов.

10 августа

– Президиум ВС Коми АССР принял Указ о перечислении д. Жежим из Донского сельсовета Усть-Куломского р-на в Лебяжский сельсовет.

13 августа

– Указом Президиума Верховного Совета Коми АССР 16 изобретателей и рационализаторов награждены Почетными грамотами Президиума Верховного Совета Коми АССР.

16 августа

– В Ленинград прибыла делегация шахтеров Заполярья, отправивших сверх плана в подарок городу 10 эшелонов угля.

19 августа

– Издан совместный приказ НКВД и НКПС СССР № 0335–с-640ц «О выполнении первоочередных работ по достройке железнодорожной линии Коноша–Котлас–Кожва Северо-Печорской железной дороги».

Сентябрь

– В совхоз «Большая Инта» завезли 300 оленей, положив начало оленеводческому хозяйству.

1 сентября

– В Воркуте организовано ремесленное училище № 3; директор – П. Лемзаков.

– Издан приказ «О мероприятиях по увеличению выработки газовой сажи на Ухтинском комбинате НКВД СССР», предусматривавший, в частности, увеличение на 15% «нормы питания заключенным и спецконтингентам комбината, работающим на производстве сажи, радия и добыче нефти» и направления дополнительного количества заключенных на Ухту.

15 сентября

– Опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении орденами и медалями строителей Северо-Печорской железной дороги.

25 сентября

– Указом Президиума Верховного Совета Коми АССР 48 сыктывкарских школьников, студентов и преподавателей награждены Почетными грамотами Президиума Верховного Совета Коми АССР за работу на лесосплаве.

26 сентября

– Вошел в строй коммутатор связи Интастроля на 100 номеров.

27 сентября

– Сержант В.И.Лобанов из с. Спаспоруб добровольцем вызвался доставить донесение на плацдарм, под огнем врага вплавь трижды преодолел Днепр, участвовал в отражении трех контратак противника, возглавил бойцов после гибели командира, был ранен, контужен, но удержал плацдарм.

28 сентября

– А.Д.Данилов, уроженец с. Ужга, во время форсирования р. Днепр на Черниговщине спас от смерти двух бойцов с оружием, на берегу вступил в рукопашную схватку с противником, заколов двух врагов. Отражая контратаки немцев, с 29 сентября по 3 октября лично уничтожил около 50 врагов.

Октябрь

– Организован передвижной Ухтинский музыкально-драматический театр как филиал Коми республиканского театра для обслуживания населения северных городов и новостроек Северо-Печорской железной дороги.

Начало октября

– Сержант Н.П.Давидович, призванный в армию из Железнодорожного (Княжпогостского) района, с тремя бойцами первым форсировал Днепр, занял плацдарм и в течение нескольких дней сдерживал превосходящие силы противника, дав возможность наладить понтонную переправу. В боях при форсировании Днепра также отличились призванные в армию из Коми АССР А.А. Демидов и А.В. Прыгунов.

1 октября

– Старший сержант А.И. Черкасов, призванный в армию Кожвинским райвоенкоматом, во главе отделения саперов участвовал в разведке и захвате плацдарма на правом берегу Днепра, затем под огнем противника на лодке переправлял через реку пехоту, обеспечив удержание плацдарма, лично спас от гибели несколько раненых.

– Состоялась премьера Воркутинского музыкально-драматического театра – оперетта И. Кальмана «Сильва».

– Открыто музыкальное училище в Сыктывкаре (в 1977 г. преобразовано в училище искусств).

2 октября

– Сержант И.С. Гаврилов, призванный в армию из Воркуты, добровольцем вызвался первым форсировать Днепр в районе Киева. Его отделение отвлекло огонь превосходящих сил противника на себя и дало возможность другим частям захватить плацдарм для начала операции по освобождению Киева.

3 октября

– Сержант С.А. Сердитов из д. Бор Ношульского сельсовета во главе группы бойцов вплавь добрался до о. Казачий на середине Днепра, в рукопашной схватке захватил вначале передовую позицию противника, отбил пять вражеских атак и затем занял остров, лично уничтожив 12 врагов. В последующие дни участвовал в боях на Лютежском плацдарме на правом берегу Днепра и погиб **18 октября**, закрыв грудью амбразуру вражеского дзота.

5 октября

– Интастрой перешел из Главного управления лагерей железнодорожного строительства в состав Главного управления лагерей горно-металлургической промышленности.

7 октября

– За освобождение г. Невеля 28-я стрелковая дивизия, более половины личного состава которой составляли жители Коми АССР, получила почетное наименование Невельской.

– Получен фонтанный приток газа из скважины 1/30 на Вой-Вожской площади.

11 октября

– В бою близ села Пушкаревка (на Днепропетровщине) пал смертью храбрых командир 849-го стрелкового полка 303-й стрелковой дивизии майор Л.Н. Исаков.

13 октября

– Бюро Коми обкома ВКП(б) утвердило мероприятия по реализации постановления Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) от 21 августа 1943 г. «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства районов, освобожденных от немецкой оккупации». Для восстановления животноводческих ферм в освобожденных районах из республики было направлено 8 тыс. голов крупного рогатого скота и 2 тыс. свиней.

23 октября

– В Инте заложена новая шахта (№ 4).

29 октября

– Подписан Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении звания Герой Советского Союза Н.П. Давидовичу, И.С. Гаврилову.

Ноябрь

– Машинист Елена Чухнюк, водившая составы с боеприпасами и боевой техникой на Сталинградский фронт и к Курской дуге, начала работать на Северо-Печорской железной дороге и провела первый рейс до Княжпогоста за 11 часов вместо требовавшихся ранее другим машинистам двух-трех дней.

– Введен в эксплуатацию 5-й сажевый завод на Крутянском промысле, выпускавший канальную сажу.

– В Сыктывкаре открылась 1-я в республике вечерняя школа.

1 ноября

– Введена в эксплуатацию электростанция в с. Кослан.

6 ноября

– Указами Президиума Верховного Совета Коми АССР 11 работников Сыктывкарского отдельного авиаотряда, 26 стахановцев ухтинского нефте-

комбината, 40 стахановцев-сплавщиков треста «Комилес» и 65 стахановцев «Воркутстроя» НКВД награждены Почетными грамотами Президиума Верховного Совета Коми АССР.

7 ноября

– В гости к горнякам Воркуты приехала делегация Ленинграда, которая привезла подарки: 2 тонны писчей бумаги, 4500 тетрадей, библиотеку, фотобумагу, новые кинофильмы.

9–20 ноября

– В Ленинграде находилась делегация нефтяников Коми АССР.

10 ноября

– В Интастрое создана инспекция по контролю за качеством угля.

12 ноября

– Ухтинские нефтяники отправили в Ленинград два сверхплановых эшелона (с нефтью и с нефтепродуктами).

20 ноября

– Президиум Верховного Совета РСФСР утвердил указ Президиума Верховного Совета Коми АССР от **30 сентября 1943 г.** о преобразовании рабочего поселка Ухта в город.

22 ноября

– Указом Президиума Верховного Совета Коми АССР изменены административные границы Ухтинского района Коми АССР.

26 ноября

– Президиум Верховного Совета РСФСР утвердил указ Президиума Верховного Совета Коми АССР от **30 сентября 1943 г.** о преобразовании рабочего поселка Воркута в город. Вольнонаемное население города составляло 7 тысяч человек.

30 ноября

– Бюро Коми обкома ВКП(б) и Совнарком Коми АССР приняли постановление о проведении декады помощи школам и детским учреждениям республики (ремонт школьных зданий, подвозка дров, сбор учебников и наглядных пособий, обеспечение нуждающихся одеждой и обувью).

Декабрь

– В Сыктывкаре организован кожевенно-обувной комбинат.

3 декабря

– Указом Президиума Верховного Совета Коми АССР «за разработку и освоение новой технологии производства особо ценной продукции» впервые присвоено почетное звание «Заслуженный деятель науки и техники Коми АССР» главному технологу водного промысла Ф.А.Торопову.

4 декабря

– Совнарком Коми АССР постановил организовать в Сыктывкаре на

базе художественного отдела краеведческого музея Государственную картинную галерею Коми АССР (Коми республиканский художественный музей; с 1994 г. – Национальная галерея Республики Коми).

16 декабря

– Организована типография при адмхозотделе Интастроля.

27 декабря

– Указом Президиума Верховного Совета Коми АССР Летский сельсовет разделен на Летский, Беберский и Гостиногорский; Слудский сельсовет – на Гурьевский и Слудский.

30 декабря

– Введена в эксплуатацию 1-я очередь шахты № 4 («Восточная») в Инте.

– Приказом № 0461 «О мероприятиях по улучшению работы железнодорожного транспорта ГУЛЖДС НКВД СССР» в составе Печорстроя НКВД СССР создано управление железнодорожной линии Москва–Воркута.

31 декабря

– Принята в эксплуатацию ТЭС Интастроля мощностью 1600 кВт.

– Организована сбыточная контора угля Интастроля.

Конец 1943

– По некоторым сведениям, в северо-восточную часть Коми АССР была заброшена вражеская разведывательно-диверсионная группа «Ульм» численностью около 40 чел. После заброски группа не вышла на связь с немецким разведцентром – видимо, была ликвидирована или сдалась.

Н.И. Сурков*

СЛОВО О МАТЕРИ

Моя мать, Акулина Михайловна Суркова (Мотина), была первенцем. В Орловском областном архиве мне предоставили возможность ознакомиться с церковной метрической книгой на 1910 год моего села Архангельское, где прочитал запись, что 7 июня родилась Акилина. В этом году моей матери исполнится 100 лет. Ее родители – «села Архангельского отданный в военную службу 1909 года ноября 9 дня Михаил Илларинов Мотин и законная жена его Евдокия Сергиева, оба православные».

На ее долю выпали многие хлопоты по воспитанию младших своих братьев и сестры. Дети рождались в течение двадцати лет. Ей удалось окончить только семь классов, надо было помогать по хозяйству, создавать условия для учебы младшим, да к тому же ее мама много лет проработала, а последние годы практически не вставала с постели.

Первое замужество оказалось неудачным, прожила несколько лет в Харькове и вернулась в родительский дом. А в середине 1930-х гг. судьба ей улыбнулась – встретился Иван Захарович Сурков, человек работающий, добрый. Он работал колхозным комбайнером в дер. Хитрово, что в восьми километрах. Это был мой отец. Дом наполнился детскими голосами. Еще до войны родились два моих брата – Витя и Толя, а мне довелось появиться на свет, когда уже шла война, с началом которой семейное счастье разрушилось.

В родные места пришел враг. Отца моего гитлеровцы бросили в концлагерь, где и расстреляли. Как было жить с тремя детьми? Нелегко пришлось и другим матерям. Мне думается, женщины-матери военного времени вынесли страданий и лишений не меньше, чем солдаты на фронте. В период войны и в далеком тылу всем досталось, но во много раз труднее пришлось мирным жителям, где полыхала война. Люди пережили издевательства оккупантов, налеты вражеской авиации, артобстрелы, смерть многих своих близких. У женщин-матерей разрывалось сердце от дум, чем накормить своих детей, о себе и думать некогда, они жили в постоянном страхе за судьбу своих мужей, сыновей, дочерей, находившихся на фронте.

Перед битвой на Орловско-Курской дуге фашисты выгнали жителей из родных сел. Тысячи из них попали в концлагеря. Моя мать с тремя детьми оказалась в Слуцком концлагере, в Белоруссии. Лагерь с вышек охраняли вооруженные часовые, было натянуто несколько рядов колючей проволоки.

* **Сурков Николай Иванович** (Сыктывкар) – кандидат исторических наук, доцент Коми государственного педагогического института, член-корреспондент АВИН.

Через нее обитательницы лагеря пытались проникнуть наружу, чтобы раздобыть хотя бы немного хлеба, побираясь среди местных жителей. По возможности они помогали, несмотря на все запреты со стороны немцев. Эту операцию заключенные, не считаясь со смертельной опасностью, повторяли неоднократно, так как вся еда в лагере состояла из пол-литра баланды на человека, где плавали кожура от проса, очистки картофеля, а изредка попадался и сам картофель и сто граммов так называемого хлеба – это было все вместе: завтрак, обед и ужин.

Моя двоюродная тетя Екатерина Никитична Федорова, ей тогда было четырнадцать лет, а весила двадцать килограммов, писала мне: «Ходили как тени, все были изъедены вшами. А ты, Коля, был как старичок, как заплачешь, лицо покрывалось морщинками, а ручки и ножки были, как плеточки». Смерть косила людей беспощадно, и, в первую очередь, детей. Рядом с лагерем был огромный ров, куда каждый день приносили человек двести, присыпали землей, а на следующий день укладывали новый ряд. До мирных жителей там содержали советских военнопленных, которых расстреляли, а тела их сбросили в ров. В некоторых местах виднелись фрагменты шинелей, обувь и пена. От нечеловеческих условий содержания – голода, болезней, холода – погибли оба моих старших брата. Страдания узников этим не ограничивались. Дело в том, что партизаны минировали дороги и окрестности. Немцы же вначале гоняли по ним заключенных, которых заставляли тащить бороны и бревна. Когда стали взрываться мины и погибать узники, партизаны прекратили минирование и перешли на срезание телеграфных столбов. Гитлеровцы в ответ пригрозили проводить децимацию, т.е. каждого десятого расстреливать. После этого партизаны вынуждены были прекратить диверсии.

Однажды моя мать вместе с другими вернулась в холодный барак и обнаружила младшего сына без движений. Конечно, для нее это был верх несчастья. Ее дядя, тоже узник концлагеря, стал на нее кричать: «Вынеси покойника!» Но материнское сердце не успокаивалось. Я отогрелся, зашевелился, тогда мать стала плакать еще громче, но теперь уже от радости. В последующем она не оставляла меня одного, а брала с собой.

В 1944 г., когда прошел фронт, мы с матерью вернулись из Белоруссии. Однажды моя мать снова попыталась испытать судьбу: сошлась с одним вдовцом, у которого было несколько детей. Но из-за меня семейная жизнь не сложилась. Отчим как-то накричал на меня. Я подавился кострикой от колоска, а мать не отходила от меня, стараясь помочь мне. Было время обеда. «Да не сдохнет он, иди есть!» – крикнул отчим. Мгновенно вспыхнул скандал. Я услышал снова голос отчима: «Катитесь от меня колбасой!» Сам собой прошел мой недуг, но семья распалась. Конечно, я был главным

приоритетом в жизни матери, ее личная жизнь была связана со мной. Как любая мать, она самое первое, самое вкусное несла детям, а сама обходилась кое-как. Она будто чувствовала, что очень скоро оставит меня и поэтому старалась быстрее и больше дать мне своего тепла и внимания. Попала в глаз соринка, так мать языком ее удалила. Как-то от своей тети Дарьи Сергеевны принесла небольшой морозный брусочек сала. Сколько живу, все мне кажется, что никогда такого вкусного сала я не ел. Вдруг перепадет мясо, и мать мне говорит: «Ты мясушка ешь поменьше, а хлебушка побольше». С тех пор следую материнскому совету, если хлеба за столом было недостаточно, нет сытости. Мать стала работать уборщицей в школе, и я всегда был при ней. Часто бывал в гостях у деда с бабушкой, и домой бабушка наливала пол-литра молока – с детства помнится его волшебный белый цвет. Один глоточек отопьешь, второй, останется только половина бутылки, но никогда мать не высказывала упрека.

И вдруг мать слегла. Я прибежал с горестной вестью к деду с бабушкой. Остановился у окна дома, опустив голову. Бабушка кричит: «Ходи в хату!» А я в ответ: «Мама заболела». Дед запряг корову Зорьку и перевез мать к себе. Ей как будто легче стало, но через некоторое время боль усилилась. Дед Миша пошел в колхоз за лошадь, чтобы отвезти больную в район. Положили мать на телегу, и гнедая лошадь навсегда увезла ее от меня. Случилась страшная врачебная ошибка в диагнозе, не определили аппендицит, и по пути в Орел она умерла, прямо в поезде. В теплый августовский день родственники забрали мать из морга. На следующий день состоялись похороны. Шел сильный дождь, могильщики перепачкались глиной, промокли до нитки и попросили моих родственников добавить за работу, на что мой дядя ответил: «Если вам мало, пусть он добавит», – и указал на меня. А что же я, да ничего – хлоп, хлоп карими глазами.

Многие люди моего поколения не имели отцов, и это была большая беда, но когда нет матери, то это сверхнезвезение в жизни, и в богатейшем русском языке не хватит слов выразить это состояние.

Много лет меня будто пронзают строки из известной песни: «И счастье в том, что мать еще жива!»

У каждого человека есть своя единственная мать, которую не выбирают, и свое персональное счастье.

Н.И. Сурков*

МУЖЕСТВЕННАЯ ЗАЩИТНИЦА РОДИНЫ

На протяжении многих лет я знаком с Антониной Александровной Протопоповой. В ноябре 1964 г. она, тогда секретарь Сыктывкарского горкома КПСС, вручила мне партийный билет. Через несколько лет я стал работать в аппарате областного комитета партии, притом под ее непосредственным руководством. Я был наслышан о необычайно героической и трудной военной судьбе Антонины Александровны. Но более обстоятельное знакомство с ней, считаю, редко кого оставит равнодушным. До того же ее жизнь изобилует необыкновенными поворотами, трагическими изломами, тяжелейшими переживаниями, нечеловеческими страданиями, борьбой за жизнь, что все это может быть темой серьезной книги. Но начнем по порядку.

Родилась Антонина Александровна Протопопова в феврале 1921 г. в деревне с примечательным названием Сибирь Ленского района Архангельской губернии. Правда, в деревне было всего одиннадцать домов. Но в настоящее время деревня не существует. Отец, Александр Ионович, во время службы в армии состоял писарем у своего полкового командира в Петербурге. Он обладал редким талантом – безошибочно, грамотно, красиво каллиграфически писал. По делам службы писарю разрешалось звонить своему командиру домой. Трубку, как правило, снимала горничная Клава и приглашала полковника. Командир был гуманным и даже добрым человеком, часто приглашал к себе исполнительного писаря, видел в нем хорошего помощника. Писарь, молодой, серьезный человек высоких моральных качеств, не мог не обратить внимания на привлекательную, старательную и трудолюбивую горничную. Ее звали Клавдия Федотовна. Спустя несколько лет, когда заканчивался срок службы, Александр Ионович сделал ей предложение и, к своей радости, получил согласие. Для хозяев это оказалось полной неожиданностью. Они по-доброму относились к Клавдии Федотовне, которая была почти членом семьи, выполняла многие поручения по дому, встречала прибывавших гостей. За службу Клавдия Федотовна получала от своих хозяев зарплату.

Позднее Александр Ионович говорил, что ему очень понравился голос горничной Клавы. Они стали часто созваниваться. Хозяевам Клава сказала, что звонит ее брат. После свадьбы молодые приехали на родину мужа. Мама была верующей, высокого образования не имела, но любила

* **Сурков Николай Иванович** (Сыктывкар) – кандидат исторических наук, доцент Коми государственного педагогического института, член-корреспондент АВИН.

читать русскую классику. Однажды с утра так увлеклась чтением, что не заметила, как подошло время обеда, а ничего не приготовлено. Семья пополнялась через каждые два года. Первой родилась дочь Валентина. Это будущий доктор наук, профессор, первый ректор Сыктывкарского государственного университета Валентина Александровна Витязева. Затем родились дочери Антонина и Нина. В 1925 г. родился единственный сын Владимир. В годы войны он погиб на фронте. Через несколько лет родилась еще дочь – Таисия.

Так счастливо сложилось, что, пережив многие невзгоды, все сестры живы до сегодняшнего дня, поддерживают друг друга. Все получили высшее образование, стали учителями.

Семья переехала на постоянное жительство в г. Яренск. Отец имел семилетнее образование, но в то время это многое значило. К нему постоянно обращались жители города: кто-то приходил посоветоваться по неотложным вопросам, кому-то надо было составить прошение, письмо в государственные учреждения. Всем он помогал. В партию Александр Ионович не вступал. Считал, что из-за большой семьи нет времени заниматься общественной работой. Надо было в прямом смысле добывать хлеб насущный. В семье хранился документ, подписанный Лениным. В период гражданской войны, когда наступали белые, семейную реликвию мать сожгла.

Вечерами все садились за стол вокруг настольной лампы, допоздна читали. С работы приезжал отец, вместе ужинали. Дети росли послушные, хорошо учились. Отец и мать охотно посещали родительские собрания. Считалось нормой иметь пятерки. Однажды у кого-то проскользнула четверка, так был серьезный разговор. Дети интересно проводили свободное время. Весной и летом переправлялись за реку Яренку в с. Богослово. С местными детьми играли в белых и красных. Красные шли с флагом, а белые должны были отнимать его. Игры проходили два дня. Дети многому обучались и были готовы ко многим жизненным ситуациям. В 14 лет Тоня вступила в комсомол. С восьмого класса работала пионервожатой, а пионерами были семиклассники. Все свободное от учебы время было занято общественной работой и домашними делами.

Размеренная жизнь неожиданно была нарушена. Папа попал в тюрьму. Ему, грамотному человеку, предлагали стать председателем колхоза. Но он отказался. Конечно, это вскоре припомнили. Для хозяйственных нужд пришлось обратиться в колхоз за лошадью. Когда отводил ее на место, произошло несчастье: лошадь сломала ногу. Последовали обвинения во вредительстве. Отца арестовали, началось долгое судебное разбирательство. Пришлось уплатить штраф, благодаря чему удалось избежать тюрем-

ного заключения. Жить стало невмоготу. Оставив семью, отец на время уехал с сыном Владимиром к своему брату в Петрозаводск. Через некоторое время последовал очередной удар: новый арест. Обвинили в связях с белыми, что с умыслом перебрался к границе. Повезло и на этот раз. Сняли надуманное обвинение, освободили до суда. Отец имел золотые руки. Он мог работать всеми плотницкими инструментами. Все в квартире из мебели было сделано его руками. Кроме того, он был хорошим портным. Всем справлял одежду. Когда находился в тюрьме, шил брюки, куртки.

После окончания средней школы Тоня уехала в Ленинград. Задумала поступить в ЛГУ на физико-математический факультет, но не прошла по конкурсу. Математика давалась легко, а вот по физике получила тройку. Быстро сориентировалась и подала документы в Комвуз им. Крупской. Училась она на «отлично». Одновременно с основной учебой прошла программу медицинских сестер, закрепила практикой, могла помогать раненым, ухаживать за ними. Ее признали военнообязанной. На вопрос: что будет делать, если начнется война, она ответила, что, согласно предписанию, выданному на руки после окончания курсов медицинских сестер, ей надо без промедления явиться в Ленинград на Конюшенную площадь, где находится военкомат.

В июне 1941 г. Антонина находилась в качестве пионервожатой в одном из пионерских лагерей под Ленинградом. Для всех людей того времени война явилась страшной неожиданностью. 22 июня после известия о начале войны все мужчины направились в военные комиссариаты. Вспомнила и Антонина, что она, как военнообязанная, должна незамедлительно прибыть в военкомат. Когда она добралась до Конюшенной площади, то увидела, что она сплошь заполнена людьми. Стояла полнейшая тишина. Антонина Александровна всю жизнь помнит эти минуты. Когда она вынула предписание, все расступились. Образовался коридор, по которому она беспрепятственно прошла внутрь здания. Пропустив ее, все сомкнулись в единую массу. Призвали в Ленинградский добровольческий артиллерийский дивизион.

Неделю учили. Потом на открытой платформе отвезли под Нарву. Перед дивизионом была поставлена задача – не пропустить немцев через Нарву. Место дислокации открытое. Построили землянки, стало как в песне «Землянка наша в три наката». Получилось прочно и тепло. Укрыли гаубицы и машины. Командир в бинокль рассматривал немцев. До них оставалось меньше километра. Со стороны немцев стреляли. Наши отвечали. Первое время удавалось сдерживать наступавшего неприятеля, который стремился построить мост и переправиться на противоположную сторону. Но позднее враг бросил дополнительные силы, и сдерживать наступавших

стало невозможно. Под напором гитлеровцев наши солдаты стали спешно отступать, бросив гаубицы. Спустя некоторое время вспомнили, что у орудий не вынули замки. Командир крикнул: «Кто пойдет к орудиям и вынет замки?». Антонина в числе первых вызвалась выполнить задание. Но ей отказали под предлогом, что женщину не возьмут на эту операцию. Замки снять не удалось, так как там уже хозяйничали фашисты.

Воинская часть Антонины Александровны отступала к Ораниенбауму. В то время она служила в пехоте, а с артиллерийским дивизионом пришлось распрощаться. Проходили через территорию, временно побывавшей под немцем, увидели зверства врагов, много убитых наших жителей. Стали поджидать в засаде возвращения немцев, но они прошли другой дорогой. В Ораниенбауме заняли отдельный дом. В нем стали размещать прибывавших с передовой раненых. На лошадях отправляли их в морской госпиталь. Немцы засекли, начали обстреливать. Тут и случилось самое неприятное. Вдруг правая нога потеряла чувствительность. Антонина прикоснулась рукой, почувствовала липкое и теплое. Это была кровь. Осколок прошел сквозь мягкие ткани бедра, не задев кость. Но это было далеко не все. Раздался очередной взрыв. Что-то острое ударило в спину, и сознание отключилось. Как позднее выяснилось, осколок сломал два ребра, вонзился в легкие. Внутри кроме осколка вошли кусочки обмундирования. Все это было извлечено в последующем при операции. Военфельдшер должен оказывать медицинскую помощь раненым воинам, а сейчас сама она оказалась в беспомощном положении. Дважды раненую, всю забинтовали, перевязали, положили на живот и отправили в морской госпиталь.

«Тебе больно?» – спросили товарищи. Хватило сил только ответить: «Мне тяжело дышать». Долгие месяцы пришлось находиться в положении полусидя. На третий день через залив переправили в Ленинград. Восемь месяцев Антонина провела в госпитале осажденного Ленинграда.

В госпитали работали хорошие врачи – лечили они квалифицированно.

Но общее состояние было тяжелым. Рядом находился аппарат с кислородом. Дышать было трудно. Были тяжелые минуты. Иначе не могло и быть. Ранение было проникающим в легкие. Врач, старая женщина с двумя очками, тщательно осмотрела ранение и пришла к выводу, что надо делать операцию. Хватились: где снимки? Не нашли, хотя они были и, видимо, потерялись во время переезда. Поэтому пришлось делать снимки повторно. Операция шла долго. Удалили два ребра. Во время операции присутствовали многие медики, испуг отразился на их лицах. Раненая слышала все высказывания. «Бедная, наверное, остались муж и дети». Сознание работало бесперебойно, но тяжело было дышать. Сделали кислородный укол. Вдохнула. В ходе операции удалили осколок 3 на 4 см, остатки ткани, по-

павшие в рану. После врачи сказали, что была клиническая смерть. Губы не шевелились, не было сил что-либо сказать. Кто-то произнес: «Вынести!». Подошел санитар, готовый унести в морг, но врач накричала на них. На короткое время пришло сознание. Раненая собрала силы и чуть слышно произнесла: «Не отправляйте меня. Около вас я буду жить», – и потеряла сознание. И снова сделали укол. Врач не отходила от постели больной. Поодаль столпились раненые, наблюдали за Антониной. Всем было интересно: жива или не жива? Присутствовала большая комиссия врачей. Когда на следующий день пришла врач, больная сказала: «Я все видела и слышала». Врач с удивлением слушала и подтвердила, что раненая перенесла состояние клинической смерти.

Через два дня сделали перевязку. Рана была закрыта тампонами. Все засохло. Когда стали убирать тампоны, подступила такая невыносимая боль, что пришлось кричать в голос. На что врач сказала: «Кричи сильнее!» А она в это время быстро отдирала тампоны, что снова вызывало крик. После перевязки ей стало немного легче, но через некоторое время снова стало невыносимо тяжело.

Раненые находились в просторной палате, отопление не работало. Все окна, кроме одного, были наглухо забиты, чтобы спастись от ветра и нестерпимого холода. Хорошо, что в городе жила тетя, сестра матери. Она принесла теплую одежду. Посещали сослуживцы, приносили кое-какие продукты. Но есть было тяжело. Часть продуктов Антонина отдавала санитарке, которая в благодарность, не считаясь со временем, помогала в уходе. Из мяса, которое приносили однополчане, готовили бульон, что являлось существенным подспорьем в выздоровлении. Как-то встала на костыли. Встретилась врач. Обратилась с вопросом: «Это кто?» Она не узнала свою пациентку.

Едва наметилось выздоровление легкого, нагрянуло новая беда. Стала беспокоить нога. Некоторое время на это ранение не обращали внимание. Врач осмотрела и вынесла суровый вердикт: ногу придется ампутировать. Всем существом Антонина, так много пережившая, воспротивилась. Врачи приложили дополнительные усилия, чтобы спасти ногу. Массажистка принялась усиленно разрабатывать, возвращать ее к жизни. Постоянно поддерживали однополчане, дважды приходил заместитель командира полка. Еще чаще стала навещать тетя. Ее муж погиб в блокаду. Один сын пропал без вести, второй – умер от ран.

Весной 1942 г. вывезли из Ленинграда в г. Сокол, а затем в Пермь. В течение двух месяцев пришлось лечиться в пермском госпитале. По дороге произошел неприятный случай – украли одежду, что тогда происходило нередко. Пришлось добираться в военной форме: шинель, сапоги,

пилотка. Трудно было узнать в военной форме женщину. В очереди в туалет как-то крикнули: «Куда идешь, это же женский туалет?». Пришлось объяснять, кто есть кто.

В Пермь за дочерью приехал отец, чтобы забрать ее для выздоровления в родную семью. Ехали до станции Межог, где отец работал заведующим складом. Проехали мост через Вычегду. Вот и Межог, а на другой стороне поселок, куда надо было идти на костылях. Сил не хватало. Требовалось садиться на отдых, а сесть негде. Еще беда выявилась: одни же кости остались, сидеть было трудно.

Сейчас Антонина Александровна с юмором вспоминает это. Вид, конечно, был устрашающий. При высоком росте имела вес 29 кг. Однажды в комнату забежал сбежавший заключенный. Схватил со стола буханку хлеба. Но вдруг услышал требовательный голос: «Положи на место!». Когда он поднял глаза на говорившего, то страшно испугался, выронил буханку и пулей вылетел на улицу. Ему почудилось, что будто сама смерть помешала совершить воровство.

Целый год в родной семье Антонина Александровна лечилась, восстанавливала свои физические силы. Помогали ей младшие сестры Нина и Таисия. В реке ловили рыбу, осенью ходили за клюквой. Набрали целый чайный ящик. Заготавливали морошку. У отца в Межоге были хорошие знакомые. У них покупали картошку, молоко. За год удалось встать на ноги, набрать вес.

Пришло желание учиться. В 1943 г. Антонина поехала в Сыктывкар и поступила в Коми пединститут на исторический факультет. После окончания института обещали направить в аспирантуру, но в министерстве вовремя не подготовили документы. Пришлось уехать в с. Гам Усть-Вымского района. Там была большая средняя школа. Встретили хорошо. Два года преподавала историю старшеклассникам. Сложилась хорошие отношения в учительском коллективе. В роно заметили новую учительницу. В виде поощрения выделили материал на платье и юбку. До этого молодая учительница ходила в одежде, сшитой отцом.

Однажды на урок пришел инспектор роно. Анализируя занятие, инспектор обратил внимание, что учительница хорошо провела урок, чувствовала себя спокойно. Но, на самом деле, она сильно волновалась, но это оказалось незамеченным. Антонина Александровна хорошо справилась с работой классного руководителя. В классе был один парнишка, которого учителя хотели исключить из школы: он был, по мнению учителей, неуправляемым, плохо вел себя на уроках. Но Антонина Александровна сумела найти к нему подход, и он стал первым ее помощником. Со многими бывшими учениками установились многолетние связи в виде встреч, переписки.

Кроме основной работы учительница вела кружок по истории, участвовала в подготовке многих вечеров, научилась игре на фисгармонии, выучила несколько десятков песен. Однажды на новогоднем вечере нарядилась в костюм грузина. Долго никто не мог определить, кто же так правдоподобно изображает представителя Кавказа.

Интересная и содержательная работа в Гамской школе прервалась неожиданно. При медицинском обследовании врачи настоятельно рекомендовали перебраться в город, иначе может развиваться чахотка. За годы работы в Гамской средней школе набрался значительный опыт. Учитывая это, в Сыктывкаре назначили завучем средней школы № 14, а через некоторое время утвердили директором СШ № 12.

Антонину Александровну всегда отличают взвешенность и справедливость в оценках работы своих коллег, подчиненных. Не допускала она и неправильных оценок своей работы со стороны руководителей. Любое замечание должно высказываться в корректной и уважительной форме, а главное – быть справедливым. Так она дала отпор одному директору школы, который огульно обвинял всех учителей в плохой работе. Защитила одну учительницу, которую не принимали в комсомол под предлогом, что ее отец враг народа. Она напомнила известную фразу, что дети за отцов не отвечают.

После работы директором школы Антонину Александровну выдвинули на должность заместителя председателя Сыктывкарского горисполкома. Работа отнимала все свободное время. А тут еще произошла невосполнимая утрата: трагически погиб муж. Сама же она была в это время в положении. Из-за обрушившегося несчастья случились преждевременные роды, что отразилось на здоровье родившегося сына. Только бесконечная работа несколько притупила боль.

Антонина Александровна получала много писем от жителей города по квартирным, семейным, производственным вопросам. Она откликалась на запросы граждан, посещала многие квартиры, принимала посетителей. Круг обязанностей был необычайно широк – народное образование, здравоохранение, культура. Знала она всех руководителей города. Хорошо организовала работу подчиненного аппарата.

В 1959 г. ее направили на учебу в Высшую партийную школу при ЦК КПСС. Два года она прожила в Москве. Во время практики работала в одной из столичных средних школ. По возвращении в Сыктывкар Антонину Александровну избрали секретарем Сыктывкарского горкома партии по пропаганде. Работать было интересно, так как был знаком актив города, ей хорошо была известна низовая работа, помогал богатый жизненный опыт.

Как-то пригласил на прием секретарь обкома партии А.Г. Дмитрин. Долго расспрашивал, остался доволен беседой. А Антонина Александровна не могла сразу понять: зачем он вызывал ее? Но спустя несколько дней все стало ясно. Ее первого помощника, заведующего отделом пропаганды, выдвинули на руководящую работу в обком. О ней же сложилось мнение, что работу она знает и может научить работать нового заведующего отделом. Она познакомилась со всеми партийными организациями и настроила всех низовых партийных работников на эффективную работу.

Часто приходилось встречаться по делам службы с Иваном Павловичем Морозовым. О нем сохранились самые добрые воспоминания как о сильном работнике, талантливом руководителе, мудром человеке.

С давних пор у меня сложилось мнение об Антонине как об ответственном, строгом и справедливом человеке. Она терпеливо и тактично учила молодых работников, выезжала с ними в командировки, умела потребовать, но и не давала в обиду своих подчиненных, когда упреки были несправедливыми. Ее ратный и мирный труд удостоен многих наград Родины, она – заслуженный работник культуры Коми АССР.

СОДЕРЖАНИЕ

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1812 ГОДА

Шеин И.А. История нашествия Наполеона в Россию в отечественной историографии.....	3
Вовси Э. М. Qui non proficit deficit (о некоторых направлениях по изучению эпохи войны 1812 года)	31
Земцов В.Н. Британский взгляд на наполеоновские войны.....	40
Сапожников А.И. Интервью с участником Кульмского сражения (необычный архивный документ)	46
Сапожников А.И. Военно-цензурные баталии ветеранов двенадцатого года (об одной полемике А.И. Михайловского- Данилевского с В.С. Норовым).....	67
Гаврилова Н.А. Историк Н. П. Поликарпов об Отечественной войне 1812 года.....	85
Смирнов А.А. «Отечественная война 1812 года и русское общество» (к юбилею выхода в свет выдающегося памятника исторической мысли).....	112
Земцов В.Н. Микроистория и перспективы изучения Отечественной войны 1812 года.....	117

СТАТЬИ И СООБЩЕНИЯ

Золотарев О.В. Преподавание истории и патриотическое воспитание в советской школе накануне Великой Отечественной войны.....	123
Бондаренко О.Е. Жили-были Пунеговы	130
Сурков Н.И. На защите Отечества.....	139
1. Степан Лыткин, участник сражения в болгарском городе Елена	139
2. Виктор Жебов, освободитель Софии	140
3. Балтийский матрос Илья Самсонович Осипов	142
4. Михаил Ногиев – герой штурма Плевны	144
5. Михаил Панюков – кавалерист-гвардеец.....	146
6. Покоритель Балкан.....	148
7. Семен Логинов – герой Плевны	150

ДОКУМЕНТЫ. МАТЕРИАЛЫ. ВОСПОМИНАНИЯ

Жеребцов И.Л., Таскаев М.В. Коми АССР в годы Второй мировой войны: хроника событий (1943 г.)	153
Сурков Н.И. Слово о матери.....	164
Сурков Н.И. Мужественная защитница Родины	168

Научное издание

**ТРУДЫ КОМИ ОТДЕЛЕНИЯ
АКАДЕМИИ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК**

Выпуск 8

Рекомендовано к изданию Президиумом Коми отделения
Академии военно-исторических наук

Оригинал-макет – О.Н. Низовцев

Компьютерный набор. Уч.-изд. л. 10,5. Усл. печ. л. 11,0.
Тираж 100 экз. Заказ № 56 (169).

Редакционно-издательский отдел Института языка, литературы и истории
Коми НЦ УрО Российской АН.
167982, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 26.

Отпечатано с оригинал-макета
в ООО «Типография «Полиграф-сервис»,
г. Сыктывкар, ул. Ленина, 4, тел. 21-48-36.

ISBN 978-5-89606-482-4

9 785896 064824

